

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

Москва

2021

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Отдел рецензий: А. В. Кухто

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

5
SEPTEMBER — OCTOBER

Moscow
2021

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitrij O. DOBROVOL'SKIY Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
 Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Review editor: Anton V. KUKHTO

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

В. С. Храковский. Опыт сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций.	7
В. Ю. Гусев. К типологической характеристике северносибирского субстрата.	26
А. И. Чиварзина. Желтый или зеленый? (О разграничении зеленого и желтого цвета в албанском языке)	59
А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г.	66
В. В. Баранова. Конструкции с отрицательными элементами <i>ни капли</i> и <i>ни разу</i> в русском языке	93
Е. М. Брейдо. Интервальная модель русской метрики и строгий тонический стих . . .	106

Рецензии

T. NESSET. [Review of:] H. Diessel. <i>The grammar network. How linguistic structure is shaped by language use</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2019	137
T. А. МАЙСАК. [Рец. на:] T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. <i>World lexicon of grammaticalization</i> . 2 nd , extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019	142
Д. В. ГЕРАСИМОВ. [Рец. на:] K. Schmidtke-Bode, N. Levshina, S. M. Michaelis, I. A. Seržant (eds.). <i>Explanation in typology: Diachronic sources, functional motivations and the nature of evidence</i> . Berlin: Language Science Press, 2019.	150

Contents

Victor S. XRAKOVSKIJ. Causal vs. causative constructions: A tentative analysis	7
Valentin Yu. GUSEV. Towards a typological profile of the North Siberian substrate	26
Alexandra I. CHIVARZINA. Yellow or green? Distinguishing green and yellow colors in Al-banian	59
Alexey A. GIPPIUS. Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020.	66
Vlada V. BARANOVA. Constructions with negative elements <i>ni kapli</i> and <i>ni razu</i> in Russian	93
Eugene M. BREYDO. Interval model of Russian metrics and strict tonic verse	106

Reviews

Tore NESSET. [Review of:] H. Diessel: <i>The grammar network. How linguistic structure is shaped by language use</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2019	137
Timur A. MAISAK. [Review of:] T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. <i>World lexicon of grammaticalization</i> . 2 nd , extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.	142
Dmitry V. GERASIMOV. [Review of:] K. Schmidtke-Bode, N. Levshina, S. M. Michaelis, I. A. Seržant (eds.). <i>Explanation in typology: Diachronic sources, functional motivations and the nature of evidence</i> . Berlin: Language Science Press, 2019.	150

Опыт сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций

© 2021

Виктор Самуилович Храковский

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; khrakovv@gmail.com

Аннотация: В статье проводится сопоставительный функционально-семантический анализ причинных (каузальных) и каузативных конструкций, который, насколько нам известно, до сих пор не проводился, хотя и те и другие конструкции отображают одну и ту же комплексную каузативную ситуацию, которая состоит из ситуации причины и детерминируемой ею ситуации следствия. Синтаксическое устройство сопоставляемых конструкций различно. Причинная конструкция состоит из двух клауз: основной, обозначающей следствие, и зависимой, обозначающей причину. Каузативная конструкция — одноклаузная, в которой участники ситуации причины и участники ситуации следствия выражаются актантами глагольного сказуемого, а сама причина преимущественно выражается факультативно. Соответственно, в центре внимания причинной конструкции находится причина, а в центре внимания каузативной конструкции находится следствие. Существенно также подчеркнуть, что каузативная конструкция может выступать в роли каждой клаузы причинной конструкции.

Ключевые слова: каузатив, клауза, конструкции, причина, ситуация, следствие

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», № 18-18-00472.

Для цитирования: Храковский В. С. Опыт сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 7–25.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.7-25

Causal vs. causative constructions: A tentative analysis

Victor S. Xrakovskij

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; khrakovv@gmail.com

Abstract: The paper proposes a contrastive functional and semantic analysis of causal and causative constructions. To our knowledge, this is the first probe of this kind, although both types of constructions describe identical composite causative situations wherein a situation of cause interacts with a situation of consequence determined by the cause. The two construction types differ in their syntactic structure. Causal constructions consist of two clauses — the main clause describing the consequence, and the dependent clause describing the cause. Causatives are single-clause constructions where verbal predicate's arguments denote the participants in both the cause and the consequence, while a description of the cause itself is mostly optional. Correspondingly, the focus of a causal construction is the cause, while the focus of a causative construction is the consequence. Another notable difference is that causative constructions can function as either of a causal construction's clauses.

Keywords: causative, cause, clause, consequence, constructions, situation

Acknowledgements: This research has been supported by the Russian Science Foundation Grant No. 18-18-00472 “Causal Constructions in Languages of the World: Semantics and Typology”.

For citation: Xrakovskij V. S. Causal vs causative constructions: A tentative analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 7–25.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.7-25

1. Вводные замечания¹

В различных разноструктурных языках обнаруживаются триады конструкций, которые можно продемонстрировать на следующих русских примерах с одинаковым составом знаменательных лексем.

- (1) *Дети вернулись домой, потому что пошел сильный дождь.*

Данный пример представляет собой клаузальную причинную конструкцию.

- (2) *Дети вернулись домой из-за сильного дождя.*

Данный пример представляет собой именную причинную конструкцию.

- (3) *Сильный дождь заставил детей вернуться домой².*

Данный пример представляет собой одноклаузную каузативную конструкцию.

Названные конструкции достаточно представительно описаны на материале разных языков и с типологической точки зрения. Итоговую информацию о клаузальных причинных конструкциях с подробной библиографией можно найти в работе [Заика 2019]. Что касается именных причинных конструкций, то здесь основное внимание уделяется предлогам, употребляющимся в этих конструкциях, см., например, [Иорданская, Мельчук 1996; Левонтина 2003; Богуславская, Левонтина 2004; Israeli 2015]. В печати находится большая работа, специально посвященная типологии именных причинных конструкций [Сай 2021].

Пионерской работой, положившей начало типологическому изучению каузативных конструкций, очевидно, следует считать коллективную монографию [Холодович (ред.) 1969]. К числу важных работ по этой проблематике можно отнести [Shibatani 1976; 2002; Comrie, Polinsky 1993; Dixon 2000; Лютикова и др. 2006; Levshina 2016].

Однако, по нашим данным, сопоставительный анализ причинных и каузативных конструкций до сих пор не проводился, хотя у отдельных авторов можно встретить упоминания об их семантическом сходстве [Kachru 1976]. Очевидно, это происходило потому, что не усматривались основания для их сопоставительного анализа. Что касается

¹ Краткие предварительные результаты данного исследования содержатся в работе [Храковский 2020а]. Представленный текст придирчиво прочитали А. Барентсен, С. Ю. Дмитренко и анонимные рецензенты ВЯ, сделавшие существенные замечания, многие из которых я постарался учесть. За примеры для данной статьи я благодарю С. Ю. Дмитренко (кхмерский язык), М. Л. Федотова (язык гбан — южные манде), Н. М. Заику (баскский язык), Д. В. Герасимова (язык гуарани), Х. Томмола (финский язык), Т. Камбара (киргизский язык), Р. Г. Мамедшахова (лезгинский язык), Л. Попович (сербский язык), И. П. Сорокину и М. А. Овсянникову (энецкий язык).

² Мы оставляем открытым вопрос, являются ли указанные конструкции универсальными, т. е. представленными в любых языках, и опираемся на достаточно представительное множество описанных языков, где все эти три конструкции имеются в наличии. Добавим, что в работе [Заика 2019] каузативные конструкции справедливо отнесены к числу монопредикативных причинных конструкций, и отмечено, что «заслуживает исследования (...) конкуренция клаузальных причинных конструкций с монопредикативными» [Там же: 28]. Отметим, что за пределами статьи остаются относительно немногочисленные случаи, когда причинные конструкции типа русских конструкций с союзом *ибо* или немецких конструкций с союзом *denn* по ряду параметров сближаются со сложносочиненными предложениями.

синтаксического устройства этих конструкций, то оно различно, и здесь как будто бы действительно трудно усмотреть основания для сопоставительного анализа.

Первая конструкция — двухклаузная. В ней основная клауза обозначает ситуацию следствия, а зависимая клауза обозначает ситуацию причины.

Вторая конструкция — одноклаузная, но в этой клаузе есть обстоятельство, которое обозначает ситуацию причины, а клауза без обстоятельства выражает ситуацию следствия.

Третья конструкция (каузативная) одноклаузная, и эта клауза совокупно выражает и ситуацию причины, и ситуацию следствия. Вершинную ядерную позицию в этой конструкции занимает трехактантный служебный каузативный глагол *заставить*, чье значение по существу является просто знаком каузации. Позицию первого актанта у этого глагола занимает ситуация причины, а позицию второго и третьего актантов занимают первый участник ситуации следствия и сама эта ситуация.

Итак, у всех трех конструкций различное синтаксическое устройство, в силу чего причинные и каузативные конструкции традиционно описываются в разных разделах грамматики: клаузальные причинные конструкции — в разделе синтаксиса сложного предложения, где выделяется группа сложноподчиненных предложений, в которых союзы вводят придаточную часть, выполняющую роль сирконстанта главной части. В эту группу обычно включаются предложения временные, причинные, условные, целевые, уступительные, следствия, см., например, [Грамматика 1970: 312; РГ 1980: 539]. В свою очередь каузативные конструкции описываются в разделе, посвященном актантной деривации глагольных конструкций, см., например, [Плунгян 2011: 276–284]. Что касается именных причинных конструкций, то они представляют собой простые распространенные предложения.

Вместе с тем все они едины в плане содержания, поскольку выражают одну и ту же комплексную ситуацию, состоящую из ситуации причины и детерминированной ею ситуации следствия. И именно это является основанием для их сопоставительного анализа. К сказанному можно добавить, что термины «причинная (= каузальная) конструкция» и «каузативная конструкция» в известном смысле являются синонимами, поскольку восходят к латинскому слову *causa* ‘причина’.

Гипотеза о том, что все эти три конструкции входят в один семантический класс конструкций, а отношение каузации является синонимом причинно-следственного отношения, была сформулирована свыше 50 лет тому назад в статье [Недялков, Сильницкий 1969а], которая была опубликована в уже упомянутой коллективной монографии [Холодович (ред.) 1969]³.

2. Немного истории

Надо сказать, что коллективная монография [Холодович (ред.) 1969] была, сегодня мы можем это смело утверждать, первой работой, специально посвященной типологии морфологического каузатива, за которой в дальнейшем последовал целый ряд значительных публикаций, посвященных той же проблематике. Вместе с тем в вводной статье этой монографии [Недялков, Сильницкий 1969а] была выдвинута гипотеза о том, что причинная и каузативная конструкция — это подклассы одной общей семантической конструкции, которую авторы называли каузативной. В кратком изложении эта гипотеза сводится к следующему.

«Действительность может быть представлена как множество событий или ситуаций. Есть ситуации простые. Их можно назвать микроситуациями. Такие ситуации зафиксированы, например, в предложениях *Светит солнце; Кукует кукушка*.

³ Замечу, что эта монография вообще была первой работой, подготовленной в ЛТИЯ, которая тогда называлась группой структурно-типологического изучения языков в ЛО Института языкознания АН СССР.

Микроситуация содержит две константы: предмет (обозначим его символом *r*) и его состояние (*s*).

Термин “состояние” имеет здесь не тот смысл, который ему придается в языкознании, например, при выделении некоторых подклассов слов (ср. глаголы состояния в противоположность глаголам действия). Грубо говоря, состоянием является все, что может быть выражено в языке той или иной предикативной формой (*он бежит, ему стыдно, он студент, она упала* и т. д.) или ее производным (*бегство, плач* и т. д.).

Кроме простых ситуаций существуют ситуации сложные. Их можно назвать макроситуациями. Примерами предложений, выражающих макроситуации, могут служить: *Он видит, как она пьет воду; Он знает, что она пришла; Когда он вернулся, мы сели за ужин; Мы вернулись, так как испортилась погода*. Разновидность макроситуаций типа той, которая выражена в последнем примере, будет называться каузативной. КС выражены также в следующих примерах: *Твоя бестактность вынудила его уйти; Мы вернулись из-за дождя; Его рассказ взволновал всех* и т. п.

Непосредственно составляющими КС являются по меньшей мере две микроситуации, связанные между собой отношением каузации или причинения (*k*)» [Недялков, Сильницкий 1969а: 5–6]⁴.

В итоге, на наш взгляд, мы учли все базовые положения изложенной концепции, на которые мы будем опираться в процессе сопоставительного анализа традиционных причинных и традиционных каузативных конструкций. Эти конструкции в соответствии с изложенным подходом представляют подклассы единого семантического класса каузативных конструкций.

Теперь мы можем уточнить цель нашей работы. Поскольку и клаузальная причинная, и каузативная конструкции в различных языках входят в единый семантический класс, выражающий каузативную ситуацию, что представляет собой очевидную фреквенталию, а возможно, и универсалию, цель — показать, в чем состоит специфика этого выражения у каждой конструкции⁵. В соответствии с целью данной работы в ней не предполагается давать сколько-нибудь полное описание семантики и синтаксиса причинных и каузативных конструкций, которые к тому же достаточно хорошо представлены в существующих публикациях. Анализироваться будут только те аспекты семантики и синтаксиса, которые, с нашей точки зрения, необходимы и достаточны для сопоставительного анализа этих конструкций.

3. Краткая характеристика причинных конструкций

Как известно, клаузальные причинные конструкции стандартно состоят из двух клауз. Одна из этих клауз зависимая, которая обозначает причину следствия, выражаемого главной клаузой. Глагольное сказуемое в зависимой клаузе, видимо, чаще выражается

⁴ На наш взгляд, в работе [Крылов 2020] фактически представлена эта же концепция, только в более компактной и современной форме с точки зрения используемой терминологии и строгости изложения. Однако без упоминания первоисточника.

⁵ Именные причинные конструкции мы считаем редуцированным вариантом клаузальных конструкций. Основанием для этого служит, в частности, высказываемое некоторыми исследователями предположение о том, что в речи детей, овладевающих языком, именные причинные конструкции появляются после клаузальных [Князев 2006]. На этом основании им будет уделяться меньше внимания. Вместе с тем считаем нужным отметить, что именные причинные конструкции могут выступать как в главной клаузе стандартной причинной конструкции (*У Пети руки замерзли от холода, потому что он забыл надеть перчатки*), так и в ее зависимой клаузе (*Петя сел на скамейку, потому что от усталости он не мог дальше идти*).

финитной формой глагола, как и в главной клаузе, но также может быть выражено и нефинитной формой глагола, см., например, примеры (16)–(17), ср. [Hengeveld 1995].

Для характеристики причинных конструкций важно учитывать, что первые участники ситуаций, выражаемых в главной и зависимой клаузах, либо могут быть разными, либо первый участник обеих ситуаций один и тот же. В первом случае конструкцию принято называть разносубъектной или разнореферентной, см. (4), во втором — односубъектной или однореферентной, см. (5).

(4) *Судоходство прекратилось, потому что река замерзла.*

(5) *Поскольку Петя не решил задачу, он не поступил в институт.*

В состав причинной конструкции входит и показатель каузального отношения, связывающего обе клаузы, который имеет различный формальный статус. Чаще всего это автономное служебное слово или комплекс слов, который именуется союзом и обычно вводит зависимую клаузу с финитным глаголом, см. (4)–(5), ср. [Martowicz 2011].

Однако, хотя и не часто, этот показатель может заключать и зависимую клаузу. Такое явление встречается, например, в лезгинском языке.

(6) Зал эфин ала лугъуз дидеди зун к'валахал акъайнач.
z-al   ʔefin-Ø   ʔala   luh-uz   dide-di   zun-Ø   k'walax-al
 1SG-SRESS   температура-ABS   есть   говорить-INF   мать-ERG   1SG-ABS   работа-SRESS
ʔaqʰaj-na-ɪʃ'
 отпускать-AOR-NEG

‘Из-за того, что у меня температура, мать не отпустила меня на работу’.

В этом примере в роли слабо грамматикализованного показателя каузального отношения выступает инфинитив глагола *говорить*.

Союз может иметь только одно причинное значение, как в (4)–(6), но может быть и многозначным, и при этом причинное значение может быть не исходным, а производным вторичным значением. Например, в сербском языке союз *пошто* является очень частотным временным (таксисным) союзом предшествования, с которым в зависимой клаузе всегда употребляется глагол СВ (обычно в форме перфекта). Чаще всего в предложениях с этим союзом обозначается предшествование в плане прошлого.

(7) *Пошто се вратио:PRF.PFV, вечерао је:PRF.IPFV.*
 ‘После того как он вернулся, он (по)ужинал’.

Наряду со значением предшествования у этого союза есть и вторичное причинное значение ‘так как, потому что’, которое маркируется двумя способами. Первый, более редкий способ заключается в том, что в исходное предложение типа (7), в котором выражается значение предшествования, вводятся лексические показатели, которые обеспечивают причинное прочтение.

(8) *Пошто се касно:LEX.MARK вратио:PRF.PFV, вечерао је:PRF.IPFV сам:LEX.MARK.*
 ‘Так как он вернулся поздно, то ужинал один’.

Второй, наиболее распространенный способ заключается в том, что в предложении выражается не значение предшествования, а таксисное значение одновременности или следования.

(9) *Она је рано легла:PRF.PFV, пошто ће устати:FUT I.PFV у зору.*
 ‘Она рано легла (спать), потому что ей придется встать на рассвете’.

Иногда служебное слово, являющееся показателем каузального отношения и вводящее зависимую клаузу, может совмещать функции союза и предлога, который в именной причинной конструкции вводит имя, выступающее в роли обстоятельства причины.

Так, в частности, обстоит дело в кхмерском языке, где таким показателем является служебное слово *daoj-sa*: (личное сообщение С. Ю. Дмитренко). Ср. (10), где это слово вводит зависимую клаузу, выступая в роли союза, и (11), где это слово вводит имя, выступая в роли предлога.

- (10) *koun khnom trvlp maok phteah vuɔn daoj₁ sa:₂ miən*
 ребенок 1SG возвращаться приближаться дом назад REAS_{1,2} иметься
phliəŋ thleak ja:ŋ khlaŋ
 дождь падать вид сильный

‘Мой ребенок вернулся домой из-за того, что пошел сильный дождь’.

- (11) *koun khnom trvlp maok phteah vuɔn daoj₁ sa:₂*
 ребенок 1SG возвращаться приближаться дом назад REAS_{1,2}
phliəŋ khlaŋ
 дождь сильный

‘Мой ребенок вернулся домой из-за сильного дождя’.

Такое совмещение функций у служебного слова представляется естественным. При этом союзное употребление в кхмерском языке, по мнению С. Ю. Дмитренко, похоже, является исходным, первичным, а предложное — производным вторичным, что вполне согласуется с высказанным выше предположением о том, что именные причинные конструкции появляются в речи ребенка после клаузальных причинных конструкций. Вместе с тем в различных языках встречается образование причинных союзов на базе причинных предлогов. В частности, в литературном арабском языке ряд причинных союзов представляет собой совокупность причинного предлога и союза, имеющего значение ‘что’. Примером может служить союз *li’anna* ‘потому что’, состоящий из предлога *li* ‘из-за’, ‘по’, ‘вследствие’ и союза *’anna* ‘что’.

- (12) *dʒaa’-a l-walad-u l-bajt-a*
 прийти\PST.PFV-3SG.M DEF-мальчик.SG.M-NOM DEF-дом.SG.M-ACC
li’anna=hu ʃaar-a dʒaa’i’-a-n
 потому.что=SG.M-ACC статья\PST.PFV-3SG.M голодный.PTCP.SG.M-ACC-INDF

‘Мальчик пришел домой, потому что он проголодался’.

Показатель, выступающий в роли союза, может представлять также рамочную конструкцию, которая охватывает всю зависимую клаузу. Так, например, обстоит дело в языке гбан (семья манде).

- (13) *Wð-é ɔ mɔ sɔwi wɪ̃ yɪ̃=ɔ*
 3PL-IPFV.PREN они для сеть IPFV\бросать вода=ɔ
[nɛ̃ zɔkɛɛ=nɪ ɔ-li-é nɪ ɔ yɛ̃ lɛ̃].
 когда рыба=PL 3PL-FOC-IPFV.PREN IPFV\быть_этим они с потому_что

‘Они забрасывали в озеро сети, так как были рыбаками’ (Мф. 4:18).

Показатель, выступающий в роли союза, формально может быть не отдельным служебным словом, а представлять собой флектику, присоединяемую к глаголу в зависимой клаузе и образующую с ним единое фонетическое слово. Так обстоит дело, например, в баскском языке, где такой показатель (грамматикализованный союз со значением ‘и’) в виде энклитики присоединяется к служебному глаголу.

- (14) *Ez naiz zinemara joango ez daukat-eta gogor-ik*
 not AUX cinema.ALL go.FUT not have-CAUSA desire-PART
 ‘Я не пойду в кино, потому что мне не хочется’.

Наряду со служебным словом, выступающим в роли союза, показателем каузального отношения может быть и компонент глагола в зависимой клаузе. С такой ситуацией мы,

например, сталкиваемся в парагвайском гуарани, где показателем каузального отношения служит суффиксальная морфема финитного глагола, представляющая собой маркер аблатива.

- (15) *Oré-ve   nda'-ore-juká-i   ro-kañy-gui-nte.*
 1PL.EXCL.LOC   NEG-1PL.EXCL.убивать-NEG   1PL.EXCL.A-прятаться-ABL-RESTR
 'Нас они не убили только потому, что мы спрятались'.

Каузальное отношение может маркироваться и компонентом нефинитной формы глагола. Именно так обстоит дело в энецком языке, где таким компонентом является суффикс номинализованной формы глагола.

- (16) *Cэйдю-нь   тахата-хузу-д   тота-гу-ць   ни-у   пирос.*
 очки-OBL.SG.1SG   сломать.NMLZ-ABL.SG-OBL.SG.2SG   сосчитать-DUR-CVB   NEG-1SG   мочь.CONN
 'Из-за того, что ты разбил мои очки, я не могу теперь читать'.

А в киргизском языке каузальное отношение представляет собой одно из значений многозначного деепричастия на *-ып*.

- (17) *Жамгыр   катуу   жсаа-п   бал-дар   үй-гө   кайт-ыш-ты*
 дождь   сильно   идти-CONV   ребенок-PL   дом-DAT   вернуться-PL-PAST.3PL
 'Из-за того что шел сильный дождь, дети вернулись домой'.

Не претендуя на полный учет всех возможных способов реализации каузального отношения, мы полагаем, что стандартно все они, как правило, относятся к зависимой клаузе, причем маркирование каузального отношения отдельной морфемой в составе финитного глагола относится к числу наиболее редких способов. Как мы увидим далее, это, очевидно, является основным способом маркирования каузального отношения в каузативной конструкции.

Синтаксическая структура причинной конструкции каких-либо разногласий у исследователей не вызывает. Чисто формально зависимая клауза является сирконстантом сказуемого главной клаузы, а фактически она является сирконстантом всей главной клаузы, т. е. факультативным элементом конструкции, который свободно можно извлечь из конструкции, и при этом главная клауза сохраняет статус самостоятельной синтаксической единицы.

- (18) а. *Петров опоздал на занятия, потому что трамваи не ходили.* → б. *Петров опоздал на занятия.*

В этой связи стоит отметить, что, если я не ошибаюсь, в литературе не ставился вопрос о деривационном статусе причинной конструкции, т. е. о том, является ли она исходной или производной конструкцией. Тем не менее естественно считать, что причинная конструкция является синтаксически производной, а исходной является главная клауза, выражающая следствие, при этом, если судить по известной нам литературе, и, что важно подчеркнуть, формально производность маркируется не в главной, а в зависимой клаузе, которая выражает причину.

Понимание того, что причинная конструкция является с синтаксической точки зрения производной и что исходной для нее является конструкция, представленная в главной клаузе, не отменяет следующего важного правила. О том, что зависимая клауза выражает причину следствия, обозначаемого в главной клаузе, можно говорить лишь при совместном употреблении обеих клауз в рамках причинной конструкции. Это правило действует и в рамках вопросно-ответной процедуры, когда вопросительное предложение мыслится как следствие некоторой причины, относительно которой задается вопрос. Ср.:

- (19) *Почему Петров опоздал на занятия? — (Петров опоздал на занятия) Потому что трамваи не ходили.*

Что касается порядка следования клауз в причинной конструкции, то каких-либо общезыковых ограничений очевидным образом не существует. В принципе зависимая клауза может и предшествовать, и следовать, и даже включаться в главную клаузу, однако конкретные правила формулируются для отдельных языков, а иногда для отдельных конкретных показателей. Скажем, в русском языке в постпозиции к главной клаузе, как правило, может употребляться зависимая клауза, вводимая союзом *потому что*. Зависимые клаузы, вводимые другими союзами, в принципе могут употребляться в любых позициях, хотя употребление в препозиции относительно главной клаузы, очевидно, является предпочтительным, см. [Пекелис 2017; Заика 2019].

Следует заметить, что порядок следования клауз в причинной конструкции очевидным образом коррелирует с ее информационной структурой. Для языков со свободным порядком клауз в сирконстантных сложноподчиненных предложениях постпозиция зависимой клаузы в причинной конструкции является предпочтительной или даже единственно возможной, и в этом случае зависимая клауза выражает ассерцию, а главная клауза — пресуппозицию. Именно так обстоит дело в русских причинных конструкциях с уже упомянутым союзом *потому что*. В то же время зависимые клаузы с другими причинными союзами, такими, например, как *поскольку*, *так как*, *раз*, предпочтительно употребляются в препозиции относительно главной клаузы, хотя могут употребляться и в постпозиции. Для нас наиболее существенно то, что каждая клауза в причинной конструкции обычно различается по характеру выражаемой информации.

Надо сказать, что ситуация причины, выражаемая в зависимой клаузе, может быть охарактеризована по ряду различных бинарных признаков. Мы рассмотрим только те из них, которые существенны для сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций⁶. Прежде всего это бинарный признак, принимающий значения '**непосредственная причина**' и '**опосредованная причина**'. Каждое из этих значений реализуется в двух вариантах.

Первый вариант значения '**непосредственная причина**' представлен в примере (20).

(20) *Петров взял такси, **потому что** (он) опаздывал на работу.*

В данном примере причинная конструкция является однореферентной (иначе односубъектной). Иными словами, главный участник ситуации причины, выступающий в роли реципиента, и главный участник ситуации следствия, выступающий в роли агенса, на денотативном уровне представляют собой одно и то же лицо. Наличие ситуации причины, нежелательной для ее реципиента, приводит к тому, что он уже как агенс создает ситуацию следствия, которая должна ликвидировать ситуацию причины. В этом варианте, в котором у обеих ситуаций один и тот же главный участник, ситуация причины непосредственно стимулирует создание ситуации следствия.

Второй вариант значения '**непосредственная причина**' представлен в примере (21).

(21) *Наш дом сгорел, **потому что** в него попала молния.*

В данном случае причинная конструкция является разнореферентной. Но в обеих ситуациях один участник является общим. В ситуации следствия это единственный неагентивный участник, а в ситуации причины это второй участник, а первый участник в этой ситуации (фактически представляющий ситуацию), является хотя не агентивным, но активным. При этом ситуация причины случайным образом непосредственно создает ситуацию следствия, после чего сама перестает существовать.

Первый вариант значения '**опосредованная причина**' представлен в примере (22).

(22) *Петров взял зонтик, **потому что** по прогнозу мог пойти дождь.*

⁶ Все известные классификационные признаки перечисляются в работе [Заика 2019].

В этом примере конструкция является разнореферентной. Ситуация причины (возможность того, что пойдет дождь) является неагентивной и служит стимулом (иначе мотивом) для осуществления агентивной ситуации следствия (Петров берет зонтик).

Второй вариант значения '**опосредованная причина**' представлен в примере (23).

(23) *Мост разрушился, **потому что** река вышла из берегов.*

В данном примере причинная конструкция является разнореферентной. Ситуация причины является неагентивной, но активной и создает неагентивную ситуацию следствия, однако ситуация причины не возникла специально для того, чтобы осуществилась именно эта ситуация следствия. У данной ситуации причины может быть и много других, заранее незапрограммированных следствий.

Еще один бинарный признак принимает значения '**реальная причина**' и '**фиктивная (мнимая) причина**'. Первое значение этого признака представлено в примере (24).

(24) *Советский союз объявил войну Финляндии, **потому что** она могла предоставить свою территорию для агрессии против него.*

В данном случае причинная конструкция является разнореферентной. Агентивная ситуация следствия реализуется, потому что ситуация причины характеризуется как реально существующая.

Второе значение этого признака представлено в примере (25).

(25) *Советский союз объявил войну Финляндии **под тем предлогом, что** она могла предоставить свою территорию для агрессии против него.*

Здесь причинная конструкция также является разнореферентной. Главный участник ситуации следствия реализует свою ситуацию, хотя называемая ситуация причины реально не существует, но, очевидно, существует какая-либо другая причина, послужившая основанием для ситуации следствия.

Добавим, что существует такая разновидность причинной конструкции, в которой каузальное отношение связывает ситуацию причины не столько с ситуацией следствия, сколько с коммуникативным актом (повеления или вопроса), выражающим эту ситуацию. Такие причинные конструкции обычно встречаются в диалоге. В данном случае принято говорить об иллюкутивном употреблении причинных конструкций.

(26) ***Раз** уж ты пришла, то помоги мне убрать в квартире.*

Существует также такой тип причинной конструкции, когда в зависимой клаузе выражается реальное следствие, а не причина, а в главной клаузе выражается предположительная причина, а не реальное следствие. Такое употребление причинной конструкции принято называть эпистемическим или инферентивным, ср. [Пекелис 2017].

(27) ***Раз** Петя опаздывает, на дороге, наверное, пробки.*

4. Краткая характеристика каузативных конструкций

В соответствии с развиваемым в этой работе подходом, монопредикативная каузативная конструкция, как и бипредикативная причинная конструкция, выражает в языке сложную комплексную каузативную ситуацию, состоящую из ситуации, обозначающей причину, ситуации, обозначающей следствие, и каузального отношения, связывающего эти две ситуации. Сразу же отметим, что каузативная конструкция, синтаксически производная, которая восходит к исходной конструкции, фактически выражающей ситуацию следствия

каузативной конструкции. Иными словами, по параметру синтаксической производности каузативная и причинная конструкция не отличаются друг от друга.

Вместе с тем каузативная конструкция принципиально отличается от причинной конструкции в том отношении, что не состоит из двух клауз, а является одноклаузной, т. е. представляет собой не сложноподчиненное, а формально простое предложение. Соответственно, исходная конструкция, выражающая ситуацию следствия и являющаяся самостоятельной синтаксической единицей, меняет свой статус в производной одноклаузной каузативной конструкции, где ее представляют все непервые актанты глагола, а факультативно и сам глагол. В то же время ситуацию причины в каузативной конструкции в обязательном порядке представляет только первый актант (иногда представляющий саму ситуацию).

Проиллюстрируем этот процесс на следующей деривационной цепочке: *Ребенок лежит на кровати* → *Мать заставила ребенка лечь на кровать* / *Мать положила ребенка на кровать*. Исходная конструкция в этой цепочке фактически выражает ситуацию следствия в обоих вариантах производной каузативной конструкции, где ее обозначают непервые актанты глагола, а во втором варианте и сам глагол. Ситуацию причины в обоих вариантах производной конструкции представляет ее первый актант.

При этом, на что следует обратить внимание, каузативная конструкция преимущественно бывает разносубъектной, а не односубъектной, тогда как для причинной конструкции такое утверждение было бы неверным.

Единственное глагольное сказуемое в каузативной конструкции оформляется различным образом.

Во-первых, в каузативной конструкции может употребляться тот же глагол, что и в исходной конструкции. Такие глаголы принято называть лабильными. В работе [Недялков, Сильницкий 1969б: 21] предложен термин «конверсивная синтагматическая оппозиция», который четко указывает, что при переходе от исходной конструкции к производной каузативной изменения происходят только на уровне синтаксиса. Они, кстати говоря, являются составной частью всех других изменений. Вот стандартный английский пример:

(28) а. *The water boils* 'Вода кипит'. б. *John boils the water* 'Джон кипятит воду'.

Каузативную конструкцию, очевидно, можно истолковать как «Джон совершает некоторое действие, в результате которого вода должна закипеть». Но какое это конкретно действие, мы не знаем. Возможно, Джон включил электрический чайник, возможно, он поставил обычный чайник на газовую плиту и т. п. Иными словами, конкретная причина кипения воды остается неизвестной.

Во-вторых, переоформленное глагольное сказуемое может быть морфологически производным глаголом с тем или иным каузативным показателем, представляющим собой морфему, которая обычно, хотя и не всегда, примыкает к корневой морфеме, ср. [Меновщиков, Храковский 1970]. Этот глагол восходит к морфологически непроизводному глаголу, который употребляется в исходной некаузативной конструкции.

Приводимые ниже примеры проиллюстрируют высказанные теоретические положения. Сначала рассмотрим пример (29а) из литературного арабского языка. Это исходная некаузативная конструкция с морфологически непроизводным переходным неагентивным глаголом внутреннего состояния. Затем проанализируем пример (29б), который представляет собой соотносительную каузативную конструкцию с морфологически производным переходным каузативным глаголом.

(29) а. *sami'-naa* 'ugniyy-at-a-n dʒadiid-at-a-n.
слышать-1PL песня-F-ACC-INDEF новый-F-ACC-INDEF
'Мы услышали новую песню'.

б. 'asma 'a=naa l-mugannii 'ugniyy-at-a-n dʒadiid-at-a-n.
слышать.CAUS.PAST.PFV-3M=1PL DEF-певец.M.NOM песня-F-ACC-INDEF новый-F-ACC-INDEF
'Певец дал нам услышать (= спел) новую песню'.

В исходной конструкции выражается реципиентная ситуация. Первые участники этой ситуации воспринимают активно воздействующую на них звучащую песню. Фактически эта ситуация является ситуацией следствия производной конструкции (а тем самым и ситуацией следствия исходной денотативной ситуации), в которой ее участники не сами принимают решение о ее создании, а оказываются в ней под воздействием каузирующей ситуации. Иными словами, в данном случае ситуация причины, производимая ее агенсом, сама создает ситуацию следствия. Фактически обе ситуации непосредственно контактируют и составляют единый неразрывный комплекс.

В состав производной каузативной конструкции входит производный переходный глагол, который от глагола в исходной конструкции отличается тем, что в его состав входит каузативный префикс 'a-', обозначающий каузальное отношение, и тем, что этот глагол не двухактантный, а трехактантный. Первый актант этой конструкции — агенс каузирующей ситуации, сама же она в конструкции отсутствует, но подразумевается (ситуация пения). Второй актант производной конструкции — это по существу второй актант исходной конструкции, в роли которого выступает участник, активно воздействующий на реципиента. Позицию третьего актанта занимает реципиент исходной конструкции, который дополнительно приобретает роль пациента каузирующей ситуации.

Далее рассмотрим примеры (30a) и (30б) из финского языка.

- (30) а. *Koko seurue nauro-i*
 целый компания смеяться-PAST
 'Вся компания смеялась'.

- б. *Hän naura-tt-i koko seurue-tta*
 PRON3 смеяться-CAUS-PAST целый компания-PART
 'Он(а) смешил(а) всю компанию'.

В примере (30a) представлена конструкция, которая является исходной для производной каузативной конструкции, составляющей пример (30б). Исходная конструкция выражает ситуацию следствия производной конструкции, а тем самым и ситуацию следствия исходной денотативной ситуации. В состав исходной конструкции входит непереходный морфологически непроизводный глагол и его единственный актант, в роли которого выступает реципиент ситуации. В состав производной каузативной конструкции входит морфологически производный переходный глагол, который отличается от глагола в исходной конструкции тем, что в его состав дополнительно входит каузативный суффикс *-tt-*. Тем самым этот глагол обозначает каузирующее отношение и каузируемую ситуацию следствия. Если исходный глагол является одноактантным, то производный каузативный глагол является уже двухактантным. В роли первого актанта выступает агенс каузирующей ситуации, которая (обратим внимание!) сама в конструкции не представлена, а в роли второго актанта выступает реципиент ситуации следствия, который одновременно является пациентом каузирующей ситуации. Таким образом, каузирующая и каузируемая ситуации фактически представляют собой единое неразрывное целое.

В исходную конструкцию, кроме непереходного глагола и переходного неагентивного глагола внутреннего состояния, может входить и любой другой агентивный переходный глагол. Подобная конструкция в принципе тоже может иметь соотносительную производную каузативную конструкцию. Данное явление наблюдается, в частности, в финском языке.

- (31) а. *Muurari-t raken-si-vat talo-n.*
 каменщик-PL строить-PAST-3PL дом-GEN
 'Каменщики построили дом'.

- б. *Minä rakenn-ut-i-n talo-n muurar-ei-lla.*
 я строить-CAUS-PAST-1SG дом-GEN каменщик-PL-ADE
 'Я заказал каменщикам строительство дома (и так построил себе дом)'.

В примере (31a) представлена исходная конструкция с переходным морфологически непроизводным двухактантным глаголом. В роли первого актанта выступает агентс ситуации, а в роли второго актанта — ее пациенс. В примере (31б) представлена производная каузативная конструкция с переходным морфологически производным глаголом, в состав которого дополнительно входит каузативный суффикс⁷. Этот глагол, в отличие от исходного, является трехактантным. В роли первого актанта выступает агентс каузирующей ситуации, иначе каузатор, в роли второго актанта, как и в исходной конструкции, выступает пациенс ситуации следствия, а в роли третьего, необязательного актанта выступает пациенс неназванной каузирующей ситуации, который по совместительству является агентсом каузируемой ситуации следствия. В данном случае каузирующая и каузируемая ситуации существуют отдельно друг от друга, и исполнение каузируемой ситуации очевидным образом будет происходить спустя какой-то временной интервал после осуществления каузирующей ситуации.

Позицию сказуемого в каузативной конструкции может также занимать так называемый служебный каузативный глагол. Этот глагол обозначает только каузативное отношение, которое можно представить как ‘каузировать’, т. е. ‘сделать так, что’. Например, в литературном арабском языке таким глаголом является глагол *dža‘ala*. Его исходное значение ‘сделать’, и он, естественно, употребляется в каузативной конструкции в значении ‘каузировать’, т. е. ‘сделать так, что’. Употребление этого глагола представлено в следующем примере.

(32) а. *rakaḍ-a*

бежать.PAST.PFV-3SG.M

‘Он бежал’.

б. *laakinna l-maṭar-a*

однако DEF-дождь-ACC

dža‘al-a=hu

сделать\PAST.PFV-3SG.M=PRON.ACC.3SG.M

yarkuḍu

бежать.PRS.IPFV.3SG.M

‘Однако дождь заставил его бежать’.

В примере (32a) в исходной одноактантной конструкции с непереходным глаголом выражается агентивная ситуация, которая, по существу, представляет собой ситуацию следствия производной каузативной конструкции в примере (32б). Производная конструкция формально отличается от исходной тем, что в ней позицию сказуемого занимает служебный каузативный глагол, который выражает обобщающее каузальное значение ‘сделать так, что’, примерно равное значению ‘заставить’. Кроме того, финитный глагол из исходной конструкции в каузативной конструкции, всегда выступая в форме презенса, занимает позицию приглагольного актанта. Агентс исходной ситуации сохраняет эту роль в производной конструкции, приобретая при этом роль пациенса каузирующей ситуации. Позицию первого актанта в производной конструкции занимает участник, выступающий в роли причины.

Иными словами, под воздействием дождя человек сам принимает решение о необходимости бежать. В результате каузируемая ситуация начинает существовать спустя какой-либо интервал после начала каузирующей ситуации и во время ее осуществления. Заметим, между прочим, что в арабском языке служебный каузативный глагол может употребляться,

⁷ В некоторых языках при наличии каузативной конструкции от исходных конструкций с непереходным и неагентивным переходным глаголом отсутствуют каузативные конструкции с морфологически производным глаголом от исходных конструкций с агентивным переходным глаголом. Примером может служить литературный арабский язык, где агентивные переходные глаголы не имеют соотносительных каузативных глаголов. Данное обстоятельство позволяет сформулировать следующую универсалию. Если в языке есть каузативные конструкции, образованные от исходных конструкций с переходным агентивным глаголом, то в нем есть и каузативные конструкции, образованные от исходных конструкций с непереходным и переходным неагентивным глаголом. Обратное неверно. Ср. [Недялков, Сильницкий 1969б].

только если позицию первого актанта занимает участник, обозначающий неагентивную причину, а не агентивного каузатора, что не является универсальной закономерностью.

Наряду со служебными каузативными глаголами достаточно широко распространены и знаменательные. Их особенность состоит в том, что они могут указывать на характер каузирующего действия, например быть речевым каузативом типа *попросить*. Ср.:

- (33) а. *Петя сделал чертеж.* → б. *Я попросил Петю сделать чертеж.*

Важно отметить, что в практической речевой деятельности употребление производного каузативного предложения чаще всего предшествует употреблению исходного некаузативного предложения.

Особо следует отметить случай разнонаправленности смысловой и формальной деривации конструкций, т. е. когда формально исходной является семантически производная каузативная конструкция. Имеются в виду соотношения таких глагольных пар, как *обрадовать* → *обрадоваться*, ср. [Храковский 2020б], и образуемых ими конструкций типа

- (34) а. *Петров обрадовал родителей своим приездом.* → б. *Родители Петрова обрадовались его приезду.*

С типологической точки зрения интересен составной показатель каузального значения в кхмерском языке, который представляет собой сочетание глагола *thvɿ*: 'делать' и глагола *aoj* 'давать' и в этой комбинации занимает позицию казуемого. В принципе с его помощью образуется стандартная каузативная конструкция.

- (35) *koun mneak nih thvɿ:₁ aoj₂ mda:j pruaʔ ba:rɔ:m*
 ребенок один.CLF DEM CAUS₁,₂ мать беспокоиться беспокоиться
khlaŋ nah
 сильный очень

'Этот сын доставляет матери очень сильное беспокойство' / дословно: 'Этот ребенок делает так, что мать очень сильно беспокоится'.

В этой конструкции позицию первого актанта стандартно занимает участник, выступающий в роли агенса причины, которая не обозначается, как в данном примере, или сама причина.

Однако в эту конструкцию перед первым актантом можно ввести показатель причины, а в позицию перед каузативным глаголом (факультативно) показатель следствия. Такая конструкция вполне грамматична и широко употребительна, особенно в письменной речи.

- (35) а. *proəh₁ tae₂ koun mneak nih ts:p thvɿ:₁ aoj₂ mda:j pruaʔ*
 из.за₁,₂ ребенок один.CLF DEM CONS CAUS₁,₂ мать беспокоиться
ba:rɔ:m khlaŋ nah
 беспокоиться сильный очень

'Из-за этого сына мать очень сильно беспокоится / Этот сын доставляет матери очень сильное беспокойство'.

Важно подчеркнуть, что проведенная трансформация не меняет ни грамматической характеристики конструкции, ни ее семантической интерпретации и, скорее всего, усиливает логическую акцентуацию первого актанта конструкции. Интересно другое. Если из этой конструкции изъять показатель каузального значения, то она превращается в стандартную причинную конструкцию.

- (35) б. *proəh₁ tae₂ koun mneak nih ts:p mda:j pruaʔ ba:rɔ:m*
 из.за₁,₂ ребенок один.CLF DEM CONS мать беспокоиться беспокоиться
khlaŋ nah
 сильный очень

'Из-за этого сына мать очень сильно беспокоится'.

Проведенные трансформации и особенно внешний облик конструкции (35а) очевидным образом указывают на семантическое родство каузативной и причинной конструкций.

Добавим к сказанному: в примерах (35а) и (35б), что стандартно для каузативных конструкций, не конкретизирована причина, вызвавшая беспокойство матери. Иными словами, мы не знаем, какое конкретно действие ребенка вызвало беспокойство матери. Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем примере.

- (36) а. *pu: khnom thvr₁ aoj₂ phniəw sauc*
 дядя 1SG CAUS_{1,2} гость смеяться
 ‘Мой дядя рассмешил гостя / гостей’.

Из этого примера остается неизвестным, что конкретно послужило причиной смеха гостей. Однако причину можно эксплицировать, употребив глагол, называющий причину, перед показателем каузального значения, из которого удален его первый компонент — глагол *thvr* ‘делать’.

- (36) б. *pu: khnom thvr₁ muk₂ thvr₃ mət₄ aoj phniəw sauc*
 дядя 1SG кривляться/строить.рожи₁₋₄ CAUS гость смеяться
 ‘Кривляясь, мой дядя рассмешил гостя / гостей’.

Вместе с тем можно просто акцентировать то обстоятельство, что гость / гости были вынуждены смеяться, очевидно, не по своей воле и не получая от этого удовольствия. Для этого перед показателем каузального значения следует употребить глагол *bnjkhəm* ‘заставлять’, а из показателя каузального значения изъять его первый компонент — глагол *thvr*: ‘делать’.

- (36) в. *pu: khnom bnjkhəm aoj phniəw sauc*
 дядя 1SG заставлять CAUS гость смеяться
 ‘Мой дядя заставил гостя / гостей смеяться’.

Во всех вариантах примера (36), кроме (б), каузирующая и каузируемая ситуации представляют собой фактически единое целое.

5. Итоговые замечания

Высказанные соображения о содержательных и формальных особенностях причинных и каузативных конструкций можно суммировать следующим образом. И причинная, и каузативная ситуация отображают денотативную каузативную ситуацию, которая состоит из ситуации, обозначающей причину, ситуации, обозначающей следствие, и каузального отношения, связывающего эти две ситуации, но делают это принципиально различным образом.

Причинная конструкция — это всегда двухклаузная конструкция, представляющая собой обычно сложноподчиненное предложение, в котором ситуация-причина вместе с показателем каузального отношения является сирконстантом, а ситуация-следствие — это основное предложение без сирконстанта. В центре внимания причинной конструкции находится именно причина. В свою очередь каузативная конструкция — это одноклаузная конструкция, представляющая собой формально простое предложение, в котором компоненты ситуации-причины и компоненты ситуации-следствия выражены актантами глагольного сказуемого (а компоненты ситуации-причины часто факультативно — сирконстантами или определениями).

В причинной конструкции ситуация, обозначающая причину, и ситуация, обозначающая следствие, всегда представляют собой самостоятельные сущности, которые не сливаются в единое целое. В каузативной конструкции, напротив, возможны варианты, когда

и ситуация-причина, и ситуация-следствие фактически сливаются друг с другом в единое целое, образуя неразрывный комплекс. Например, если некий X смежит некоего Y-а, т. е. совершает некоторое действие, которое заставляет Y-а смеяться, то стандартно Y смеется именно в то время, когда X его смежит. При этом в центре внимания каузативной конструкции находится не конкретная причина, как и в данном конкретном случае, а следствие, ср. [Недялков, Сильницкий 1969а; Аркадьев, Летучий 2007].

Вместе с тем у столь различно устроенных конструкций есть одно общее свойство: и те и другие конструкции являются производными и представляют собой дериваты исходных конструкций, которые обозначают ситуации следствия производных конструкций. Если в причинных конструкциях, что вполне естественно, реализуются все теоретически допустимые варианты причинного значения, то в каузативных конструкциях реализуется только непосредственная причина. Агнс каузирующей причины либо сам создает ситуацию следствия, либо делает так, что сам агнс ситуации следствия создает эту ситуацию. Кроме того, каузирующая ситуация может быть неагентивной, но активной, вынуждающей агенса ситуации следствия создать эту ситуацию. Только в этом последнем случае возможна относительная синонимия причинной и каузативной конструкций. Вспомним и сравним предложения, с которых мы начали эту статью.

(1) *Дети вернулись домой, потому что пошел сильный дождь и*

(3) *Сильный дождь заставил детей вернуться домой.*

Во многих случаях преобразование конкретных причинных конструкций в каузативные и каузативных в причинные исключается.

Нам остается указать еще на одно принципиальное отличие каузативных конструкций от причинных. Поскольку причинные конструкции являются двухклаузными, а каузативные конструкции представляют собой одну клаузу, то каузативная конструкция может быть либо клаузой причины, либо клаузой следствия в причинной конструкции. См. финские примеры (37а), где каузативная конструкция выступает в роли зависимой клаузы причинной конструкции, и (37б), где каузативная конструкция выступает в роли главной клаузы причинной конструкции, и при этом зависимая клауза вводится союзом:

(37) а. *Se mies jä-i miele-en-i,*
 PRON3 мужчина оставаться-PAST YM-ILL-POSS1SG
koska hän naura-tt-i koko seurue-tta.
 потому.что PRON3 смеяться-CAUS-PAST целый компания-PART
 ‘Я запомнил этого человека, потому что он смешил всю компанию’.

б. *Tuo mies naura-tt-i koko seurue-tta,*
 PRON3 мужчина смеяться-CAUS-PAST целый компания-PART
koska kerto-i hyvä-n vitsi-n.
 потому.что рассказывать-PST хороший-GEN анекдот-GEN
 ‘Мужчина рассмешил всю компанию, потому что рассказал хороший анекдот’.

Достаточно очевидно, что и в (37а), и в (37б) отображается по две каузативные ситуации, можно сказать, разного уровня. В (37а) одну каузативную ситуацию отображает зависимая клауза, представляющая собой каузативную конструкцию, а другую каузативную ситуацию «более высокого уровня» отображает причинная конструкция. Аналогично в (37б) одну каузативную ситуацию отображает главная клауза, представляющая собой каузативную конструкцию, а другую каузативную ситуацию «более высокого уровня» отображает собой причинная конструкция.

Рассмотрим также примеры из парагвайского гуарани. В примере (38а) каузативная конструкция выступает в роли зависимой клаузы причинной конструкции, а в примере (38б) каузативная конструкция выступает в роли главной клаузы причинной конструкции,

и при этом показатель причины в обоих случаях является компонентом глагольной словоформы в зависимой клаузе:

- (38) а. *Kamby-rova o-ñe-nguai-pa n-a-mo-ĩ-ri-gui*
 молоко-лицо 3A-REFL-портить-COMPL NEG-1SG.A-CAUS-быть-NEG-ABL
mo-ho 'ysã-há-pe.
 CAUS-прохладный-NMLZ-LOC

‘Масло испортилось, потому что я не положил его в холодильник’.

- б. *N-a-mo-ĩ-ri kamby-rova mo-ho 'ysã-há-pe*
 NEG-1SG.A-CAUS-быть-NEG молоко-лицо CAUS-прохладный-NMLZ-LOC
o-ñe-nguai-ma-gui.
 3A-REFL-портить-1AM-ABL

‘Я не стал класть масло в холодильник, потому что оно уже испортилось’.

Соответственно, и в этих примерах отображается по две каузативные ситуации разного уровня.

Рассуждая чисто абстрактно, можно полагать, что возможны и такие причинные конструкции, в которых и главная клауза, и зависимая клауза представляют собой каузативную конструкцию. В таких причинных конструкциях, соответственно, выражается по две каузативные ситуации «более низкого уровня», и одна каузативная ситуация «более высокого уровня», в которой и ситуация-причина, и ситуация-следствие являются каузативными ситуациями более низкого уровня. И такие причинные конструкции реально существуют. Ниже приводятся два соответствующих примера. Один из языка гбан (39). В обеих клаузах этого примера употреблены производные каузативные глаголы с маркирующим суффиксом *-kã*, а маркером причинной конструкции является рамочный показатель *nẽ ... lẽ*, опоясывающий зависимую клаузу. Второй из баскского языка (40). В главной клаузе этого примера употреблен служебный каузативный глагол, а в зависимой клаузе — производный каузативный глагол с маркирующим суффиксом *-araz*.

- (39) *Fiêlê é Zâ yà-kã,*
 Пьер 3SG\PAST Жан уходить-CAUS[PFV.HOD]
nẽ y ä í wõtłó sîẽ-kã lẽ.
 который/когда 3SG\PST ego GEN машина портиться-CAUS\PFV.HEST из.за

‘Пьер заставил Жана уйти/уехать, потому что тот испортил его машину’.

- (40) *Artista-k ikusle-ei barre eragi-n zien tximino-a*
 артист-ERG зритель-DAT.PL смех каузировать-PFV AUX обезьяна-ABS
soka-tik ibil-araz-i zue-lako
 веревка-ABL ходить-CAUS-PFV AUX-REAS

‘Артист рассмешил зрителей, потому что заставил обезьяну ходить по канату’.

Кратко и обобщенно суммируя все сказанное, можно утверждать, что и причинная, и каузативная конструкции отображают одну и ту же комплексную денотативную каузальную ситуацию, но делают это принципиально различным образом. При употреблении причинных конструкций независимо от коммуникативной структуры конструкции в центре внимания говорящих находится ситуация причины, тогда как при употреблении каузативных конструкций в центре внимания говорящих находится ситуация следствия. При этом нельзя забывать, что причинные конструкции имеют более высокий синтаксический статус, поскольку каузативная конструкция может выступать в роли каждой клаузы причинной конструкции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	FOC — фокус	OBL — косвенный падеж
ABL — аблатив	FUT — будущее время	PAST — прошедшее время
ABS — абсолютив	HEST — вчерашнее прошедшее	PFV — перфектив
ACC — аккузатив	HOD — сегодняшнее прошедшее	PL — множественное число
ADE — адессив	ILL — иллатив	PREN — предвчерашнее прошедшее
ALL — аллатив	INF — инфинитив	PRF — перфект
AUX — вспомогательный глагол	INGR — ингрессив	PRON — местоимение
AOR — аорист	IPFV — имперфектив	PRS — настоящее время
CAUS — каузатив	INDF — неопределенный артикль	PART — партитив
CAUSA — причина	LEX.MARK — лексический маркер	PST — пр. время
COMPL — комплементаризер	LOC — локатив	PTCP — причастие действительного залога
CONN — частица-коннектор	M — мужской род	REAS — показатель причины
CONV — конверб	NEG — отрицание	REFL — рефлексив
DAT — датив	NMLZ — номинализованная форма глагола	RESTR — рестриктив
DEF — определенный артикль	NOM — номинатив	SG — единственное число
DUR — дуратив		SRESS — суперэссив
ERG — эргатив		
EXCL — эксклюзив		
F — женский род		

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Левонтина 2003 — Левонтина И. Б. ИЗ-ЗА 4; ИЗ 8.1; ОТ 6, разг.; ПО I. 7, разг.; С I. 10, устар. или канц.; ЗА II.8; БЛАГОДАРЯ, книжн.; ПО ПРИЧИНЕ, книжн.; ВСЛЕДСТВИЕ, необходн.; В РЕЗУЛЬТАТЕ, офиц.; ВВИДУ, книжн.; В СИЛУ ‘по той причине, что’. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Под общ. рук. акад. Апресяна Ю. Д. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003, 430–437.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев, Летучий 2007 — Аркадьев П. М., Летучий А. Б. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке. *Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. Сборник тезисов. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Сай С. С. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2007, 10–15. [Arkadiyev P. M., Letuchiy A. B. Typologically non-trivial features of morphological causative in Adyghe. *4th Conf. on Typology and Grammar for Young Scholars*. Book of abstracts. Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Say S. S. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007, 10–15.]
- Богуславская, Левонтина 2004 — Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке. *Вопросы языкознания*, 2004, 2: 68–88. [Boguslavskaja O. Yu., Levontina I. B. The meanings ‘cause’ and ‘goal’ in natural language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2004, 2: 68–88.]
- Грамматика 1970 — *Грамматика современного русского языка*. М.: Наука, 1970. [*Grammatika sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Заика 2019 — Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 7–32. [Zaika N. M. Polypredicative reason constructions in the world’s languages: Typological parameters. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 7–32.]
- Иорданская, Мельчук 1996 — Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви ~ ПО любви). *Московский лингвистический журнал*, 1996, 2: 162–211. [Iordanskaja L. N., Mel’čuk I. A. Towards semantics of Russian causal prepositions (IZ-ZA ljubvi ~ OT ljubvi ~ IZ ljubvi ~ *S ljubvi ~ PO ljubvi). *Moscow Journal of Linguistics*, 1996, 2: 162–211.]

- Князев 2006 — Князев Ю. П. Онтогенез отношений обусловленности в детской речи (по данным «Дневника» А. Н. Гвоздева). *Семантические категории в детской речи*. Цейтлин С. Н. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2006, 339–358. [Knyazev Yu. P. The genesis of the causal relations in children's speech: A study of A. N. Gvozdev's "Diary". *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi*. Tseitlin S. N. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006, 339–358.]
- Крылов 2020 — Крылов С. А. Семантическая категория каузальности (причинности) и способы ее выражения в русском языке. *Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология)*. Материалы международной конференции. Заика Н. М. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2020, 108–111. [Krylov S. A. Semantic category of causality and means of its expression in Russian. *Prichinnye konstruksii v yazykakh mira (sinkhroniya, diakhroniya, tipologiya)*. Conf. proceedings. Zaika N. M. (ed.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2020, 108–111.]
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ РАН, 2006. [Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazel'skaya A. G., Shluinskii A. B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaev-balkarskom yazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2006.]
- Меновщиков, Храковский 1970 — Меновщиков Г. А., Храковский В. С. Каузативные глаголы и каузативные конструкции в эскимосском языке. *Вопросы языкознания*, 1970, 4: 102–110. [Menovshchikov G. A., Xrakovskij V. S. Causative verbs and causative constructions in the Eskimo language. *Voprosy Jazykoznanija*, 1970, 4: 102–110.]
- Недялков, Сильницкий 1969а — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Холодович А. А. (ред.). Л.: Наука, 1969, 5–19. [Nedjalkov V. P., Sil'nitskii G. G. Typology of causative constructions. *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1969, 5–19.]
- Недялков, Сильницкий 1969б — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов. *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Холодович А. А. (ред.). Л.: Наука, 1969, 20–50. [Nedjalkov V. P., Sil'nitskii G. G. Typology of morphological and lexical causative. *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1969, 20–50.]
- Пекелис 2017 — Пекелис О. Е. Причинные придаточные. *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Вып. II: *Синтаксические конструкции и грамматические категории*. Плунгян В. А., Стойнова Н. М. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2017, 55–131. [Pekelis O. E. Reason clauses. *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka*. No. 2: *Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii*. Plungian V. A., Stoinova N. M. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017, 55–131.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities. 2011.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*: В 2 т. Т. II. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vols. Vol. II. Moscow: Nauka, 1980.]
- Сай 2021 — Сай С. С. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета. *Типология причинных конструкций*. Заика Н. М. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2021. [Say S. S. Nominal causal constructions: Parameters of typological variation and a research questionnaire. *Tipologiya prichinnykh konstruksii*. Zaika N. M. (ed.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2021.]
- Холодович (ред.) 1969 — Холодович А. А. (ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука, 1969. [Kholodovich A. A. (ed.). *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka, 1969.]
- Храковский 2020а — Храковский В. С. О соотношении причинных и каузативных конструкций. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 2020, 42(3): 64–70. [Xrakovskij V. S. On the relationship between causal and causative constructions. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 42(3): 64–70.]
- Храковский 2020б — Храковский В. С. Две пары глаголов: *радовать* (НСВ) и *радоваться* (НСВ), *обрадовать* (СВ) и *обрадоваться* (СВ). Семантика и синтаксис. *Труды Института русского*

- языка им. В. В. Виноградова, 2020, 3: 117–132. [Xrakovskij V. S. Russian verb pairs *radovat'*—*radovat'sja* (IPFV) and *obradovat'*—*obradovat'sja* (PFV): Semantics and syntax. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2020, 3: 117–132.]
- Comrie, Polinsky 1993 — Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Dixon 2000 — Dixon R. M. W. A typology of causatives: Form, syntax and meaning. *Changing valency: Case studies in transitivity*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 30–83.
- Hengeveld 1995 — Hengeveld K. Semantic type, factivity and the expression of adverbial clauses. *The internal structure of adverbial clauses*. Hengeveld K. (ed.). (EUROTYP Working Papers, 5.) Strasbourg: European Science Foundation, 1995, 119–132.
- Israeli 2015 — Israeli A. Russian causal prepositions: internal vs. external cause and impact. *La grammaire de la cause / The grammar of causation. Actes du colloque international, Paris, 23–24 octobre 2015*. Viellard S., Thomierès I. (eds.). Paris, 2015, 205–222.
- Kachru 1976 — Kachru Y. On the semantics of the causative construction in Hindi-Urdu. *The grammar of causative constructions*. Shibatani M. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 353–369.
- Levshina 2016 — Levshina N. Why we need a token-based typology: A case study of analytic and lexical causatives in fifteen European languages. *Folia Linguistica*, 2016, 50(2): 507–542.
- Martowicz 2011 — Martowicz A. *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss. Univ. of Edinburgh, 2011.
- Shibatani 1976 — Shibatani M. (ed.) *The grammar of causative constructions*. New York: Academic Press, 1976.
- Shibatani 2002 — Shibatani M. (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.

Получено / received 25.02.2021

Принято / accepted 16.03.2021

К типологической характеристике северносибирского субстрата

© 2021

Валентин Юрьевич Гусев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; valentin.gusev@iling-ran.ru

Аннотация: В статье рассматривается несколько типологически редких черт языков Северной Сибири (ненецкого, энецкого, нганасанского, эвенкийского, негидальского, эвенского, а также юкагирского и чукотского): вопросительное наклонение глагола, интраклитика, именное время, полисемия ‘настоящий’/ ‘автохтонный’. Эти черты отсутствуют в языках, расположенных южнее, в том числе в других уральских и тунгусо-маньчжурских языках, и, следовательно, носят ареальный характер. С другой стороны, источником их не может быть ни один из существующих ныне языков, и, следовательно, их происхождение надо приписать влиянию общего субстрата. Те же черты хорошо представлены в современных эскимосско-алеутских языках. Перечисленные особенности позволяют сделать некоторые предположения о типологическом профиле языков, на которых говорили в Северной Сибири 1000–2000 лет назад. Они отличались от языков урало-алтайского типа, но, вероятно, были типологически схожи с эскимосско-алеутскими.

Ключевые слова: ареал Северной Евразии, ареальная лингвистика, самодийские языки, субстрат, тунгусо-маньчжурские языки, чукотский язык, эскимосско-алеутские языки, юкагирские языки

Благодарности: Первая версия этой статьи была представлена в качестве доклада «North Samoyed and the mysterious Sprachbund» на конференции «Языковые контакты в циркумполярном регионе II» в Институте языкознания РАН 25–27 октября 2019 г. Мы признательны коллегам за обсуждение и, в частности, за указание на некоторые существенные ошибки. Мы также глубоко признательны Н. Б. Араловой, М. Д. Люблинской, Т. А. Майсаку, Б. Пакендорфу, О. В. Ханиной и рецензентам статьи за обсуждение ряда фактов, важные содержательные замечания и помощь в поиске литературы. Статья написана при поддержке гранта РНФ № 17-18-01649.

Для цитирования: Гусев В. Ю. К типологической характеристике северносибирского субстрата. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 26–58.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.26-58

Towards a typological profile of the North Siberian substrate

Valentin Yu. Gusev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; valentin.gusev@iling-ran.ru

Abstract: The paper deals with a number of typologically rare features present in the languages of Northern Siberia (Nenets, Enets, Nganasan, Ewenki, Neghidal, Ewen, to some extent also Yukaghir and Chukchi); these features are: interrogative mood of the verbs, intracitics, nominal tense, polysemy ‘real’/ ‘autochthonous’. They are absent in the languages spoken to the south, including other Uralic and Tungusic languages, thus being of clearly areal character. On the other hand, none of the existing languages can be regarded as a source of these features, so that their origin must be due to a common substrate. Interestingly, all the four features are well attested in the Eskaleut languages. These features allow us to make some hypotheses about the typological profile of the languages spoken in Northern Siberia about 1000–2000 years ago. They must have been different from the Uralo-Altaic type, but probably were typologically close to the present-day Eskaleut (Unangan-Yupik-Inuit).

Keywords: areal linguistics, Chukchi, Eskimo-Aleut, North Eurasian area, Samoyedic, substrate, Tungusic, Yukaghir

Acknowledgements: Research underlying this paper was supported by Russian Science Foundation grant No. 17-18-01649.

For citation: Gusev V. Yu. Towards a typological profile of the North Siberian substrate. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 26–58.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.26-58

1. Введение

1.1. В статье рассматривается несколько типологически нетривиальных явлений, присутствующих в самодийских и тунгусо-маньчжурских языках Северной Сибири (ненецком, энецком, нганасанском, эвенкийском, эвенском, негидальском), но отсутствующих в прочих уральских и тунгусо-маньчжурских языках. Типологическая редкость, общий ареал и отсутствие этих черт в родственных языках за пределами ареала дают основание предполагать их субстратное происхождение и, таким образом, получить некоторую информацию о языке досамодийского и до-тунгусо-маньчжурского населения Северной Сибири.

К сравнению также привлекаются юкагирский и чукотско-камчатские языки, хотя в них обсуждаемые явления присутствуют в меньшей степени. С другой стороны, в статье показывается, что для всех этих явлений находятся аналоги в эскимосских языках.

1.2. Под Северной Сибирью здесь подразумевается зона, протянувшаяся примерно на 3000 километров вдоль Северного Ледовитого океана от Урала до Чукотки. Мы используем этот термин, поскольку другие близкие выражения — «Северная Азия» или «Северо-Восточная Азия» — часто используются шире, включая в себя, например, всю территорию к северу от Амура и Байкала, а как максимум захватывая еще часть Китая, Корею и Японию. В данной статье пойдет речь о территориях, расположенных в основном за полярным кругом, хотя понятно, что в применении к языковому ландшафту это условность: здесь будет упоминаться также негидальский язык, на котором говорят существенно южнее.

Языки, на которых говорят в интересующем нас регионе, — это северносамодийские (ненецкий¹, энецкий, нганасанский), северные тунгусо-маньчжурские (эвенкийский, эвенский, негидальский), тюркские (якутский и долганский), юкагирский и чукотско-камчатские. Все эти языки на первый взгляд вписываются в «сибирский» типологический тип, если понимать под ним прежде всего богатую и в основном агглютинативную морфологию, но имеют свои особенности, иногда типологически весьма нетривиальные.

Ареальные особенности языков лучше всего видны в сопоставлении с родственными языками в других ареалах. Юкагирский и чукотско-камчатские языки не имеют родственников за пределами Северной Сибири, и их не с чем сравнивать. Северносамодийские, северные тунгусские и якутский с долганским, напротив, представляют богатый материал для такого сравнения.

В настоящей статье — которая является только первым, насколько нам известно, подходом к теме и даже близко не исчерпывает возможный материал, — мы берем за отправную точку северносамодийские языки и выделяем в них некоторые черты, которые не могут

¹ Традиционно было принято говорить о диалектах (лесном и тундровом) внутри ненецкого и энецкого языков; в последнее время лесной и тундровый ненецкий чаще называют отдельными языками. Не отрицая существенных различий между этими идиомами, мы по стилистическим соображениям предпочитаем говорить просто о ненецком или энецком языке, при необходимости уточняя, идет ли речь о тундровом ненецком, лесном ненецком, тундровом энецком или лесном энецком. То же касается юкагирского языка (тундрового и колымского).

быть объяснены ни уральским наследием, ни влиянием непосредственных соседей. Далее мы покажем, что сходные черты присутствуют (в разной комбинации) в других языках Северной Сибири и носят, таким образом, явно ареальный характер.

Географически языки Северной Сибири и Аляски расположены в основном «в ряд» с запада на восток, поэтому не получается приписать ни одному из этих языков роль источника обсуждаемых здесь языковых черт: в историческую эпоху ни один из них не контактировал даже с половиной остальных. В такой ситуации остается приписывать происхождение упомянутых черт влиянию некоего общего субстрата.

Оказывается, что схожие свойства можно найти также в эскимосских (в меньшей степени алеутском) языках, а некоторые из них представлены там даже более богато, чем на азиатской стороне. Поэтому для иллюстрации мы везде приводим аналогичный эскимосско-алеутский материал. Можно предположить, что гипотетический северносибирский субстрат был типологически близок современным эскимосским языкам. Вопрос, был ли он родственен им генетически, остается открытым.

1.3. Перечислим собственно рассматриваемые здесь явления.

Северносамодийские языки — ненецкий, энецкий и нганасанский — являются частью самодийской группы языков, которая, в свою очередь, входит в уральскую языковую семью. Традиционно считается, что северносамодийские языки образуют генетическую общность, т. е. восходят к более или менее единому прасеверносамодийскому языку [Хайду 1985: 122 и сл.; Хелимский 1982]; существует и иная точка зрения, согласно которой нганасанский язык отделился от прасамодийского раньше других и приобрел общие черты с ненецким и энецким в результате вторичного сближения [Janhunen 1998]. Оба эти сценария предполагают длительный период сосуществования предков ненецкого, энецкого и нганасанского языка на сравнительно небольшой территории; этот период мы будем считать общесеверносамодийской эпохой, оставляя в стороне вопрос о том, какие события ему предшествовали.

Северносамодийские языки обладают рядом типологически редких (или очень редких) свойств, в частности следующими:

- чередование ступеней согласных;
- система трех «спряжений» глагола: субъектного, объектного и рефлексивного;
- дестинативная форма имени;
- «антериорная» форма имени, означающая «старый» или «бывший» предмет (в нганасанском и тундровом энецком языках);
- интраклитики;
- интеррогативная форма глагола.

Этот список не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим; скорее он включает лишь самые «заметные» особенности северносамодийских языков.

Некоторые из этих особенностей объединяют северносамодийские языки с другими уральскими: система спряжений глагола существует в других самодийских и обско-угорских; чередование ступеней согласных имеется также в прибалтийско-финских и саамских языках. Таким образом, эти черты в северносамодийском, по всей видимости, унаследованы от языка-предка (см., например, [Хелимский 1982: 70–88; 2000]).

Появление дестинатива можно приписать влиянию тунгусоязычных соседей северных самодийцев — собственно говоря, эвенков. Дестинативная форма имени характерна для тунгусо-маньчжурских языков. Правда, в северносамодийских языках она употребляется более широко. Тем не менее, наиболее вероятным на сегодняшний день выглядит предположение о том, что она возникла из прауральской формы транслатива [Salminen 2014] именно под тунгусо-маньчжурским влиянием и далее расширила свои функции уже собственно в северносамодийских языках.

Антериорная форма имени и интраклитики также имеются в эвенкийском языке, и можно предполагать, что в северносамодийских языках они также появились под эвенкийским

влиянием. Однако — в отличие от дестинатива — из тунгусо-маньчжурских языков они присутствуют только в северных (в эвенкийском, эвенском и негидальском) и отсутствуют в южных; таким образом, статус тунгусо-маньчжурских языков как источника этих грамматических свойств можно поставить под сомнение (см. об этом разделы 3 и 4 ниже).

Что же касается интеррогатива, то его, насколько известно, нет ни в генетически родственных, ни в географически соседних языках.

В ряд типологически редких черт северносамодийских языков, несомненно, входит еще аудитив (граммема, указывающая, что информация получена не зрением, а другими органами чувств). Он имеется в юкагирском (см. [Ильина 2009; 2010; 2013]) и также, вероятно, имеет ареальную природу (см. [Gusev 2017]). Однако ни в других языках Северной Сибири, ни в эскимосско-алеутских языках его нет, поэтому он представляет собой отдельную тему и здесь далее упоминаться не будет.

В подразделах 2–4 мы рассмотрим интеррогативы, интраклитики и антериорные формы имени. Раздел 5 посвящен одной лексической особенности северносамодийских языков — использованию термина «настоящий» в значении «наш», «автохтонный» и, соответственно, для самоназвания. Заключительный раздел 6 будет посвящен обсуждению и выводам из этих данных.

2. Вопросительное наклонение

Способы маркирования вопросов довольно активно изучаются в последнее время, как в общетипологическом аспекте, так и, что особенно полезно для нашей темы, конкретно в языках Северо-Восточной Азии (см. [Hölzl 2018] и там же обзор типологических работ по этой теме). Судя по статье в «Атласе языковых структур» [Dryer 2013], в большинстве языков (585 из 955 рассмотренных, т. е. около 60 %) общий вопрос маркируется специальной частицей; в 17 % (164 языка из 955) — особой морфологической формой глагола²; примерно в таком же количестве (173 языка) — только интонацией; частотность других способов не превышает полутора процентов для каждого.

По подсчетам А. Хёльцля, в Северо-Восточной Азии, под которой понимается вся территория от Северного Ледовитого океана до реки Хуанхэ [Hölzl 2018: 11], вопросительные частицы являются основным средством маркирования общего вопроса в 45 языках из 83, а всего используются в 62 языках [Ibid.: 396]. Морфологические же формы глагола используются в 13 языках как основной способ и в 18 всего [Ibid.]; это языки корейский и окинавский, (северно)самодийские, юкагирский и негидальский.

Корейские и окинавские вопросительные формы (они подробно рассмотрены в указанной работе) не будут нас здесь интересовать, поскольку структурно они сильно отличаются от самодийских. Сравнение же северносамодийских, юкагирских и негидальских данных представляется очень интересным.

2.1. Северносамодийские языки

В северносамодийских языках в вопросах употребляется особое наклонение, что в сибирских реалиях означает особый набор лично-числовых форм, противопоставленный другим наклонениям (например, индикативу) и временам. Ср. нганасанские формы

² Там же специально отмечается, что отличить частицу, стоящую после глагола, от глагольного суффикса не всегда просто и случаи сомнения трактовались в пользу морфологии; поэтому возможно, что морфологические интеррогативы на самом деле более редки.

интеррогатива в сравнении с индикативом глагола *kərbu-* ‘хотеть’ в настоящем и прошедшем времени (для краткости приводятся только формы единственного числа субъектного спряжения; двойственное и множественное числа, объектное и рефлексивное спряжения образуются аналогично):

Таблица 1

Интеррогативное наклонение в нганасанском языке
(единственное число, субъектное спряжение)

	Интеррогатив	Индикатив
настоящее время		
1	<i>kərbu-ŋu-m</i>	<i>kərbu-tu-m</i>
2	<i>kərbu-ŋu-ŋ</i>	<i>kərbu-tu-ŋ</i>
3	<i>kərbu-ŋu</i>	<i>kərbu-tu</i>
прошедшее время		
1	<i>kərbu-bu-m</i>	<i>kərbu-d'üə-m</i>
2	<i>kərbu-bu-ŋ</i>	<i>kərbu-d'üə-ŋ</i>
3	<i>kərbu-bu</i>	<i>kərbu-d'üə</i>

Помимо настоящего и прошедшего времени, особые формы интеррогатива есть в будущем времени (*-ntə-ŋu*, утвердительное будущее время *-ʔsutə*), в итеративе (*-kəə*, утвердительный итератив *-kə*) и в ренарративе (*-ha*, утвердительный ренарратив *-haŋhu*). Остальные времена и наклонения не различают утвердительных и вопросительных форм, т. е. в вопросах употребляются те же формы, что в утверждениях.

Что касается этимологии этих форм, то интеррогатив настоящего времени — это собственно старое настоящее время, которое было вытеснено другими показателями, но осталось в вопросительных употреблениях (а также в императиве 2-го лица дв. и мн. ч.). Ренарратив прошедшего времени *-hu*, по-видимому, также когда-то был одним из показателей прошедшего времени, хотя это менее очевидно. В будущем времени вопросительная форма включает то же *-ŋu* и «старый» показатель будущего времени, он же имперфектив *-ntə*, который в обычном декларативном употреблении был вытеснен аффиксом *-ʔsutə*, но сохранился в некоторых косвенных наклонениях. Ренарративное *-ha* — это старый показатель эвиденциальности, который в «дополненном» виде дал ренарративный суффикс *-haŋhu* и инференциальный *-hatu*, но сохранился в исходном виде в ренарративных вопросительных формах. Происхождение интеррогативного итератива *-kəə* неизвестно.

Таким образом, как минимум три из пяти рассмотренных форм являются бывшими немаркированными формами соответствующих времен и наклонений, которые в декларативных контекстах были вытеснены новыми формами, но сохранились в вопросах, превратившись тем самым в специализированные интеррогативы.

Эти формы употребляются как в общих, так и в частных и в альтернативных вопросах:

- (1) *Manunikanu t'ü-güə-m kat'amə-küü-ŋə*,
 попозже войти-IMP.FUT-1SG.S посмотреть-IMP.FUT-1SG.R
kuntu-ŋa-ndəʔ ŋi-ŋi-ntəʔ.
 уснуть-INTERR-3PL.R NEG-INTERR-3PL.R

‘Попозже загляну посмотрю, спят они или нет’ (JSM_090809_Life_nar 211)³.

³ Нганасанские примеры в статье взяты из корпуса «Nganasan Spoken Language Corpus» [Brykina et al. 2018]. Ссылка на текст включает название текста и номер предложения.

- (2) *Kuni koi-bi-mi?*
 куда остаться-INTERR.PRAET-1PL.S
 ‘Где мы остановились?’ (KTD_87_IronHead_fks 428).
- (3) *T̃im̃inia babi-[?] beri-[?]ə-[?] i-hua-^{??}*
 сейчас дикий.олень-PL пройти-PF-3PL.S быть-INTERR.RENARR-3PL.S
 ‘Сейчас дикий олень прошел, говорят, да?’ (ChND-KES_061107_Dialog_conv 1)

В энецком и ненецком языках есть лишь один показатель интеррогатива: в тундровом энецком он имеет вид *-ba*, в лесном энецком и обоих ненецких идиомах — *-sa*, ср. пример из лесного энецкого:

- (4) *ko-kođ to-sa-d?* — *Karaul-xuđ to-du-d'*
 что-ABL прийти-INTERR.PRAET-2SG.S Караул-ABL прийти-1SG.S-PRAET
 ‘Откуда ты приехал? — Я приехал из Караула’ ([Siegl 2012: 404], глоссирование несколько изменено).

Из примера (4) видно, что формы прошедшего времени в вопросе и в ответе образуются совершенно по-разному: в вопросе используется суффикс *-sa*, в ответе — присоединяющийся после личного окончания постфикс *-d'* (он же *-š* в других позициях). В других энецких и ненецких диалектах ситуация аналогична.

В общем и целом, формы с *-sa* и *-ba* являются вопросительными коррелятами к прошедшему времени, хотя С. Ю. Буркова [2013: 61–63] и А. Ю. Урманчиева [2020: 415–418] указывают на примеры, где эти суффиксы употребляются в конъюнктиве и в будущем времени. Во всех прочих временах и наклонениях вопросы маркируются только интонацией (см., например, о лесном энецком [Siegl 2012]).

Этимологически *-sa*, по общему мнению, восходит к общесамодийскому прошедшему времени на **-s̥a*, которое в ненецком и в энецком в декларативных употреблениях было вытеснено упомянутым выше постфиксом [Mikola 2004: 115]. Тундровое энецкое *-ba* очевидно родственно нганасанскому *-hu* / *-bu*, каково бы ни было происхождение этого последнего.

Суммируя сказанное: в северносамодийских языках в некоторых временах и наклонениях имеются особые вопросительные формы, употребляющиеся как в общих, так и в частных вопросах. По крайней мере большинство из них восходят к обычным декларативным формам, которые в утвердительном употреблении были вытеснены другими, но остались в вопросах⁴ (см. [Гусев 2006]). В других самодийских и уральских языках ничего подобного не зафиксировано.

2.2. Юкагирский

Другой язык (или семья языков), где есть вопросительные формы глагола, — это юкагирский. Ниже приводятся колымские формы интеррогатива и для сравнения формы не-будущего времени переходных и непереходных глаголов для фокусного и нефокусного объекта или субъекта соответственно по [Maslova 2003a: 140] (деление на аффиксы — по Е. С. Масловой)⁵:

⁴ Синхронное описание этих форм см. также в соответствующих грамматиках [Буркова 2010; Siegl 2013; Nikolaeva 2014; Терещенко 1979; Wagner-Nagy 2019]. В современных языках интеррогативные конструкции развивают модальные употребления, которые здесь не рассматриваются; см. о них [Буркова 2013; Гусев 2020б].

⁵ В юкагирском языке используются особые формы глагола, если в фокусе находится объект (для переходных глаголов) и субъект (для непереходных); в таблице 2 они приведены в 3-й и 5-й колонках соответственно.

Таблица 2

**Индикативные и интеррогативные формы
в колымском юкагирском языке**

	Индикатив				Интеррогатив
	Переходные глаголы: <i>juø-</i> ‘видеть, смотреть’		Непереходные глаголы: <i>šohie-</i> ‘исчезать’		<i>jaqa-</i> ‘приходить’
	фокус на объекте		фокус на субъекте		
1SG	<i>juø</i>	<i>juø-me</i>	<i>šohie-je</i>	<i>šohie-l</i>	<i>jaqa-m</i>
2SG	<i>juø-me-k</i>	<i>juø-me</i>	<i>šohie-je-k</i>	<i>šohie-l</i>	<i>jaqa-k</i>
3SG	<i>juø-m</i>	<i>juø-me-le</i>	<i>šohie-j</i>	<i>šohie-l</i>	<i>jaqa</i>
1PL	<i>juø-j</i>	<i>juø-l</i>	<i>šohie-je-l'i</i>	<i>šohie-l</i>	<i>jaqa-l-ōk</i>
2PL	<i>juø-met</i>	<i>juø-met</i>	<i>šohie-je-met</i>	<i>šohie-l</i>	<i>jaqa-met</i>
3PL	<i>juø-ŋā</i>	<i>juø-ŋi-le</i>	<i>šohie-ŋi</i>	<i>šohie-ŋi-l</i>	<i>jaqa-ŋi</i>

Парадигмы устроены достаточно сложно, но в общем легко заметить некоторые закономерности; в частности — что в нейтральных формах переходные глаголы имеют формант *-m(e)*, непереходные глаголы имеют формант *-j(e)*, а вопросительные формы не имеют в этом месте никакого форманта. Для вопросительных форм это верно для 2 и 3 лиц (выделены в таблице).

В тундровом юкагирском языке вопросительные формы 1-го лица образуются от всех глаголов; переходные глаголы во 2-м и 3-м лице не имеют отдельной вопросительной формы, а у непереходных принцип ее образования в целом схож с колымской системой, ср. парадигму глагола *ū-* ‘идти’ [Maslova 2003b: 18]:

Таблица 3

**Индикативные и интеррогативные формы
в тундровом юкагирском языке**

	Индикатив			Интеррогатив
	нейтральные формы		фокус на субъекте	будущего времени
	не-будущее	будущее	будущее	
1SG	<i>ū-je-ŋ</i>	<i>ū-te-je-ŋ</i>	<i>ū-te-l</i>	<i>ū-te-m</i>
2SG	<i>ū-je-k</i>	<i>ū-te-je-k</i>	<i>ū-te-l</i>	<i>ū-te-Ø-k</i>
3SG	<i>ū-j-Ø</i>	<i>ū-te-j-Ø</i>	<i>ū-te-l</i>	<i>ū-t-Ø-Ø</i>
1PL	<i>ū-je-l'i</i>	<i>ū-te-j-l'i</i>	<i>ū-te-l</i>	<i>ū-t-uok</i>
2PL	<i>ū-je-mut</i>	<i>ū-te-j-mut</i>	<i>ū-te-l</i>	<i>ū-te-Ø-mut</i>
3PL	<i>ū-ŋi</i>	<i>ū-ŋu-te-j-Ø</i>	<i>ū-ŋu-te-l</i>	<i>ū-ŋu-t-Ø-Ø</i>

Как можно видеть, и в тундровом юкагирском языке интеррогатив 2-го и 3-го лица отличается от нейтральных форм отсутствием показателя непереходности *-j(e)*.

Формы 1-го лица интеррогатива образуются совсем по-другому, но и значение у них иное: это не вопросы как таковые, а вопросительные императивы с семантикой типа ‘что я должен сделать?’, т. е. ответом на них должно служить не утверждение, а повеление (ср. в русском *когда нам приехать?* в отличие от *когда мы приедем?*). Такие формы и семантически, и типологически ближе к императивам, чем к интеррогативам (см. [Гусев 2013:

40–42])⁶. Отличаются формы 1-го лица обоих чисел и по обязательности употребления: как в тундровом, так и в колымском юкагирском употребление особых вопросительных форм в 1-м лице обязательно, а во 2-м и 3-м — факультативно [Maslova 2003a: 481; 2003b: 21].

Вопросительные формы в юкагирском языке употребляются только в частных вопросах. Если вопрос относится к субъекту непереходного глагола или объекту переходного, эти последние автоматически оказываются в фокусе и по общему правилу требуют фокусных форм. Ср. примеры из колымского юкагирского [Maslova 2003a: 481–482]:

- (1) *kim mit-kele qamie-Ø?*
кто мы-ACC помочь-INTERR.3SG
'Кто нам помог?'
- (2) *leme-nin kel-u-k?*
что-DAT прийти-EP-INTERR.2SG
'Зачем ты пришел?'
- (3) *godit kimd'ī-ŋi?*
почему драться-INTERR.3PL
'Почему они дерутся?'

Ничто в вопросах не препятствует употреблению обычных нефокусных форм, маркирующих переходность и непереходность, — как было сказано, они и употребляются во 2-м и 3-м лице наряду со специальными вопросительными. Поэтому легко увидеть за юкагирской системой историю, аналогичную северносамодийской, хотя сама система построена на совсем других принципах. Вопросительное наклонение, по всей видимости, является наследием той эпохи, когда переходность и непереходность не маркировались в глаголе. Формы с суффиксами *-j(e)* и *-m(e)* возникли позже — сначала, в соответствии с известным принципом (см., например, [Givón 1979: 85; Bybee et al. 1994: 230–231]), в утвердительных высказываниях, а также в общих вопросах. Но в частных вопросах старые формы сохранились, превратившись таким образом в специализированные формы интеррогатива⁸.

2.3. Негидальский язык

Еще один язык в Сибири, который имеет специальные вопросительные формы глагола, — это негидальский. Этот факт известен давно, см. [Мыльникова, Цинциус 1931: 162], где они называются «вопросительно-восклицательной формой будущего времени». По описанию А. М. Певнова и М. М. Хасановой [2003: 276–277] (там же есть указание на аналогичные формы в эвенкийском), эти формы отличаются от обычного будущего времени краткостью гласного и иной серией окончаний (собственно глагольными вместо именных у обычного будущего, которое по происхождению является причастием;

⁶ Е. А. Крейнович [1982: 149–151] относил форму 1 л. ед. ч. на *-m* и к императивной, и к интеррогативной парадигме. Для формы 1 л. ед. ч. *Мэт ају-м* приводится перевод 'А ну-ка, я выстрелю', т. е. вовсе не вопросительный [Там же: 149]. Кажется, что употребление двух вопросительных форм 1-го лица требует дополнительного изучения.

⁷ Глагол *qamie-* 'помогать' переходный, поэтому он требовал бы фокусной формы, если бы вопрос относился к объекту («кому помог?»). Когда фокус на субъекте, переходный глагол в индикативе требует нейтральной формы, а в вопросе — интеррогативной.

⁸ Как видно, экспансия новых форм продолжается, судя по тому, что в вопросах они также возможны. Тот факт, что в тундровом юкагирском языке переходные глаголы не имеют вопросительного наклонения, может свидетельствовать о том, что маркирование переходных глаголов суффиксом *-m(e)* и непереходных суффиксом *-j(e)* возникло не одновременно.

впрочем, серии окончаний различаются только в части форм). Ср. примеры (транскрипция несколько упрощена):

- (4) *ǰэб-ǰэ-м=ну* *ē-ǰа-м=ну?*
 есть-INTERR.FUT-1SG=Q что.делать-INTERR.FUT-1SG=Q
 ‘Съесть мне или нет?’
- (5) «*Си илэ уэнэ-ǰэ-с?*» *Кэндэхэ мэйүэ-мдён гун-э-н:*
 ты куда идти-INTERR.FUT-2SG лось думать-CONV говорить-NONFUT-3SG
 «*Би му-тки уэнэ-ǰэ-в...*»
 я вода-ALL идти-FUT-1SG
 ‘«Ты куда пойдешь?» Лось, подумав, сказал: «Я в воду пойду...»’
- (6) *Өн-ка э-ǰэ-м союо-йо?*
 как-PTCL NEG-INTERR.FUT-1SG плакать-CN
 ‘Как же мне не плакать?’

Судя по примерам и по личному сообщению Н. Б. Араловой, в большинстве случаев эта форма употребляется риторически, как в примере (6), однако обычные вопросительные примеры тоже, очевидно, есть (см. пример 5)⁹. Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Происхождение этого наклонения нам неизвестно, но, разумеется, невозможно не заметить его сходства с эвенкийскими формами настоящего и ближайшего будущего с суффиксом *-ǰа*¹⁰, некоторые из которых идентичны соответствующим формам вопросительного будущего в негидальском. Поэтому сценарий, похожий на описанный выше для северносамодийских и юкагирского языков, при котором старая форма времени специализируется для выражения вопросов, во всяком случае, нельзя исключать.

2.4. Эскимосские языки

Особое вопросительное наклонение есть в эскимосских языках: и в юпикских, и в инуитских, и в сиренинском; при этом оно отсутствует в родственном им алеутском. В некоторых из них оно употребляется только в частных вопросах (например, в центральноаляскинском юпике [Miyaoaka 2012: 1349]), в некоторых — также в общих вопросах (например, в западногренландском [Sadock 1984; Fortescue 1984: 4] и в эскимосских идиомах Азии [Меновщиков 1964: 87; Вахтин 1995: 190–198])¹¹.

Как известно, эскимосские языки обладают полиперсональными парадигмами, где в лично-числовых аффиксах маркируется и субъект, и (у переходных глаголов) объект. Интеррогатив обычно обладает собственным показателем, отличным от показателей других наклонений, в том числе индикатива, а также собственным набором лично-числовых аффиксов; впрочем некоторые формы у интеррогатива и индикатива могут совпадать (см. подробный разбор способов образования интеррогатива в [Hölzl 2018: 130–136];

⁹ И. А. Николаева [Nikolaeva 2020: 72–73] пишет, что и в юкагирском для вопросительного наклонения весьма характерны риторические употребления.

¹⁰ Аффикс ближайшего будущего в эвенкийском приводится как *-ǰа*- с кратким гласным у И. В. Недялкова [Nedjalkov 1997: 244] и Б. В. Болдырева [2007: 690], и в этом случае большинство форм этого времени совпадают с вопросительным будущим в негидальском; но как *-ǰā*- с долгим в [Bulatova, Grenoble 1999: 34].

¹¹ Такое распределение наводит на мысль о том, что ограничение употребления вопросительного наклонения частными вопросами — инновация аляскинской (территориально центральной) группы диалектов.

обзор вопросительных форм в юпикских языках см. в [Вахтин 2007: 69–75]). Ср. пример (11) из центральноалюскинского юпика [Miyaoka 2012: 1353]:

- (11) а. *Ki-na qaya-li-a yaa-ni?*
 кто-ABS.SG kayak-делать-INTERR.3SG там-LOC
 ‘Кто там делает kayak?’
- б. *Ki-na tange-llru-si-u yaa-ni?*
 кто-ABS.SG видеть-PRAET-INTERR-INTERR.2SG там-LOC
 ‘Кого ты там видел?’

Суффиксы *-a* в примере (11а) и *-u* в примере (11б) являются специализированными интеррогативными; в индикативе соответствующие лично-числовые показатели выглядят как *-Ø* и *-n* [Ibid.: 1325]. Помимо этого, в примере (11б) глагольная форма содержит и специальный вопросительный показатель *-si*.

В таблице 4 приводятся неотрицательные индикативные и интеррогативные формы глагола *taku-* ‘видеть’ по [Sadock 1984: 197–199]. Если в клетке есть только одна форма, это значит, что индикатив и интеррогатив совпадают¹². Формы в скобках вышли из употребления в течение XX в.

Таблица 4

**Индикативные и интеррогативные формы глагола *taku-* ‘видеть’
в западногренландском языке**

объект	субъект					
	1SG	1PL	2SG	2PL	3SG	3PL
нет	<i>takuvunga</i>	<i>takuvugut</i>	<i>takuvutit</i> <i>takuiit?</i>	<i>takuvusi</i> <i>takuisi?</i>	<i>takuvoq</i> <i>takua?</i>	<i>takupput</i> <i>takuppat?</i>
1SG	—	—	<i>takuarma</i> <i>takuinga?</i>	<i>takuassinga</i> <i>takuisinga?</i>	<i>takuaanga</i>	<i>takuaannga</i>
1PL	—	—	<i>takuatsigut</i> <i>takuisigut?</i>	<i>takuassigut</i> <i>takuisigut?</i>	<i>takuaatigut</i>	<i>takuaatigut</i>
2SG	<i>takuakkit</i>	<i>takuatsigit</i>	—	—	<i>takuaatit</i>	<i>takuaatsit</i>
2PL	<i>takuassi</i>	<i>takuassi</i>	—	—	<i>takuaasi</i>	<i>takuaasi</i>
3SG	<i>takuara</i>	<i>takuarput</i>	<i>takuat</i> <i>takuiuk?</i>	<i>takuarsi</i> <i>takuisiuk?</i>	<i>takuaa</i> (<i>takuaak?</i>)	<i>takuaat</i> (<i>takuassuk?</i>)
3PL	<i>takuakka</i>	<i>takuavut</i>	<i>takuatit</i> <i>takuigit?</i>	<i>takiasi</i> <i>takuisigik?</i>	<i>takuai</i> (<i>takuagit?</i>)	<i>takuaat</i> (<i>takuatigik?</i>)

3. Интраклитики

Если вопросительные формы глагола в общем встречаются в языках мира, то интраклитики кажутся явлением гораздо более редким.

¹² Как отмечает Дж. Сэдок, эти формы демонстрируют интересную иерархию: при субъекте 2-го лица интеррогатив всегда отличается от индикатива; при субъекте 3-го лица — иногда; при субъекте 1-го лица — никогда. Можно заметить в связи с этим, что вопросы часто задаются про собеседника, иногда — про третьих лиц и редко — про самого говорящего.

3.1. Самодийские языки

Интраклитиками в самодистике принято называть небольшой закрытый класс морфем со значением, близким к разного рода фокусу, топику, контрасту и т. п. («что касается X», «даже X», «только X», «X, вопреки ожиданиям...» и др.). Для некоторых из них точное значение, кроме размытых ярлыков «неопределенности» или «эмфатичности», остается пока неописанным.

Эти морфемы присоединяются к словам разных морфологических классов, обычно кроме финитных форм глагола (исключения из этого правила встречаются в нганасанском, где финитные формы могут восходить к причастиям), и вставляются внутрь словоформы между словообразовательными и словоизменительными аффиксами.

Следует ли вообще считать эти элементы клитиками — вопрос открытый. И. А. Николаева в применении к ненецкому говорит о «multi-based suffixes» [Nikolaeva 2014: 123–124], а Т. Салминен — о «so-called endoclititics or omnibased derivatives» [Salminen 1998: 14]¹³. В любом случае эти элементы отличаются от обычных аффиксов по ряду параметров. Во-первых, они сочетаются с широким классом основ, что обычно считается признаком клитики (см. [Aikhenvald 2002: 44]; «promiscuous attachment» в [Spencer, Luís 2012]). Во-вторых, в отличие от словообразовательных аффиксов, они никак не меняют значение основы, не говоря уже об их абсолютной «продуктивности». Считать их словоизменительными трудно в силу той же широкой сочетаемости (либо нам придется признать наличие нескольких словоизменительных категорий, которые есть у всех частей речи, в том числе у тех, у которых никаких собственных словоизменительных категорий нет, — что не менее странно). Наконец, в-третьих, эти элементы выражают значения, которые в других языках выражаются именно клитиками либо полноударными словами (как русские *только*, *-то*, *а* и другие). Поэтому классификация этих элементов как клитик (см., например, [Жданова 2000; Вагнер-Надь 2002; Burkova 2015: 333–341; Люблинская 2020] и другие работы) имеет под собой основания, и мы будем использовать здесь привычный термин¹⁴. Но если все же называть их аффиксами, все равно придется признать, что перед нами очень необычный класс аффиксов.

Приведем несколько примеров из ненецкого и нганасанского языков¹⁵.

(7) Нганасанский, *-raa* ‘только’

а. *əmi'a d'ütü-raa-tənu-ntu ŋədi-ʔə-tu, mou-ntə huan-sa.*
 так рука-только-LOC-3SG найти-PF-3SG.O земля-LAT положить-INF

‘Вот так только рукой он [ее] нашел (= нащупал), положил на землю’ (TKF_080808_IronHand_flks 272).

¹³ Впрочем, и Николаева, и Салминен включают в названные классы и те элементы, которые мы здесь интраклитиками не называем, например диминутивы.

¹⁴ В типологической литературе клитики, которые вставляются внутрь словоформы, более принято называть «эндоклитиками» или «мезоклитиками» ([Aikhenvald 2002: 44; Циммерлинг 2018] и др.). Но иные известные случаи эндоклиса объясняются тем, что части словоформы, между которыми вставляется клитика, еще недавно были отдельными словоформами, как в классических примерах типа португальского *chamar-se-á* ‘будет называться’, в удинском [Harris 2002] или андийском [Maisak 2021] языках или в русских формах типа *ни от кого*, где *от* предлагается рассматривать как эндоклитик [Аркадьев 2016]. Интраклитики в Северной Сибири вставляются перед такими аффиксами (например, личными окончаниями), которые, судя по родственным языкам, были аффиксами, во всяком случае, задолго до того, как перед ними стали вставляться клитики.

¹⁵ Чтобы не вводить новые и все равно не помогающие пониманию грамматические ярлыки, здесь и ниже в этом разделе мы глоссируем клитики русскими словами «только», «совсем» и т. д.

б. *Korj-mtj hingaʔi-laa-d'a kunda-ʔi-də.*
 ящик-ACC.3SG использовать.как.подушку-только-INF уснуть-PF-3SG.R
 ‘На ящик голову положив (букв. «свой ящик как подушку только использовав»), уснула’ (MVL_090807_BlackEyebrows_fld 50).

(8) Нганасанский, *-küə* ‘что касается, -то’

а. *ηədü-küə-d'a ηədü-šüə-mə*
 видеть-то-CONV видеть-PRAET-1SG.O
 ‘видеть-то я его видел’

б. *Təndə tagaʔa-güə ʔi-sjə-də-gəj ηəndiaiʔ lajurə-ʔ.*
 тот.GEN дальше-то NEG-FUT-3DU.S наверное кричать-CN
 ‘А после этого, наверное, кричать не будут’ (ChND_080722_TwoFriends_fld 424).

(9) Нганасанский, *-səra* ‘наоборот’

Ou, ʔimə deru-mə, horə-d'əra-δu t'ərəlika-ʔku
 INTERJ INTERJ толстый-EMPH лицо-наоборот-3SG узкий-DIM
 ‘Толстый, а лицо, наоборот, узкое’ (MVL_090809_FourChertjilehe_flds 309).

(10) Ненецкий, *-харт* ‘даже, хоть’ [Буркова 2010: 336]

а. *Няби-юм' инд-карта-да югу.*
 другой-SELECT дыхание-даже-3SG отсутствовать
 ‘[Лиса как прыгнет, за горло как схватит,] у того и дух вон (букв.: дыхание-даже отсутствует)’.

б. *Няхар" по яд-харта-ба-то', выда-уга-на ни уа-".*
 три год идти-даже-COND-3PL изнemocь-RAR-PT.PRAES NEG быть-CN
 ‘Даже если три года они [олени] будут идти, не устанут никогда’.

3.2. Тунгусо-маньчжурские языки

Схожие аффиксы есть в северных тунгусских языках — эвенкийском, эвенском, негидальском, ср.:

(11) эвенкийский [Константинова 1964: 260–261]

а. *Асāткā-р ичэтчэ-нкй-л су-риктэ-вэ-н.*
 девочка-PL смотреть-НАВИТ-PL пальто-только-ACC-3SG
 ‘Девочки смотрели только на ее пальто’.

б. *Туги-риктэ гүнинңэ-кэл.*
 так-только говорить-IMP
 ‘Только так говори!’

в. *Хуюку-кэ-мэт-ье уллэ-е эмэп-кэл-лу.*
 немного-DIM-хотя.бы-ACC.INDEF мясо-ACC.INDEF оставить-IMP-2SG
 ‘Оставьте хотя бы немного мяса’.

(12) эвенский [Цинциус 1947: 235–237]

а. *Бургаг чулбаня-нраг-ач ои-ч тэт-тэ.*
 тополь зеленый-только-INSTR одежда-INSTR одеться-NONFUT
 ‘Тополь одними зелеными одежками оделись’.

б. *Эрбэчи-л хэрги-мэк-ли мин-мэ-лэ дегси-тэ-н.*
 гусь-PL низко-совсем-PROL я-совсем-ALL лететь-NONFUT-3SG
 ‘Гуси совсем низко прямо на меня летели’.

(13) негидальский

sobgo-mak-tiki-n   *mi:sin-a-∅*
 рыба.кожа-только-ALL-3SG   резать-NONFUT-3PL

‘[рыбу] режут только до кожи’ (оставляя кожу целой) [Pakendorf, Aralova 2017, DIN_jukola: 37].

При этом для всех трех перечисленных языков отмечается возможность постановки тех же клитик в конце словоформы — см. [Мальчуков 2008: 373–374] об эвенском, [Рудницкая 2017] об эвенкийском. Вероятно, относительная частотность той или иной позиции для клитик различается по языкам; так, Е. Л. Рудницкая в упомянутой работе отмечает, что конечная позиция для морфемы *-rikta* ‘только’ редка. Вероятно также, что разница в позиции может отражать и различие в значении (Н. Б. Аралова, л. с., о негидальском).

В южных — амурских — тунгусо-маньчжурских языках интраклитик нет. Аффиксы могут быть материально теми же самыми, но они присоединяются в конце словоформы, после словоизменительных окончаний. Ср. примеры (орфографические дефисы в примерах заменяются знаками «=»):

(14) Нанайский [Аврорин 1961: 267]

а. *Дангса-сал бай гисурэ-й-чи=рэгдэ*   *би-эси...*
 книга-PL   только   рассказывать-PRAES-3PL=только   быть-NEG

‘Книги не только просто рассказывают, как жить...’ (они еще и учат человека, как жить).

б. *Туй гогда боа-чи эмдэ=эмдэ=рэгдэ хулу-сэл,*
 тот   высокий   место-ALL   хотеть=хотеть=только   белка-PL
гормахон-сал=рагда то-ри   *би-чи-чи.*
 заяц-PL=только   подниматься-PT.PRAES   быть-PRAET-3PL

‘На такое высокое место лишь изредка только белки и зайцы поднимались’.

Впрочем, В. А. Аврорин [Там же] отмечает, что «иногда, особенно в речи носителей гаринского говора, при существительных и местоимениях множественного числа эта частица употребляется в варианте *-рагдал/-рэгдэл*, включившем в себя древний суффикс множественного числа *-л*»; а гаринский диалект, в свою очередь, «обладает некоторым количеством элементов, сближающих его с эвенкийским, негидальским и ороцким языками» [Аврорин 1959: 7].

Ср. также ороцкий пример *hokkono-i-du-ni-gda* (прыгать-PT.PRAES-DAT-3SG-только) ‘пока [лиса] прыгала’ [Аврорин, Болдырев 2001: 381], ульчские *ti-du-muk* (тот-DAT-только) ‘только там’, *sim-bə-muk* (ты-ACC-только) ‘только тебя’ (Н. М. Стойнова, л. с.).

В работе [Stoynova 2021] описывается уменьшительный суффикс *-kān*, который в ульчском языке приобретает значение ‘только’. В качестве диминутива он является (и всегда являлся, как показывают родственные языки, см., например, [Суник 1982: 100–115]) словообразовательным суффиксом и стоит на своем естественном месте внутри словоформы. В значении ‘только’ он может оставаться на том же месте (20а), но может и выноситься из словоформы, становясь после словоизменительных суффиксов (20б), а также присоединяться к формам других частей речи (20в):

(15) а. *bəjə-kām-bə-n*   *baqu-xan*
 тело-только-ACC-3SG   найти-PRAET
 ‘Нашел только его тело’.

б. *nāñi*   *xəsə-wə-ŋ-kān*
 ульч   язык-ACC-3SG-только
 ‘только ульчский язык [мы знаем]’

В. <i>si</i>	<i>mimbə</i>	<i>bələči-s-ti</i> ,	<i>wə-m-kān</i>	<i>wən-di-si</i>
2SG	1SG.ACC	помогать-PRAES.NEG-2SG	говорить-CONV-только	говорить-PRAES-2SG

‘Ты мне не помогаешь, только говоришь’.

Мы видим, что в ульчском языке, как во многих других, морфема со значением ‘только’ должна быть энклитикой, и давление семантики настолько велико, что приводит к весьма нетривиальному процессу вынесения аффикса из словоформы (в тунгусо-маньчжурских языках известны элементы с вариативной позицией, но как раз в ульчском языке другие такие морфемы не зафиксированы). Эта стратегия явно отлична от той, которая присутствует в севернотунгусских языках.

3.3. Чукотско-камчатские языки

В чукотско-камчатских языках есть префиксы со значениями того же ряда, что рассматривались выше, ср. примеры из чукотского и алюторского:

(16) Чукотский [Dunn 1999: 157]

<i>ləʁən=ʔm</i>	<i>luŋ-keli-tku-te</i>	<i>t-it-γʔe-k</i>	<i>teŋ-em-ŋelwəlʔ-ə-k</i>
действительно=EMPH	NEG-писать-ITER-VBASE	1SG-быть-TH-1SG	EMPH-только-печь-EP-LOC

t-ə-miyciret-γʔe-k.
1SG-EP-работать-TH-1SG

‘Но я не ходила в школу, я все время была у печи, я работала’.

(17) Алюторский [Нагаяма 2003: 44–45]

а. <i>aktəka</i>	<i>m-ə-ralkiv-ə-k,</i>	<i>məri</i>	<i>am-rara-ŋa.</i>
нельзя	IMP.1SG-EP-заходить-EP-1SG.S	потому.что	только-дом-AVS.SG

‘Не могу зайти в дом, потому что там никого нет’ (букв. «только-дом»).

б. <i>q-ə-taŋ-saju-γi,</i>	<i>vasqik</i>	<i>senik</i>	<i>itit-i.</i>
IMP.2SG-EP-достаточно-пить.чай-2SG	другой	чайник	вскипеть-3SG.S

‘Еще пей чай [сколько хочешь], другой чайник вскипел’.

Неясно, насколько эти чукотско-камчатские морфемы можно относить к интраклитикам. Префикс ‘только’, как утверждается в грамматиках, присоединяется только к существительным (и местоимениям), а кроме того, находится на периферии словоформы, не вставляясь внутрь нее. Однако в ареальном контексте тот факт, что это все же префикс, а не отдельное слово, может представлять интерес.

Возможно, с большим правом на статус интраклитики может претендовать *taŋ/teŋ*, которое глоссируется как ‘достаточно’ в алюторском или как эмфатическая частица в чукотском. Как видно из примера (176), он может находиться между «истинными» префиксами и корнем; и по крайней мере в разных языках он может присоединяться к разным частям речи.

3.4. Эскимосско-алеутские языки

Интраклитики, схожие с северносамодийскими и севернотунгусскими, имеются, например, в алеутском языке, в центральноаляскинском юпике и в восточногренландском языке, т. е. в генетически и географически далеких друг от друга языках этой семьи. Во всяком случае, это верно для морфемы со значением ‘только’ — как кажется по примерам, самого распространенного в разных языках представителя этого класса.

В алеутском языке (диалект о. Беринга) есть показатель $-л^и-$, который находится внутри словоформы и с именами значит ‘только’, а с глаголами — ‘Х продолжает делать (Y)’ ([Головки и др. 2009: 83, 139–140]; в этой работе эти два суффикса никак не связываются, но кажется очевидным, что по крайней мере этимологически они представляют собой один показатель):

(18) алеутский

а. *тайаг* $’у-л^и-с$

мужчина-только-PL

‘только мужчины’

б. *ик’ана-к’аси-л^и-н’*

старуха-как-только-1SG

‘только такие старухи, как я’

в. *Иван саг’а-л^и-ку-х’*.

Иван спать-все.еще-PRAES-3SG

‘Иван продолжает спать’, ‘Иван все еще спит’.

В грамматике центральноаляскинского юпика сходные суффиксы включаются в большой разряд «адвербиальных» показателей с не вполне однородными морфологическими и семантическими свойствами [Miyaoka 2012: 1175–1209]. Во всяком случае, среди них есть несколько показателей со значением ‘только’, присоединяющихся и к именам, и к глаголам: $-ŋinaŷ-$, $-ŋinaŷ-$, $-xlainaŷ-$, $-qainaŷ-$; эти показатели, очевидно, этимологически связаны, точнее, являются сочетаниями первого из них с другими [Ibid.: 1199–1202]. Ср. примеры:

(19) а. *уии-nginar-tuq*

жить-только-IND

‘он живет обычной жизнью’ (‘he leads an ordinary life’; *уи-и* ‘человек-быть-’ = ‘жить’)

б. *tangrr-inar-aanga*

смотреть-только-IND.3SG.1SG

‘он только смотрит на меня [и ничего не делает]’ (осуждение невнимания к нуждам других людей)

в. *pai-nginar-mun*

устье-только-ALL

‘только к устью [реки]’

Ср. примеры со сложным суффиксом $-xlainaŷ-$ ‘ничего кроме’:

(20) а. *Tua=i, nere-rrlainar-tuten.*

тогда есть-только-IND.2SG

‘Хватит, ты все время ешь!’

б. *(n)ene-rrlainaq / (n)ene-rrlaina-a-t*

кость-только / кость-только-PL

‘скелет; худой’

в. *Maaten tangrr-aqa, qai-nga aug-glainaq!*

тогда видеть-IND.1SG.3SG поверхность-3SG кровь-только

‘Я видел его, вся его поверхность в крови!’

В восточногренландском языке значение ‘только’ и при именах, и при глаголах выражается, видимо, этимологически тем же суффиксом $-Vnnaq-/ŋinnaq-$ [Mennecier 1994: 225–226, 367–368]:

- (21) а. *qaammati-t siama-annaa-t*
 месяц-PL четыре-только-PL
 ‘Всего за четыре месяца [собаки выросли]’ [Ibid.: 546].
- б. *saqqisi-inna-kkit saqi-taq-pu-a*
 каяк-только-TRANSL охотиться-FREQ-IND-1
 ‘[В ту осень из-за плохой погоды, хотя у меня была лодка,] я охотился только на каяке’ [Ibid.: 536].
- в. *ala-annar-po-q*
 двигаться-только-IND-3
 ‘надо только двигаться’
- г. *kikka-annaq*
 кость-только
 ‘скелет’

В эскимосских языках есть и другие морфемы, которые могут присоединяться как к имени, так и к глаголу (что, как было сказано выше, является одним из определяющих свойств северносамодийских интраклитик). Некоторые из них имеют увеличительное или уменьшительное значение, либо одно из тех, которые в [Miyaoka 2012: 680–700] называются «(dis)honorifics», и это типологически менее необычно; кроме того, аугментативы и диминутивы все же модифицируют значение основы, поэтому они в большей мере заслуживают роли суффикса.

В восточногренландском языке есть «восклицательные» суффиксы, которые в [Mennecier 1994: 293–294, 436] глоссируются как «*enfin! finalement!*» и «*émotion*»:

- (22) а. *kiisami tikik-ki-vu-q*
 наконец прийти-наконец-IND-3
 ‘Он наконец пришел!’
- б. *miki-qa-a-q*
 быть.маленьким-очень-IND-3
 ‘он очень мал!’

Возможно, более детальная классификация эскимосских аффиксов сделает аналогию с сибирскими фактами более (или менее) явной. Но возможно и другое: что эскимосская грамматика позволяет более свободную инкорпорацию внутрь словоформы дискурсивных элементов, которые в языках Старого Света обычно не инкорпорируются¹⁶; и что северносамодийские и северные тунгусские интраклитики — это попытка частично имитировать эту свободу.

4. Антериорные формы имен

Временные формы имен — еще один класс явлений, известный типологам, но в языках мира встречающийся не очень часто (и преимущественно в Новом Свете, см., например, [Nordlinger, Sadler 2004]; см. также [Tonhauser 2020] и другие работы Ю. Тонхаузер). В северносамодийских языках есть два класса таких форм. Во-первых, это уже упоминавшийся и хорошо описанный (см., например, [Nikolaeva 2015] о тундровом ненецком)

¹⁶ М. Фортескью в научно-популярной статье специально отмечает «сентенциальные аффиксы» (к сожалению, не приводя примеров) как одну из отличительных черт эскимосских языков (<http://serious-science.org/eskimo-aleut-languages-8887>).

дестинатив — форма, выражающая будущую принадлежность в номинативе, генитиве и аккузативе и широко употребляющаяся во всех языках северносамодийской группы. Аналогичные (хотя ограниченные аккузативом) формы распространены в тунгусо-маньчжурских языках, и, очевидно, под влиянием этих последних дестинатив появился в северносамодийском.

Во-вторых, это форма прошедшего времени имени, хорошо представленная только в нганасанском и реликтивно засвидетельствованная в тундровом энецком; о ней пойдет речь в этом разделе. В лесном энецком, лесном и тундровом ненецком ее, насколько известно, вовсе не существует.

Мы будем называть эту форму антериорной, чтобы отличать ее от глагольного прошедшего времени. Л. Лейсий [2014] включает ее вместе с дестинативом в единую категорию именного времени; однако надо иметь в виду, что дестинатив («именное будущее время» в таком понимании) выражает только будущее обладание¹⁷, а антериорные формы могут обозначать «прошедшесть» и в других отношениях, см. следующий раздел.

4.1. Северносамодийские языки

В нганасанском и тундровом энецком языках антериорные формы имен образуются с помощью морфемы нган. *-d'əə* / тундр. эн. *-i* (< **-jəjə*, дальнейшая этимология неизвестна). Поскольку, как было сказано, в тундровом энецком языке эти формы зафиксированы очень слабо, а в остальных вовсе отсутствуют, ниже их употребление будет иллюстрироваться в основном на нганасанском материале (см. [Лейсий 2014]).

Суффикс *-d'əə* используется в значении «бывшесть» самого предмета либо связи с ним (в частности, посессивной). Насколько можно судить, это обычный набор значений для «именного прошедшего времени» (см. материал в [Nordlinger, Sadler 2004]¹⁸).

В примере (23а) речь идет об умершем человеке — о покойном отце. В примере (23б) — об имуществе покойного отца; само имущество присутствует в момент речи, но утрачена его принадлежность прежнему хозяину.

- (23) а. *Десы-деə-ми, мануо десы-ми тэи-сюə, каукэə куə-дюə.*
отец-ANT-1DU прежний отец-1DU иметься-PRAET давно умереть-PRAET
'Был у нас отец, он уже умер' (TKF_061102_Lakuna_flk 509).

- б. ...муну-муну-чи: «Десы-ми куə-дюə əмты,
говорить-AUD-3DU отец-1DU умереть-PRAET этот
десы-ні мибтіə-деə-й əмы''а тарур-у-ми.
отец-GEN.1DU имущество-ANT-ACC.PL так делить-PRAES-1DU
'Они говорят: «Отец у нас умер, его имущество мы делим»' (TKF_080808_IronHand_flks 245).

¹⁷ То есть, например, форма 'лодка-DEST-2SG' значит 'лодка, которую я привел/купил/сделал для тебя', но не 'доски, приготовленные для изготовления лодки'. Об этом же свидетельствует и то, что дестинатив всегда употребляется с посессивными аффиксами либо с посессором в генитиве. При этом формы со значением 'будущий X' существуют в ряде языков, в том числе в тунгусо-маньчжурских и эскимосских, см. об этом ниже.

¹⁸ См. также недавнюю статью [Aikhenvald 2021] об именном времени в тариана (аравакская семья). Значения «бывший» и «более не существующий / покойный» объединяются в клитике, называемой «completed non-propositional past». Третье значение этой клитики — пейоративное; в нганасанском для пейоратива используется суффикс *-di'a*, представляющий собой сочетание *-d'əə* с аугментативом *-ʔa*.

В примерах (24) из нганасанского и (25) из энецкого антериорная форма маркирует не существующую более характеристику объекта — абсолютную, как в (24а), или относительную, как в (24б) и в (25).

- (24) а. *Нягадэ уойбэубси-деэ-нуту нюу мануо-деэ.*
 хороший работник-ANT-INDEF наверное прежний-ANT
 ‘Хороший работник был, наверное, раньше’ (TKF_061105_MasterOfIdols_flk 204).

- б. *Тэ, хезыты-? такэа, куні?а и-ся-деэ-тэ моу-нтэ дя*
 ну идти-IMP.2SG тот куда быть-NLOC-ANT-GEN.2SG земля-GEN.2SG к
хезыты-?, мазу-тэ дя.
 идти-IMP.2SG чум-GEN.PL.2SG к
 ‘Поезжай туда, где ты жил, в свою землю поезжай, в свое стойбище’ (MVL_090807_Hungabtdja_flks 604).

- (25) *Sorogaad'u lotu-e-đo? ba?a-i-xo-da.*
 назад вернуться-PRAES-3SG.R место-ANT-LAT-3SG
 ‘Вернулся обратно на свое место’ (текст «Solda», из материалов Е. А. Хелимского, 53).

Еще одна функция антериорного суффикса — это указание на отделенность части от целого. Он употребляется, в частности, с названиями частей тела, отделенных от собственно тела (31). Ср. также пример (32) — корни не существующего больше дерева.

- (26) Нганасанский
Тэсиэ-гүо-” таньде-” юнэ-нтуу танде-тэ-ндуу нюэ-тыу
 такой-то-PL семья-PL сам-3PL семья-LAT-3PL ребенок-GEN.PL.3PL
сані-зэ-й ууню-укэ-хуазу, чими-”
 игрушка-DEST-ACC.PL собирать-ITER-INFER зуб-GEN.PL
уойбуо-деэ-гитэ чими-й уонюм-кэ-нду-”
 голова-ANT-ABL.PL зуб-ACC.PL собирать-ITER-PRAES-3PL
 ‘Каждая семья сама собирала оленье зубы для игрушек своим детям, зубы, зубы от оленьих голов собирали’ (ChND_041213_Reminiscence_nar 131).

- (27) Тундровый энецкий: *badui* ‘сухой или гнилой пенек, остатки корней погибшего дерева’ от *badu* ‘корень, коряга’

Распространено употребление *-d'əə* с названиями разного рода следов и дорог¹⁹; в том числе в самом слове ‘след’ *үиэд'əə*, которое почти никогда не употребляется без этого суффикса.

Подчеркнем, что этот суффикс полностью продуктивен и, видимо, в подходящем контексте может сочетаться с любым именем (в отличие, например, от тунгусо-маньчжурского суффикса *-ŋasa* ‘покойный’, о котором см. ниже).

Суффикс *-d'əə* также входит как составная часть в показатели причастия прошедшего времени, формы «будущего в прошедшем» и аффикс т. н. ирреального дестинатива *-tatəəd'd'əə* ‘то, что должно было стать (но не стало) X’.

4.2. Тунгусо-маньчжурские языки

В эвенкийском языке есть как минимум два суффикса со схожей семантикой: *-mī* и *-rān*. Они упоминаются в любом стандартном описании эвенкийского языка и обычно включаются в число так называемых «эмоционально-оценочных» (или «evaluative») аффиксов

¹⁹ Дорога или тропа — это в естественных условиях и есть след от тех, кто проехал или прошел по этому месту ранее.

(наряду с аугментативом, диминутивом, эмфатическими показателями и др.)²⁰. К сожалению, эти упоминания обычно очень кратки (исключение — статья [Булатова 2015], где подробно описывается первый из них), поэтому об их употреблении и распространении по диалектам известно немного. Неизвестна нам и их этимология, поэтому данный раздел в большей мере, чем другие, представляет собой предварительные соображения.

У суффикса *-mī* обычно отмечаются два значения: «ветхость, древность» и «пренебрежительность» (см. [Булатова 2015: 68–72] с обзором литературы). Как кажется по текстам и по примерам, пейоративные значения у этого суффикса преобладают²¹. Однако существуют и примеры, где очевидно значение «неиспользуемости»:

- (28) *Bəjə*, *ŋənə-d'ə-nə*, *ičə-rə-n* *awdu-mi-wa*.
 мужчина идти-IMPF-CONV видеть-NONFUT-3SG берлога-ANT-ACC
Awdu-mi-du *ugduh̄inčal-la-n*, *pal̄i* *iltən-dəl̄ə-n*.
 берлога-ANT-DAT пролезть-NONFUT-3SG мокрый.снег пройти-CONV-3SG

Мужик, идя, увидал старую берлогу. В берлогу влез, [переждать] пока пройдет мокрый снег. {Далее в берлогу вернулся медведь, и герою пришлось оставаться в берлоге до весны; но очевидно, что в данных предложениях речь идет о пустой берлоге.} ([Василевич 1936], текст «Как мужик с медведем зимовал», 4–5)

- (29) *Tā-lā* *d'ū-mī-l-wa-t̄in* *əwənk̄i-l* *baka-ra-n*.
 TOT-LOC дом-ANT-PL-ACC-3PL эвенк-PL найти-NONFUT-3SG
 ‘Там нашел юрты эвенков’. {Из контекста понятно, что юрты были пустые.} ([Василевич 1936], текст «Мурикуль», 8.1)

Для второго суффикса, *-rān*, также указываются два значения, однако в этом случае скорее различных, и возможно, что речь идет о двух разных морфемах. Так их рассматривает Г. М. Василевич [1958: 786]: *-rān* I — «суффикс, образующий названия по близкому, но не кровному родству: *э́йн* мать — *э́йрэн* мачеха»; *-rān* II — «суффикс, обозначающий заброшенность: *хокто* дорога, тропа — *хокторён* старая дорога». В других описаниях указывается лишь значение «ненастоящести» (см. [Константинова 1964: 93; Nedialkov 1997: 297].

Легко заметить, что употребление этого суффикса с лексемами для «следов» напоминает нганасанское, которое упоминалось выше; ср. (35):

- (30) *Umn̄ə* *dolbotono* *t̄ulə-č̄ə-n* *bərk̄ən-mə*
 однажды вечером поставить.ловушку-PRAET-3SG самострел-ACC
mun̄nuk̄ən *ūd'a-ran-du-n*²².
 заяц след-старый-DAT-3SG
 ‘Однажды вечером настораживал [= насторожил] самострел на заячьей тропинке’ ([Василевич 1936], текст «Как один мужчина настораживал самострел», 3).

Для быстринского диалекта эвенского языка семантика суффикса *-m̄l̄A* (родственного упомянутому выше эвенкийскому *-mī*) описывается как «бывший, использовавшийся ранее» в смысле ‘старый’ в случае предметов (*m̄o.m̄i-m̄ija* ‘старая лодка’) и как ‘не состоящий более в некотором отношении’ в случае людей (*at̄ikam-m̄ija-w̄u* ‘моя бывшая жена’) [Pakendorf, Krivoschapkina 2014: 294].

²⁰ Надо отметить, что некоторые из этих «оценочных» морфем присоединяются к разным частям речи, что также интересно в типологическом и ареальном контексте (ср. предыдущий раздел).

²¹ Впрочем, их не всегда можно различить по русским переводам, а иногда и содержательно эти два значения неразделимы, ср. примеры из [Константинова 1964: 81]: *гүлэмй* ‘старый негодный дом’, *платьемй* ‘старое платье’ и др. Старые предметы в силу своей ветхости обычно плохие; в противном случае они скорее всего не будут называться «старыми».

²² Слово *ūd'a* ‘след’ было заимствовано в нганасанский, где, как было сказано, также употребляется в основном с антериорным суффиксом (*ŋuə-d'əə*, см. [Гусев 2020a]).

Как и в случае с интраклитиками, можно было бы предположить, что в нганасанском и энецком языках антериорная форма появилась под влиянием эвенкийского. Однако мы сталкиваемся с той же проблемой: такой формы, насколько известно, нет в других тунгусо-маньчжурских языках, как минимум — в амурских тунгусских. Поэтому и здесь можно предположить, что эвенкийский, эвенский, нганасанский и энецкий языки параллельно создали антериорную форму по модели неких третьих языков.

Кроме того, во многих, хотя не во всех тунгусо-маньчжурских языках есть суффикс *-ŋasa* со значением ‘покойный’, ср. совпадающую во многих языках форму *amiŋasa* ‘покойный отец’. По данным грамматик и словарей, этот суффикс довольно причудливо распределен по языкам: он имеется в эвенкийском, негидальском, ульском, орокском, ороческом и удэгейском, но отсутствует в эвенском, нанайском и маньчжурском. Впрочем, эти данные могут быть неполны; кроме того, учитывать здесь надо не языки, а отдельные диалекты.

Наконец, в некоторых тунгусо-маньчжурских языках есть и формы со значением ‘будущий’, ‘предназначенный для’: это эвенкийские и эвенские формы с суффиксом *-ŋāt*. Этот же суффикс может образовывать форму долженствования / будущего времени у глагола, как в эвенкийском.

(31) Эвенкийский

а. *Killə-ŋə:t-i-l-bə:-n*   *ga:-rə-n*
 лыжи-FUT-EP-PL-ACC-3SG   взять-NONFUT-3SG

‘Взяла доски для лыж’ ([Василевич 1936: 13], текст «Hulakī, amākā», 15)

б. *эдѳ* ‘муж’ — *эдѳнѳт* ‘жених’ [Василевич 1958: 779]

в. *сѳ-де-м*   *суру-нѳт-вѳ-н*
 знать-IPF-1SG   уйти-FUT-ACC-3SG

‘Я знаю, что он должен уехать’ [Там же].

(32) Эвенский, охотский диалект [Цинциус 1947: 69]

мин   *ам-му*,   *моми-нгат*   *хулу*   *чики-риди*,   *тѳнгкѳ-ду*   *ѳмѳн-и-н*.
 я   отец-1SG   лодка-FUT   тополь   резать-CONV.SG   густой.лес-LOC   оставить-PRAET-3SG

‘Мой отец, срубив тополь для лодки, оставил его на месте, где лежат толстые деревья’.

Трудно сказать, впрочем (как и про суффиксы *-mī* и *-rāp* выше), насколько свободно образуются соответствующие формы и, соответственно, насколько можно говорить тут не просто о словообразовательной морфеме, а о граммеме «именного будущего времени» или даже о категории именного времени в целом. Напомним, что в нганасанском языке, в отличие от тунгусо-маньчжурских, антериорный суффикс *-dʼəə* полностью продуктивен, но будущего времени в строгом смысле слова у имени, напротив, нет вообще.

4.3. Эскимосские языки

Как и в предыдущих случаях, именные суффиксы со сходным значением есть в эскимосских языках, с той лишь разницей, что там они входят в разряд других аффиксов, модифицирующих семантику имени. Так, центральноалаяскинский юпик имеет суффиксы *-lū-* ‘прошлый, бывший’ и *-niūit-* ‘покойный’ [Miyaoka 2012: 664–666]:

(38) *ui-l-qa*

муж-ANT-1SG

‘мой бывший муж (умерший, уехавший куда-то, разведенный...)’

- (33) а. *aira-irut-ka*
 супруг-покойный-ABS.1SG
 ‘мой покойный супруг (муж или жена)’
- б. *aira-l-qa*
 супруг-ANT-ABS.1SG
 ‘мой бывший супруг (покойный²³ либо живой)’

В восточногренландском сходное значение имеют суффикс *-ku-* ‘старый, более не используемый, бывший’ и *-Iḡativaq* [Mennecier 1994: 368–370] ‘более не существующий, покойный’²⁴:

- (34) а. *kami-ku-q*
 сапог-ANT-ABS
 ‘старый сапог’
- б. *unaquti-ku-na*
 друг-ANT-1SG
 ‘мой бывший друг’
- (35) *unaquti-iḡativa-a*
 друг-ANT-3SG
 ‘его бывший друг; его покойный друг’

Наконец, в эскимосских языках есть и аффиксы именного будущего времени, как восточногренландский аффикс *-ssa* (выступающий обычно в лексикализованных сочетаниях) [Ibid.]:

- (36) *aqnanaa-ssa-q*
 одежда-будущий-ABS
 ‘ткань’ («то, что будет одеждой»)²⁵

5. ‘Настоящий’ = ‘автохтонный’

В этом разделе мы рассмотрим не грамматическую, а лексическую изоглоссу. Речь пойдет об употреблении лексемы или суффикса со значением «настоящий» для обозначения «здешнего», «нашего», «автохтонного». Естественным продолжением этой полисемии становятся самоназвания типа «настоящий человек».

²³ Эти два примера даны в грамматике для иллюстрации семантического контраста между *-lḡ-* и *-niḡut-*, однако из описания не ясно, может ли форма *aipalqa* быть синонимичной *aipairutka* в значении ‘покойный супруг’ либо означает, что супруг должен был перестать быть таковым еще при жизни (как в русском *мой покойный бывший муж*).

²⁴ Сходные, хотя не полностью тождественные суффиксы присоединяются и к глаголам; это касается и показателя *-ssa*, о котором речь далее [Mennecier 1994: 368]; однако именны основы с этими суффиксами не становятся глаголами, т. е. нельзя считать, что перед нами просто глагольные формы, образованные от имен. Это верно, насколько можно понять из описания, и для центральноаляскинского юпики.

²⁵ В корякском и алюторском языках есть суффикс *-лқыл/-lqəl*, существительные с которым в большинстве примеров переводятся как ‘материал для X’: алюторское *rətt* ‘нитка’ — *rəttəlqəl* ‘сухожилие для изготовления ниток’ [Нагаяма 2003: 22]; корякское *в’ала* ‘нож’ — *в’алалқыл* ‘материал для изготовления ножа’; но ср. *маёқыл* ‘дикий чеснок, лук’ — *маёқлалқыл* ‘луковица’ [Жукова 1972: 86]. Неясно, насколько это значение может расширяться и насколько свободно этот суффикс сочетается с разными именами — например, с обозначениями людей. Пока что кажется, что у него слишком узкое значение, чтобы считать его показателем именного будущего времени.

Подчеркнем, что здесь речь не идет об использовании для самоназвания просто лексемы «человек». Такое употребление также характерно для обеих сторон северного Тихого океана — вспомним хотя бы нивхов, айнов и денаина²⁶. Мы здесь говорим только о тех этнонимах, которые включают в себя определение «настоящий». Это же определение может применяться для «местных» объектов — жилищ, орудий труда, природных объектов и пр. в противопоставлении иным, бытующим в другой местности или у других народов. Наконец, та же единица употребляется в смысле собственно «настоящий»: «не поддельный» или «достаточно ярко выраженный».

Подобная полисемия засвидетельствована в трех весьма удаленных друг от друга регионах Сибири и Северной Америки: на северо-западе в ненецком, энецком и нганасанском языках, на северо-востоке в чукотском, нижнеколымском эвенском, в юпике и слейви, и, возможно, на Нижнем Амуре в негидальском языке. Эта параллель (для самодийских, чукотского и юпика) была отмечена уже Г. Н. Прокофьевым [1940: 73].

5.1. Северносамодийские языки

В лесном энецком слово *onej-* ‘настоящий’ (43) сочетается с названиями различных объектов для указания на их традиционный характер: *onej te* ‘настоящее жилище = чум’, *onej page* ‘настоящая одежда = парка’ и т. д. (44). Наконец, в применении к людям и языку это слово может противопоставлять энцев всем остальным (*onej bada* ‘энецкий язык’, см. (45)) или же все аборигенные народы пришлым, т. е. «русским» [Khanina, to appear].

- (37) *онэй кадеда кунахару сёзуру-суз ни то-з*
 настоящий охотник никогда песец-CARIT NEG прийти-FUT
 ‘настоящий охотник никогда не вернется без песца’ [Сорокина, Болина 2009: 316]

- (38) *Чукчи тэ понь-да-’ тоную онай мя-кон дири-га-’,*
 все олень иметь-PT.PRAES-PL летом настоящий чум-LOC жить-ITER.PRAES-3PL.S
сыраную балко-хон дири-га-’.
 зимой балок-LOC жить-ITER.PRAES-3PL.S
 ‘Все оленеводы летом в настоящем чуме обычно живут, зимой в балке обычно живут’ ([Сорокина-Болина 2005], текст 72, 5).

- (39) а. *Хучи онай ни-да.*
 кукушка настоящий имя-3SG
 ‘Кукушка энецкое ее название’ ([Сорокина-Болина 2005], текст 38, 1).
 б. *Модь онай база-н суйза-н дюрт-ѳа-з.*
 я настоящий язык-PROL хорошо-PROL говорить-PRAES-1SG.S
Дюрак база ѳубторе’ суйза-н тене-у.
 ненец язык тоже хорошо-PROL знать-1SG.O
Убляйгу-он оша-’ база ноди-а-з.
 маленький-PROL эвенк-GEN.PL язык слышать-PRAES-1SG.S
 ‘Я по-энецки хорошо говорю. Ненецкий я тоже хорошо знаю. Немного знаю эвенкийский’ ([Сорокина-Болина 2005], текст 68, 17–19).

В тундровом энецком языке *one* также значит ‘настоящий; правый; энецкий’: *one ida* ‘правая рука’, *one enete* ‘настоящий человек = энец’, *one pau* ‘энецкий язык’ [Хелимский, рук.].

²⁶ Надо, разумеется, помнить, что многие этнонимы такого типа были искусственно созданы в XX веке (как, например, *кеты* и *нганасаны*).

выше про энецкое *onai enet'e?*, чукотское слово *ləy'orawetl'an* также может применяться к традиционным соседям в противопоставлении новым чужакам — русским [Ibid.: 157, 366]:

- (41) *ləy'-orawetl'a-tanŋ-ə-t*   *qəramena-t*   *ərucil-l'-ə-t*
 настоящий-человек-чужак-EP-PL   NEG-PL   русский-NMLZ-EP-PL
 {Там была толпа чужаков/коряков, большие дома, очень большие дома.} '(Это были) обычные чужаки (= коряки), не русские'.

Тот же префикс используется как «интенсификатор» [Ibid.: 156]:

- (42) а. *ʔətt'-ə-kine-k*   *ləye-tanŋ-ə-ŋ*   *wa-l'-ə-t*
 собака-EP-REL-LOC   очень-хороший-EP-ADV   быть-NMLZ-EP-PL
 'Они очень хороши по сравнению с собакой' [Ibid.: 298].
 б. *ləyi-telenjep*   *qun*   *n-erme-qin*   *cit*   *warat*
 очень-давно   однажды   ADJ-сильный-3SG   сначала   племя
 'Давным-давно, вначале, племя было сильным' [Ibid.: 350].

Этот префикс, очевидно, связан и с наречием *ləyeŋ* 'очень, сильно', которое, судя по примерам в грамматике, чаще употребляется как «слово-паразит»²⁷.

В центральноаласкинском юпике ту же функцию выполняет суффикс *-piŋ/-piaŋ-*, который, собственно, присутствует в слове *yu-p'iq* (*yu-* 'человек'), ср. следующие примеры [Miyaoka 2012: 657–659]:

- (43) *uksu-piaq*   'настоящая зима (когда холодно и много снега)'
ene-pia-qa   'мой личный дом' (*-qa* '1SG')
irnia-pia-qa   'мой собственный (не приемный) ребенок'
at-piar-a   'его настоящее имя' (*-a* '3SG')
Kuigilngur-miu-piaq 'настоящий, какие были раньше, человек из Куигилнгука' (*-miu* 'относящийся к указанному месту')

Как и в энецком языке (см. выше), этот же элемент выражает значение 'правый':

- tallir-pik*   'правая рука' (*taliŋ-* 'рука, кисть руки')
 (44) *tuntu-piq*   'карибу' (в отличие от оленей, которых ввозили из Сибири после 1892 г.)
atsar-piaq   'североамериканский вид малины, *Rubus spectabilis*' (*atsar-* 'ягода')
Yu-piq ~ Yu-piaq   'юпик, эскимос юго-западной Аляски' (*yu-* 'человек')
Kass'a-piq   'русский' (от *kass'aq* 'белый человек' < 'казак')

Так же образуются самоназвания соседних эскимосских народов: алютик (самоназвание *сугниак*, точное этимологическое соответствие *юпик*), инупиак (где *inu-* 'человек') и, возможно, других.

Наконец, в отличие от рассмотренных выше случаев, эта изоглосса, возможно, распространяется и как минимум на один атабаскский язык — слейви в северо-западной Канаде. В нем есть суффикс *-waá/-wá* 'real, true, original', который образует, в частности, следующие лексемы [Rice 1989: 235–236]²⁸:

²⁷ Как и его нганасанский аналог *ŋapiŋ, ŋapiŋtəŋi*.

²⁸ Впрочем, там же К. Райс указывает, что перевод 'original' или 'true' не вполне верный и что этот суффикс скорее «distinguishes a specific subcategory of the noun it is associated with». Примеры употребления этого суффикса в значении именно 'настоящий' нам не удалось найти, поэтому не исключено, что слейви на самом деле не охвачен этой изоглоссой.

(45) <i>dene</i> ‘человек’	<i>dene-waá</i> ‘индеец слейви’
<i>léht'ée</i> ‘хлеб’	<i>léht'ée-wá</i> ‘лепешка’
<i>móla</i> ‘белый человек’	<i>móla-wá</i> ‘француз’ ²⁹

Подобного рода лексическая полисемия, как кажется, должна быть легко подвержена заимствованию, и присутствие ее одновременно в ряде контактирующих языков на границе Евразии и Америки неудивительно. Но наличие ее же в достаточно удаленном районе от Таймыра до Урала (и, возможно, еще в негидальском языке на Нижнем Амуре) представляется достаточно нетривиальным.

6. Заключение

6.1. Кажется интуитивно очевидным (ср., например, [Vajda 2008: 433]), что языковая и этническая история Северной Азии представляла собой последовательность волн, которые шли с юга на север и северо-восток и либо накрывали собой предыдущие, либо вытесняли их дальше на север (что, естественно, не исключает локальных эпизодов обратного движения). В этой модели чем дальше на север и на восток расположен тот или иной язык или народ, тем раньше он прошел этот путь³⁰.

Картина, известная нам сегодня, сложилась за последние примерно 2000 лет с передвижением на север самодийских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков (и, в какой-то мере, соответствующих народов). Юкагирский и чукотско-камчатские языки, как и нивхский, очевидно, являются остатками предыдущих волн³¹. По этому же пути должны были пройти эскимосско-алеутские языки, до них — на-дене, а до них — предки прочих языков нынешней Америки.

Вполне естественно при этом, что «старые» языки, как юкагирский и нивхский, сохранились около океана: их носителям просто некуда было дальше идти. См. [Nichols 1992: 22] о том, что «residual zones» могут возникать на периферии «spread zones» и, в частности, возникали вдоль побережья Тихого океана; по-видимому, побережье Северного Ледовитого океана ничем не отличалось в этом отношении.

Очевидно также, что каждая новая волна могла не только оттеснять, но и смешиваться с предыдущими, и наиболее вероятными зонами такого смешения были все те же прибрежные территории, по тем же самым причинам. К примеру, как считается, территория, занятая нынешними северносамодийскими народами, была уже заселена до них; но на каких языках говорили те, кто там жил, мы пока не знаем.

Таким образом, в языках приполярной Азии, в силу ее географического положения, естественно искать субстратное влияние языков — представителей более ранних волн.

6.2. В этой статье мы постарались показать, что языки самой северной части Азии, а также ближайшей к Азии части Северной Америки обладают, в различных комбинациях, некоторыми общими весьма нетривиальными типологическими чертами, которых

²⁹ Значение ‘наш, традиционный белый человек’ на Аляске соответствует русским, а в Канаде — французам, очевидно, в противопоставлении более новым, «пришлым» белым людям — англоязычным канадцам и американцам.

³⁰ Разумеется, как это всегда отмечается, языковая и этническая история не тождественны.

³¹ Ср. замечание Ю. Янхунена [Janhunen 2009: 62] о том, что эти языки, а также айнский, ставят собой предел урало-алтайскому «типологическому типу».

лишены их более южные родственники и соседи³². При этом территория, на которой расположены эти языки, вытянута на очень значительное расстояние — от Архангельской области до Гренландии. Контакты и взаимовлияние соседних языков этого ареала (самодийских и эвенкийского; эвенкийского, эвенского, юкагирского и чукотского; чукотско-камчатских и эскимосско-алеутских; эскимосских и атабаскских) не вызывают сомнений. Но представить себе существование языкового союза, который включал бы предков всех этих языков, в том числе, к примеру, северносамодийских и эскимосских, кажется совершенно невозможным: не было такого момента после отделения северносамодийских языков от прочих самодийских, когда они могли бы контактировать с непосредственными предками нынешних эскимосов. Каких-то более ранних, очень древних контактов, конечно, нельзя исключать; но в этом случае они захватили бы прасамодийскую или даже прауральскую эпоху, и следы взаимовлияния были бы видны во всех самодийских или во всех уральских языках.

По этой же причине невозможно предположить и влияние пришедших позднее / расположенных дальше к западу языков на пришедшие раньше / расположенные дальше к востоку: например, самодийских на всю совокупность эвенкийских и эвенских диалектов, или эвенкийского и эвенского на эскимосские и т. д.

Напротив, более древние языки могут влиять на более новые как субстрат. Поэтому, если мы замечаем какие-то общие черты в двух языковых группах, которые не могут быть объяснены непосредственным контактом, логично предположить, что либо одна из этих групп поглотила часть диалектов другой и получила эти черты «в наследство», либо обе они получили их из некоего третьего общего источника. И кажется вполне перспективным, с учетом языковой истории Северной Азии, искать аналоги выделенных субстратных черт в языках, которые находятся дальше на север и на восток (ср. [Fortescue 1998: 210–211] о возможных атабаскских, точнее, на-дене чертах в чукотско-камчатских и в эскимосских языках, а также об аналогиях между мосанскими языками и нивхским; [Fortescue 2004] об эскимосском субстрате в чукотском).

6.3. Что касается перечисленных в этой статье аналогий между субстратными чертами в языках Северной Сибири и сходными чертами в эскимосских языках, то объяснений, как всегда, может быть три: случайное совпадение, контактное взаимовлияние и родство.

Случайные совпадения, конечно, возможны. По замечанию одного из рецензентов статьи, эскимосские языки настолько морфологически богаты, что для любого явления есть большая вероятность найти в них аналог. Но наличие одновременно нескольких типологически редких явлений в сочетании с относительной географической близостью все же дает основания предполагать, что совпадения могут быть чем-то большим, чем случайность.

Родство субстратного языка (языков) Северной Сибири с нынешними эскимосско-алеутскими языками также нельзя исключать. Огромное на первый взгляд расстояние между Аляской и Нижним Енисеем (около 4000 км) не является препятствием: на тех же эскимосских языках сегодня говорят в Северной Америке на еще большей территории между Аляской и Гренландией, причем их распространение произошло, как сегодня считается, с удивительной быстротой: за несколько десятилетий в XIII–XIV вв. (так называемая миграция Туле, см., например, [Fortescue 2013; Friesen 2013]). Поэтому нет ничего невозможного в предположении о том, что северная часть Азии была раньше занята языками, которые были родственны современному эскимосским и были вытеснены пришедшими туда самодийцами и тунгусами. Но нет пока и убедительных подтверждений этому, то есть материальных заимствований. Хотя попытки их найти были, ср. упоминавшуюся статью Г. Н. Прокофьева [1940], большинство предлагавшихся параллелей не кажутся убедительными.

³² Интересно, что эти черты не упоминаются в различных перечислениях типологических свойств Сибири как языкового ареала [Anderson 2006], типологических параметров языков Северной Азии и Северной Америки [Fortescue 1998: 60–95] или общих свойств уральских, юкагирского, чукотско-камчатских и эскимосско-алеутских языков [Ibid.: 8–17].

Таким образом, на сегодняшний день наиболее вероятной кажется контактная (ареальная) гипотеза, которая подразумевает, что примерно 1000–2000 лет назад в Северной Сибири были распространены языки, типологические близкие современным эскимосско-алеутским или, по терминологии Ю. Янхунена, относящиеся к тому же «типологическому типу». Можно назвать этот тип «древнесибирским» (в дополнение к «алтайскому», «синитическому» и «океанийскому» в [Janhunen 2010]³³) Частью этого ареала были и эскимосско-алеутские языки, которые, напомним, еще в начале II тысячелетия н. э. не были распространены дальше Аляски.

Что представлял собой этот типологический тип, мы пока можем лишь очень фрагментарно предполагать. Несомненно, он имел весьма развитую морфологию, видимо, еще более развитую, чем современные уральские или алтайские языки. При этом нет оснований полностью отождествлять его с современными эскимосскими языками: возможно, многие из своих сегодняшних черт те развили отдельно (поэтому слишком рискованно, хотя и соблазнительно, было бы называть этот тип «эскимосским»³⁴). Строго говоря, мы даже не можем утверждать, что эскимосско-алеутские языки относились к древнесибирскому типу изначально; не исключено, что они сами приобрели его черты, только когда пришли в циркумполярную область. Разумеется, языковые типы и человеческие популяции могут не совпадать, но можно вспомнить, что предшествовавшая эскимосам культура саккак в Гренландии генетически (в смысле человеческой генетики) близка чукчам, корякам и нганасанам [Rasmussen et al. 2010], то есть соответствующая популяция занимала примерно тот же ареал, что древнесибирский языковой тип.

Северносамодийские и севернотунгусские языки дают относительно ясную картину субстрата, поскольку имеют неоспоримых родственников на юге, с которыми их можно сравнивать. С юкагирским и чукотско-камчатскими языками положение сложнее. Определенное влияние со стороны языков древнесибирского типа они также должны были испытать.

Можно заметить, что из типологических особенностей, перечисленных в статье, юкагирский имеет лишь интеррогатив, а чукотско-камчатские — лишь лексическую полисемию ‘настоящий’ — ‘автохтонный’. При этом в отношении чукотско-камчатских языков, разумеется, нельзя исключать и фактор более недавних контактов³⁵. Что касается юкагирского языка, то, судя по его географическому расположению, он мог появиться в Сибири и раньше, чем языки древнесибирского типа, и, таким образом, в меньшей степени испытать их влияние.

Наконец, не случайно здесь совсем не упоминались якутский и долганский языки. Якуты пришли на свою нынешнюю территорию позже всех, в первой половине II тысячелетия н. э., и эта территория уже была заселена предками эвенов и эвенков; заполярных районов якуты достигли, соответственно, еще позднее. Следы тунгусо-маньчжурского влияния в якутском языке неоспоримы (см., например, [Pakendorf 2007; 2020]); но более древнего субстрата якутскому и тем более долганскому языку уже не досталось.

Разумеется, все высказанное выше — на данный момент не более, чем осторожные гипотезы. С одной стороны, скорее всего, далеко не все общие свойства языков этого региона были нами замечены. С другой стороны, вся тема в принципе рассматривается здесь

³³ «Altaic», «Sinitic» и «Oceanic/Jomonic» [Janhunen 2010: 296–298].

³⁴ Называть его «палеоазиатским» также вряд ли стоит, потому что языки, обычно называемые палеоазиатскими, в большинстве своем к нему как раз не относятся.

³⁵ Ср., например, [Fortescue 1997] о формировании эргативной конструкции в чукотско-камчатских языках под влиянием юпикского субстрата (но есть и альтернативная точка зрения, согласно которой эргатив в чукотско-камчатских языках возник самостоятельно [Kantarovich 2019]).

«с самодийской стороны», т. е. какие-то ареальные черты, которые не попали в самодийские языки, по определению остались вне нашего поля зрения³⁶.

Надо отметить, что здесь никак не затрагивались возможные сепаратные самодийско-юкагирские контакты — это отдельная тема.

Наконец, подчеркнем, что наши предположения не конкурируют с выдвигавшимися ранее гипотезами об урало-юкагирском, урало-эскимосском или каких-либо других вариантах древнего родства, поскольку затрагивают, с уральской и тунгусо-маньчжурской сторон, только очень ограниченные и относительно поздно выделившиеся группы. Все предложенные параллели объясняются здесь только контактами, а эпоха, соответствующая этим контактам, вряд ли могла начаться ранее I тысячелетия н. э. При этом не исключено, конечно, что какие-то из параллелей, предлагавшихся для обоснования родства, могут быть переинтерпретированы как результат контактов.

В целом в свете выдвинутых здесь гипотез приобретает особый интерес поиск лексических следов этого общего древнесеверносибирского субстрата. Такие следы, если они будут найдены, помогут ответить на вопрос о том, был ли этот субстрат генетически связан с эскимосско-алеутскими языками.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ABL — аблатив

ABS — абсолютив

ACC — аккузатив

ADJ — адъективизатор

ADV — наречие

ALL — аллатив

ANT — anteriорная форма, именное прошедшее время

AUD — аудитив

CARIT — каритив

CN — коннегатив

COND — условная форма

CONV — дееспричастие

DAT — датив

DEST — дестинатив

DIM — диминутив

DU — двойственное число

EMPH — эмфатический показатель

EP — эпентетический гласный

FREQ — фреквентатив

FUT — будущее время

GEN — генитив

HABIT — хабитуалис

IMP — императив

IMPF — имперфектив

IND — индикатив

INDEF — неопределенность

INF — инфитив

INFER — инференциалис

INSTR — инструменталис

INTERJ — восклицательная частица

INTERR — интеррогатив

IPFV — имперфектив

ITER — итератив

LAT — латив

LOC — локатив

NEG — отрицание

NLOC — имя места

NMLZ — номинализатор

NONFUT — небудущее время

O — объектное спряжение

PF — перфект

PL — множественное число

PRAES — настоящее время

PRAET — прошедшее время

PROL — пролатив

PT — причастие

PTCL — частица

R — рефлексивное спряжение

RAR — раритив (в ненецком)

REL — релятивная форма

³⁶ К примеру, интересным выглядит появление сравнительной степени прилагательных в эвенкийском, эвенском и негидальском языках на базе тунгусо-маньчжурского выделительного суффикса: эвенк. *-tmar* и т. д., см. [Nedjalkov 1997: 119–120; Цинциус 1947: 115; 1982: 21; Шарина, Кузьмина 2018: 40] и др. Морфологическая форма сравнительной степени — типологически вполне обычное явление, но на сибирском фоне она выглядит весьма экзотично. Аналоги ей можно обнаружить в чукотско-камчатских [Dunn 1999: 298; Нагаяма 2003: 96] и в эскимосских [Miyaoaka 2012: 618 и сл.].

RENARR — ренарратив
 s — субъектное спряжение
 SG — единственное число
 SELECT — селективная форма

TH — тематический суффикс (в чукотском)
 TRANSL — транслатив
 VBASE — глагольная основа (в чукотском)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Василевич 1936 — Василевич Г. М. *Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору*. Л.: Ин-т народов Севера, 1936.
- Василевич 1958 — Василевич Г. М. *Эвенкийско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Роббек, Роббек 2005 — Роббек В. А., Роббек М. Е. *Эвенско-русский словарь*. Новосибирск: Наука, 2005.
- Сорокина, Болина 2005 — Сорокина И. П., Болина Д. С. *Энецкие тексты*. СПб.: Наука, 2005.
- Сорокина, Болина 2009 — Сорокина И. П., Болина Д. С. *Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком*. СПб.: Наука, 2009.
- ССТМЯ — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю*. Т. I–II. Л.: Наука, 1975, 1977.
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Хелимский, рук. — Хелимский Е. А. *Энецкий словарь* (рукопись).
- Brykina et al. 2018 — Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC): Version 0.2*. Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. 12.06.2018. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Salminen 1998 — Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. *Грамматика нанайского языка*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaïskogo yazyka* [Nanai grammar]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1959.]
- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. *Грамматика нанайского языка*. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaïskogo yazyka* [Nanai grammar]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1961.]
- Аврорин, Болдырев 2001 — Аврорин В. А., Болдырев Б. В. *Грамматика ороцкого языка*. Новосибирск: СО РАН, 2001. [Avrorin V. A., Boldyrev B. V. *Grammatika orochskogo yazyka* [Grammar of Oroch]. Novosibirsk: Russian Academy of Sciences, Siberian Department, 2001.]
- Аркадьев 2016 — Аркадьев П. М. К вопросу об эндоклитиках в русском языке. *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2016, 325–331. [Arkadiev P. M. On endoclitics in Russian. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, porjadok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoï Kul'tury, 2016, 325–331.]
- Болдырев 2007 — Болдырев Б. В. *Морфология эвенкийского языка*. Новосибирск: Наука, 2007. [Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiiskogo yazyka* [Morphology of Evenki]. Novosibirsk: Nauka, 2007.]
- Булатова 2015 — Булатова Н. Я. Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке. *Acta linguistica Petropolitana*, 2015, т. XI, ч. 2: 60–77. [Bulatova N. Ya. Emotional-evaluative suffixes of nominal and verbal forms in Evenki. *Acta linguistica Petropolitana*, 2015, vol. XI, part 2: 60–77.]
- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа). *Диалектологический словарь ненецкого языка*. Кошкарева Н. Б. (ред.). Екатеринбург: Баско, 2010, 179–349. [Burkova S. I. A brief outline of Tundra Nenets grammar (based on varieties spoken in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Koshkareva N. B. (ed.). Yekaterinburg: Basko, 2010, 179–349.]

- Буркова 2013 — Буркова С. И. К вопросу о «вопросительной» форме *-sa* в ненецком языке. *Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой*. Кибрик А. Е., Агранат Т. Б., Казакевич О. А., Кашкин Е. В. (сост.). М.: Изд-во МГУ, 2013, 46–65. [Burkova S. I. On the “interrogative” form *-sa* in Nenets. *Lingvisticskii bespredel — 2. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu A. I. Kuznetsovoi*. Kibrik A. E., Agranat T. B., Kazakevich O. A., Kashkin E. V. (comp.). Moscow: Moscow State Univ. Press, 2013, 46–65.]
- Вагнер-Надь 2002 — Вагнер-Надь Б. Б. Есть ли клитики в нганасанском языке? *Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания*. М.: Индрик, 2002, 465–475. [Wagner-Nagy B. B. Are there clitics in Nganasan? *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Moscow: Indrik, 2002, 465–475.]
- Вахтин 1995 — Вахтин Н. Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб.: Изд-во Европейского дома, 1995. [Vakhtin N. B. *Sintaksis yazyka aziatskikh eskimosov* [Syntax of the language of Asian Eskimo people]. St. Petersburg: European House Press, 1995.]
- Вахтин 2007 — Вахтин Н. Б. Морфология глагольного словоизменения в юпикских (эскимосских) языках. СПб.: Нестор, 2007. [Vakhtin N. B. *Morfologiya glagol'nogo slovoizmeneniya v yupikskikh (eskimoskikh) yazykakh* [Morphology of verbal inflection in Yupik languages]. St. Petersburg: Nestor, 2007.]
- Головко и др. 2009 — Головко Е. В., Вахтин Н. Б., Асиновский А. С. Язык командорских алеутов: диалект острова Беринга. СПб.: Наука, 2009. [Golovko E. V., Vakhtin N. B., Asinovskii A. S. *Yazyk komandorskikh aleutov: dialekt ostrova Beringa* [The language of Commander Islands Aleuts: Bering Island dialect]. St. Petersburg: Nauka, 2009.]
- Гусев 2006 — Гусев В. Ю. О сохранении архаичных форм в неассертивных контекстах: материал самодийских языков. *Проблемы типологии и общей лингвистики*. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А. А. Холодовича. Материалы. Храковский В. С., Дмитриенко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2006, 41–45. [Gusev V. Yu. On retainment of archaic forms in non-assertive contexts: Samoyedic data. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki*. International conf. on the 100 years since A. A. Kholodovich's birthday. Materials. Xrakovskij V. S., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006, 41–45.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Gusev V. Yu. *Tipologiya imperativa* [Typology of imperative]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Гусев 2020a — Гусев В. Ю. Новые эвенкийско-самодийские этимологии. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2020, 2: 9–17. [Gusev V. Yu. New Evenki-Samoyedic etymologies. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2020, 2: 9–17.]
- Гусев 2020b — Гусев В. Ю. Разве он дороги не знает: К грамматикализации риторических вопросов в северосамодийских языках. *Acta linguistica Petropolitana*, 2020, т. XVI, ч. 3: 53–94. [Gusev V. Yu. ‘Does not he really know the way’: On grammaticalization of rhetoric questions in North Samoyed languages. *Acta linguistica Petropolitana*, 2020, vol. XVI, part 3: 53–94.]
- Жданова 2000 — Жданова Т. Ю. Об интраклитических частицах в северосамодийских языках (на материале ненецкого и нганасанского языков). [Zhdanova T. Yu. On intraclitic particles in North Samoyedic: Nenets and Nganasan.] *Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II*. Nurk A., Seilenthal T., Palo T. (eds.). Tartu: Eesti Fennougristide Komitee, 2000, 287–288.]
- Жукова 1972 — Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: Фонетика, морфология. Л.: Наука, 1972. [Zhukova A. N. *Grammatika koryakskogo yazyka: Fonetika, morfologiya* [Grammar of Koryak: Phonetics, morphology]. Leningrad: Nauka, 1972.]
- Ильина 2009 — Ильина Л. А. Общие черты глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках. *Гуманитарные науки в Сибири*, 2009, 4: 57–60. [Il'ina L. A. Common features of evidentiality in Samoyedic and Yukaghir. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2009, 4: 57–60.]
- Ильина 2010 — Ильина Л. А. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагирский аналог. *Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике*. Буркова С. И. (ред.). Новосибирск: Любава, 2010, 99–106. [Il'ina L. A. Samoyedic auditive and its Yukaghir analogue. *Proc. of the 3rd International Conf. on Samoyedology*. Burkova S. I. (ed.). Novosibirsk: Lyubava, 2010, 99–106.]
- Ильина 2013 — Ильина Л. А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках. *Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой*. Кибрик А. Е., Агранат Т. Б., Казакевич О. А., Кашкин Е. В. (сост.). М.: Изд-во МГУ, 2013, 32–47. [Il'ina L. A. Identity of genetic structure of evidentiality in Samoyedic and Yukaghir. *Lingvisticskii bespredel — 2. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu A. I. Kuznetsovoi*. Kibrik A. E., Agranat T. B., Kazakevich O. A., Kashkin E. V. (comp.). Moscow: Moscow State Univ. Press, 2013, 32–47.]

- Константинова 1964 — Константинова О. А. *Эвенкийский язык: Фонетика, морфология*. М.; Л.: Наука, 1964. [Konstantinova O. A. *Evenkiiskii yazyk: Fonetika, morfologiya* [The Evenki language: Phonetics, morphology]. Moscow; Leningrad, 1964.]
- Крейнович 1982 — Крейнович Е. А. *Исследования и материалы по юкагирскому языку*. Л.: Наука, 1982. [Kreinovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Studies and materials on Yukaghir]. Leningrad: Nauka, 1982.]
- Лейсиё 2014 — Лейсиё Л. Именные категории времени в нганасанском и других северносамодийских языках. *Вопросы языкознания*, 2014, 1: 39–59. [Leisiö L. Nominal TAM in Nganasan and other Northern Samoyedic languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 1: 39–59.]
- Люблинская 2020 — Люблинская М. Д. Суффикс или частица? *Вторая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам: Тезисы докладов международной научной конференции* (Санкт-Петербург / Online, 2020). СПб., 2020, 56–59. [Lyublinskaya M. D. A suffix or a particle? *Second Conf. on Uralic, Altaic, and Paleo-Asiatic languages* (St. Petersburg / Online, 2020): *Abstracts*. St. Petersburg, 2020, 56–59.] <https://iling.spb.ru/events/uapal2020/sbornik.pdf>.
- Мальчуков 2008 — Мальчуков А. Л. *Синтаксис эвенского языка: Структурные, семантические, коммуникативные аспекты*. СПб.: Наука, 2008. [Malchukov A. L. *Sintaksis evenskogo yazyka: Strukturnye, semanticheskie, kommunikativnye aspekty* [Syntax of Even. Structural, semantic, communicative aspects]. St. Petersburg: Nauka, 2008.]
- Меновщиков 1964 — Меновщиков Г. А. *Язык сиреникских эскимосов: Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь*. М.; Л.: Наука, 1964. [Menovshchikov G. A. *Yazyk sireniskikh eskimov: Fonetika, ocherk morfologii, teksty i slovar'* [Sirenik Yupik: Phonetics, outline of morphology, texts and dictionary]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.]
- Мыльникова, Цинциус 1931 — Мыльникова К. М., Цинциус В. И. *Материалы по исследованию негидальского языка. Тунгусский сборник*, вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. [Myl'nikova K. M., Tsintsius V. I. *Materials on the Neghidal language. Tungusskii sbornik*, No. 1. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1931.]
- Нагаяма 2003 — Нагаяма Ю. *Очерк грамматики алыторского языка*. Осака: [б. и.], 2003. [Nagayama Yu. *Ocherk grammatiki alyutorskogo yazyka* [Grammatical sketch of Alyutor]. Osaka, 2003.]
- Певнов, Хасанова 2003 — Певнов А. М., Хасанова М. М. *Мифы и сказки негидальцев*. (ELPR Publications Series, A2-024.) Осака: [б. и.], 2003. [Pevnov A. M., Khasanova M. M. *Mify i skazki negidal'tsev* [Myths and tales of Neghidal people]. (ELPR Publications Series, A2-024.) Osaka, 2003.]
- Прокофьев 1940 — Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов). *Советская этнография*, 1940, 3: 67–76. [Prokof'ev G. N. *Ethnogeny of the nations of Ob-Yeniseian basin* (Nenets, Nganasan, Enets, Selkup, Ket, Khanty and Mansi). *Sovetskaya etnografiya*, 1940, 3: 67–76.]
- Рудницкая 2017 — Рудницкая Е. Л. Делимитативный аффикс *-riktV-* и фокусная частица *(h)ələ* в эвенкийском языке как вершины двух разных проекций DelimP и FocP. *Типология морфосинтаксических параметров*. Вып. 4: *Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017»*. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. (ред.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017, 209–221. [Rudnitskaya E. L. Delimitative affix *-riktV-* and focus particle *(h)ələ* in Evenki as heads of two distinct projections DelimP and FocP. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*. No. 4: *Proc. of International Conf. "Typology of Morphosyntactic Parameters 2017"*. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V. (eds.). Moscow: Pushkin Institute of Russian Language, 2017, 209–221.]
- Суник 1982 — Суник О. П. *Существительное в тунгусо-маньчжурских языках*. Л.: Наука, 1982. [Sunik O. P. *Sushchestvitel'noe v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh* [Noun in Tungusic]. Leningrad: Nauka, 1982.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. *Нганасанский язык*. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [Nganasan language]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Урманчиева 2020 — Урманчиева А. Ю. Взаимодействие категорий глагола в лесном и тундровом энцеком. *Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола*. Храковский В. С., Мальчуков А. Л. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2020, 393–427. [Urmanchieva A. Yu. Interaction between verbal categories in Forest and Tundra Enets. *Ierarkhiya i vzaimodeistvie grammaticheskikh kategorii glagola*. Xrakovskij V. S., Malchukov A. L. (eds.). St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, 2020, 393–427.]
- Хайду 1985 — Хайду П. *Уральские языки и народы*. М.: Прогресс, 1985. [Hajdú P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress, 1985.]
- Хелимский 1982 — Хелимский Е. А. *Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели*. М.: Наука, 1982. [Helimski E. A. *Drevneishie vengersko-samodiiskie yazykovye paralleli* [The oldest Hungarian-Samoyedic linguistic parallels]. Moscow: Nauka, 1982.]

- Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. Proto-Uralic gradation: Continuation and traces. *Компаративистика. Уралистика: Лекции и статьи*. Хелимский Е. А. М.: Языки русской культуры, 2000, 167–190. [Helimski E. A. Proto-Uralic gradation: Continuation and traces. *Komparativistika. Uralistika: Lektsii i stat'i*. Helimski E. A. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 167–190.]
- Циммерлинг 2018 — Циммерлинг А. В. Так им и надо: Нужны ли эндоклитики для описания русской грамматики? *Русский язык в научном освещении*, 2018, 2: 159–179. [Zimmerling A. V. Do they deserve it? — Are endoclitics necessary for the description of Russian? *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, 2: 159–179.]
- Цинциус 1947 — Цинциус В. И. *Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка*. Ч. I: *Фонетика и морфология*. Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947. [Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Grammatical sketch of Even]. Part 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Leningrad: Ministry of Education of RSFSR Press, 1947.]
- Цинциус 1982 — Цинциус В. И. *Негидальский язык*. Л.: Наука, 1982. [Tsintsius V. I. *Negidal'skii yazyk* [The Neghidal language]. Leningrad: Nauka, 1982.]
- Шарина, Кузьмина 2018 — Шарина С. И., Кузьмина Р. П. *Нижнеколымский говор эвенского языка*. Новосибирск: Наука, 2018. [Sharina S. I., Kuz'mina R. P. *Nizhnekolymskii govor evenskogo yazyka* [Lower Kolyma dialect of Even]. Novosibirsk: Nauka, 2018.]
- Aikhenvald 2002 — Aikhenvald A. Y. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana. *Word: A cross-linguistic typology*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002, 42–78.
- Aikhenvald 2021 — Aikhenvald A. Y. Beyond nominal tense: Temporality, aspect, and relevance in Tariana noun phrases. To appear in *Studies in Language*. 2021.
- Anderson 2006 — Anderson G. D. S. Towards a typology of the Siberian linguistic area. *Linguistic areas. Convergence in historical and typological perspective*. Matras Y., McMahon A., Vincent N. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006, 266–300.
- Bulatova, Grenoble 1999 — Bulatova N., Grenoble L. *Evenki*. Munich: LINCOM Europa, 1999.
- Burkova 2015 — Burkova S. On clitics in Nenets. *Congressus duodecimus internationalis Fenno-Ugristarum*. Mantila H. et al. (eds.). Oulu: Univ. of Oulu, 2015, 34–35.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1994.
- Dryer 2013 — Polar questions. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/116>.
- Dunn 1999 — Dunn M. J. *A grammar of Chukchi*. Ph.D. diss. Australian National Univ., 1999.
- Fortescue 1984 — Fortescue M. *West Greenlandic*. London: Croom Helm, 1984.
- Fortescue 1997 — Fortescue M. Eskimo influence on the formation of the Chukotian ergative clause. *Studies in Language*, 1997, 2: 369–409.
- Fortescue 1998 — Fortescue M. *Language relations across Bering Strait: Reappraising the archeological and linguistic evidence*. London: Cassell, 1998.
- Fortescue 2004 — Fortescue M. How far west into Asia have Eskimo languages been spoken, and which ones? *Études Inuit Studies*, 2004, 28(2): 159–183.
- Fortescue 2013 — Fortescue M. North America: Eskimo-Aleut linguistic history. *The global prehistory of human migration*. Bellwood P. (ed.). Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2013, 340–345.
- Friesen 2013 — Friesen T. M. North America: Paleoeskimo and Inuit archaeology. *The global prehistory of human migration*. Bellwood P. (ed.). Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2013, 346–353.
- Givón 1979 — Givón T. *On understanding grammar*. New York: Academic Press, 1979.
- Gusev 2017 — Gusev V. On the etymology of auditive in Samoyedic. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 2017, 41: 132–151.
- Harris 2002 — Harris A. C. *Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Hölzl 2018 — Hölzl A. *A typology of questions in Northern Asia and beyond: An ecological perspective*. Berlin: Language Science Press, 2018.
- Janhunen 1998 — Janhunen J. Samoyedic. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 457–479.
- Janhunen 2009 — Janhunen J. Proto-Uralic — what, where, and when? *The quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Ylikoski J. (ed.). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2009, 57–78.
- Janhunen 2010 — Janhunen J. Reconstructing the language map of prehistorical Northeast Asia. *Studia Orientalia*, 2010, 108: 281–303.

- Kantarovich 2019 — Kantarovich J. Alignment change in Chukotkan: Further exploration of the pathways to ergativity. *Diachronica*, 2019, 36(2): 222–261.
- Khanina, to appear — Khanina O. Language practices and ideologies at multilingual reaches of Lower Yenisei (Siberia). To appear in *International Journal of Bilingualism*.
- Maisak 2021 — Maisak T. Endoclititics in Andi. *Folia Linguistica*, 2021, 55(1): 1–34.
- Maslova 2003a — Maslova E. *A grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Maslova 2003b — Maslova E. *Tundra Yukaghir*. Munich: LINCOM Europa, 2003.
- Mennecier 1994 — Mennecier Ph. *Le tunumiisut, dialecte inuit du Groenland oriental: Description et analyse*. Paris: Klincksieck, 1994.
- Mikola 2004 — Mikola T. *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen*. Szeged: SzTE Finnisch-ugrisches Institut, 2004.
- Miyaoka 2012 — Miyaoka O. *A grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2012.
- Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. *Evenki*. London: Routledge, 1997.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Nikolaeva 2015 — Nikolaeva I. On the expression of TAM on nouns: Evidence from Tundra Nenets. *Lingua*, 2015, 166: 99–126.
- Nikolaeva 2020 — Nikolaeva I. *Yukaghir morphology in a historical and comparative perspective*. Munich: Lincom, 2020.
- Nichols 1992 — Nichols J. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Nordlinger, Sadler 2004 — Nordlinger R., Sadler L. Nominal tense in crosslinguistic perspective. *Language*, 2004, 80(4): 776–806.
- Pakendorf 2007 — Pakendorf B. *Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives*. Utrecht: LOT, 2007.
- Pakendorf 2020 — Pakendorf B. Language contact in northern Asia. *The handbook of language contact*. Hickey R. (ed.). 2nd edn. Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2020, 669–688.
- Pakendorf, Aralova 2017 — Pakendorf B., Aralova N. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. *Endangered Languages Archive*. 2017. <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>. Accessed on 06 June 2021.
- Pakendorf, Krivoschapkina 2014 — Pakendorf B., Krivoschapkina I. Even nominal evaluatives and the marking of definiteness. *Linguistic Typology*, 2014, 18(2): 289–331.
- Rasmussen et al. 2010 — Rasmussen M., Li Y., Lindgreen S. et al. Ancient human genome sequence of an extinct Palaeo-Eskimo. *Nature*, 2010, 463: 757–762.
- Rice 1989 — Rice K. *A grammar of Slave*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989.
- Sadock 1984 — Sadock J. M. West Greenlandic. *Interrogativity: A colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages* (Cleveland, Ohio, 1981–1982). Chisholm W. (ed.). Amsterdam: Benjamins, 1984, 189–214.
- Salminen 2014 — Salminen T. Suomalais-samojedilaisia muotovertailuja. *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2014, 291–302.
- Siegl 2012 — Siegl F. Yes/no questions and the interrogative mood in Forest Enets. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Hyytiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds.). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012, 399–408.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.
- Spencer, Luis 2012 — Spencer A., Luis A. R. *Clitics: An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Stoynova 2021 — A nonstandard type of affix reordering: the restrictive *kān* in Ulcha. To appear in *Studies in Language*.
- Tonhauser 2020 — Tonhauser J. Temporal properties of noun phrases. *The Wiley Blackwell companion to semantics*. Gutzmann D., Matthewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann T. (eds.). Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2020.
- Vajda 2008 — Vajda E. The languages of Siberia. *Language and Linguistics Compass*, 2009, 3/1: 424–440.
- Wagner-Nagy 2019 — Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill, 2019.

Желтый или зеленый? (О разграничении зеленого и желтого цвета в албанском языке)

© 2021

Александра Игоревна Чиварзина

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; mss-vah@yandex.ru

Аннотация: Система цветообозначений в албанском языке значительно отличается от соответствующих систем в соседних балканских языках по ряду параметров. В настоящей статье на основе албанских слов со значением ‘желтый’ и ‘зеленый’ показано, как формировались два фрагмента системы албанских цветообозначений в контексте языковых контактов на Балканах. В эпоху римского господства на Балканах в язык вошли латинские заимствования, которые стали наиболее распространенными обозначениями этих двух цветов. Турецкий язык, будучи языком привилегированного населения в течение многих веков, также оставил глубокие следы в лексической системе албанского. Цветообозначения протоалбанского происхождения занимают в языке маргинальное положение по сравнению с заимствованиями. В статье исследуются различные обозначения желтого и зеленого цвета, появившиеся в албанском из разных источников.

Ключевые слова: албанский язык, балканский ареал, цветообозначения, языковые контакты

Для цитирования: Чиварзина А. И. Желтый или зеленый? (О разграничении зеленого и желтого цвета в албанском языке). *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 59–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.59-65

Yellow or green? Distinguishing green and yellow colors in Albanian

Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mss-vah@yandex.ru

Abstract: When studying the system of color terms in the Albanian language, one can notice that it significantly differs from the corresponding systems in the neighboring Balkan languages in a number of parameters. This article considers the basic color terms for ‘green’ and ‘yellow’ in the Albanian language, which clearly demonstrate how contacts of different nations in the Balkans could affect the color categories, in particular these two fragments of the Albanian system of color terms. During the Roman era, Latin borrowings entered the language and became the most common way of denoting these two colors. Turkish, being the language of the privileged population for many centuries, has also left deep traces in the lexical system of Albanian. The color terms of Proto-Albanian origin are marginal in the language compared to the borrowed ones. The present article discusses the differentiation of various expressions of different origin for yellow and green in Albanian.

Keywords: Albanian, Balkan area, color terms, language contacts

For citation: Chivarzina A. I. Yellow or green? Distinguishing green and yellow colors in Albanian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 59–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.59-65

Введение

На формирование системы албанских цветообозначений оказало влияние несколько основных факторов. С одной стороны, албанский язык — единственный представитель особой, албанской ветви индоевропейских языков. С другой стороны, в разные периоды своей истории он подвергался значительному иноязычному влиянию на всех уровнях структуры. Так, в период римского господства на Балканах латинские заимствования проникли в те слои лексики, которые традиционно считаются наименее проницаемыми для внешнего влияния: обозначения отношений родства, частей тела человека, природных явлений, числительные и терминология цвета [Десницкая 1990]. В период османского владычества албанский оказался под влиянием турецкого языка. Система албанских цветообозначений, сформировавшаяся в результате воздействия этих факторов, ярко выделяется на фоне соответствующих систем соседних языков.

При анализе системы цветообозначений мы отталкиваемся от теории Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969], одним из основополагающих понятий которой является «базовое цветообозначение». Такой термин должен быть исконным, иметь широкую сочетаемость и распространенность, чтобы быть понятным всем носителям языка. Этому критерию в албанском отвечают три цветообозначения: *i, e bardhë* ‘белый’, *i zi / e zezë*¹ ‘черный’ и одна из нескольких лексем для обозначения зеленого *i, e blertë*. Таким образом, обозначение желтого и остальные лексемы со значением ‘зеленый’ не являются базовыми с точки зрения происхождения, однако они характеризуются широкой сочетаемостью и значительно распространены. Настоящая статья посвящена анализу семантических ограничений на сочетаемость этих цветообозначений (в продолжение идей, высказанных В. Фридманом [Friedman 2011: 65]), что позволяет показать пути развития албанской системы и особенности ее функционирования в синхронии.

1. Обозначения зеленого

В албанском языке есть три равноправные лексемы, обозначающие зеленый цвет, одинаково способные выступать во фразеологизмах, устойчивых выражениях и в роли основания сравнительных оборотов: *i, e gjelbër* (лат. *galbinus* < и.-е. **ghel-* ‘желтый, зеленый’) [Orel: 131], *jeshil, e* (тур. *yeşil* ‘зеленый’), *i, e blertë* (протоалб. *blōra < и.-е. *bhloros ‘свежий, яркий’) [Ibid.: 29]. Самой распространенной, по данным национального корпуса албанского языка [АНК] (ок. 31 млн. словоупотреблений), является лексема *i, e gjelbër* — 915 случаев употребления (29,5 на миллион), *jeshil* фиксируется в 460 случаях (14,8 на миллион) и *i, e blertë* — в 214 примерах (6,9 на миллион). В словаре при толковании этих лексем используются перекрестные ссылки (*i, e gjelbër* отсылает к *i, e blertë*, а *i, e blertë* и *jeshil* толкуются через синоним *i, e gjelbër*):

Gjëlber (i, e) mb. 1. *Që ka ngjyrën e barit të njomë a të gjetheve të bimëve, i blertë* ‘Цвета свежей травы и листьев растений, [см.] *i blertë*’ [Fjalor: 606–607];

Blertë (i, e) mb. *Që ka ngjyrën e barit dhe të gjetheve të njoma, i gjelbër* ‘Цвета травы и свежей листвы, [см.] *i gjelbër*’ [Ibid.: 156];

Jeshil, -e mb. 1. *I gjelbër*. — Приводится синоним *i gjelbër* [Ibid.: 742].

¹ По сложившейся в отечественной албанистике традиции, албанские прилагательные приводятся в форме мужского и женского рода. Для разных формальных классов прилагательных род может выражаться при помощи связующего артикля, окончания или того и другого одновременно. У некоторых прилагательных мужской и женский род выражаются супплетивными формами.

Несмотря на то что турцизмы часто связаны с реалиями, пришедшими в албанский язык и культуру с востока, из османского мира, у *jeshil* эту связь на современном этапе проследить не удастся. С одной стороны, это цветообозначение используется с предметами и веществами, не обязательно связанными с Востоком, с другой — элементы исламской культуры часто показывают более широкую сочетаемость. Так, зеленый чай в большинстве случаев называют *çaj jeshil* из-за некогда сложившегося узуса в период османского владычества, но есть и примеры *çaj i gjelbër*. Зеленый кофе, ввиду того что это новый продукт, одинаково часто встречается с двумя лексемами. В то же время, элементы исламской культуры могут обозначаться разными лексемами, необязательно восходящими к турецкому, например *flamur jeshil* и *flamur i gjelbër* ('зеленое знамя' — о религиозно-политическом знамени ислама); *çallmë jeshile* и *çallmë e gjelbër* ('зеленая чалма' — о головном уборе, который имеют право носить лишь те, чей род возводится напрямую к пророку Мухаммеду). Также нет ограничения на использование турцизма *jeshil* в Библии: *Prandaj banorët e tyre, të cilët s'kanë forca, ishin të trembur dhe të hutuar; ishin si bari i fushave, si bari i vogël jeshil, si bari i çative, i cili digjet para se të rritet* [Bible, Ис 37:27] — ср. русск. 'И жители их сделались маломощны, трепещут и остаются в стыде; они стали как трава на поле и нежная **зелень**, как порост на кровлях и опаленный хлеб, прежде нежели выколосился' (синодальный перевод).

Все три базовые лексемы — *i, e gjelbër / jeshil, e / i, e blertë* — употребляются для обозначения цвета растительного мира и используются в словообразовании: *jeshillëk* 'сквер, насаждение', *gjelbërim* 'озеленение', *blertësi* 'зелень'. Отметим, впрочем, что коллокации с *i, e blertë* в словаре носят помету «книжное». Эта лексема встречается в названиях животных и растений: *hardhja e blertë* 'зеленая ящерица', *koeloglosi i blertë* 'поллопестник зеленый', и используется в переводах текстов Библии и Корана чаще других обозначений зеленого.

2. Дополнительные способы обозначения зеленого

Помимо трех основных лексем, широко используется конструкция *ngjyrë bari* (цвет.F.SG.INDEF трава.ABL 'цвета травы') как отдельное цветоименование: *Vetura ngjyrë bari u ndal përpara hyrjes së hotel «Dajtit» nën pishat e larta* 'Зеленая машина остановилась перед входом в отель «Дайти» около высоких сосен' (I. Kadare, Gjeneral i ushtrisë së vdekur).

В отдельных контекстах синонимом выступает лексема *i, e njomë* 'свежий, молодой', ср. *njomështinë* 'зелень, зеленая трава': *Engjëlli i parë i ra borisë, dhe u bë breshër e zjarr, i përzier me gjak, dhe u hodhën mbi dhe; dhe e treta e pemëve u dogj tërësisht, dhe çdo bar i njomë u dogj tërësisht* 'Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава **зеленая** сгорела' (Откровение 8:7). Среди этимологов нет однозначного мнения по поводу происхождения этой лексемы, но Э. Чабей связывает ее с глаголом *ngjyey* 'пачкать, окрашивать' [Çabej 2002: 108–109]. Таким образом, одна из лексем, способных обозначать 'зеленый', возможно, является родственной основному слову, образованному от этого же корня и обозначающему в целом 'цвет' — *ngjyrë* [Ibid.: 89].

Прототипическими объектами зеленого цвета являются свежая зелень, трава, листья [Вежбицкая 1996]. Отсюда использование лексемы *trava* при толковании *i, e gjelbër / jeshil, e / i, e blertë*, а также наличие конструкции *ngjyrë bari* 'цвета травы'. В приведенном ниже определении можно увидеть сразу два способа обозначения зеленого цвета: как через широко распространенную лексему *i, e gjelbër*, так и через лексему, обозначающую «свежесть», — *i, e njomë*.

Bar, -i m.sh. -ëra, -ërat. 1. *bot.* Bimë zakonisht njëvjeçare, me kërcell të hollë e të **njomë** që nuk drunjëzohet, me gjethe të holla e të gjata në ngjyrë të **gjelbër**, e cila mbin e dendur në livadhe e në vende të tjera dhe shërben kryesisht si ushqim për kafshët ‘Трава. 1. Растение, обычно однолетнее, с тонким не одревесневающим **зеленым** (*i njomë*) стеблем, с узкими, длинными листьями **зеленого цвета** (*i gjelbër*), которое плотно растет на полях и в других местах и служит в основном кормом для животных’ [Fjalor].

Помимо вышеперечисленных лексем, можно отметить еще одно цветообозначение, основанное на сопоставлении с цветом зеленого растения — *i, e preshtë*. В словаре встречается следующее толкование этой лексемы с отсылкой к *i, e blertë*:

Preshtë (i, e) mb. Në ngjyrë të preshit, i blertë. *Bimë të preshta. Ngjyrë e preshtë* ‘Цвета лука-порея, зеленый. *Растение порей. Цвета лука-порея*’ [Fjalor].

Эта лексема фиксируется в устойчивом выражении *Kalë të preshtë nuk ka* ‘Зеленого коня не бывает’. Описательное цветообозначение *ngjyrë e preshtë* (от *presht*, -i ‘лук-порей’ из греч. *πράσον*) [Orel: 344] буквально переводится «цвета лука-порея», т. е. несуществующий *kalë i preshtë* ‘зеленый конь’ в албанском языке букв. «луковый». Выражение «зеленый конь» в значении нереальности, невозможности встречается также с турцизмом *jeshil: Ti do kalë jeshil* ‘Ты хочешь невозможного’, букв. «Ты хочешь зеленого коня» [Рачева 2003: 97; Ivić 1995: 95]. Выражения с аналогичным значением существуют в румынском и новогреческом языке: н.-греч. *πράσινα άλογα* ‘небылицы’ (букв. «зеленые кони»), рум. *a vedea cai verzi pe pereji* «видеть зеленых коней на стенах» — ‘строить несбыточные планы’, рум. *Cal verde sârb cuminte n-o să întâlnești niciodată* ‘Зеленого коня и умного серба не встретишь’ [Голант 2013: 43]².

3. Желтый или зеленый

Согласно теории Берлина и Кея, первоначально зеленый и желтый обозначаются одним термином. Предполагается, что в дальнейшем их значения расходятся. Так, хотя в современных славянских языках, в частности балканославянских, основные лексемы для обозначения ‘желтого’ (< прасл. **žltъ* [БЕР], ср. болг. *жълт*, мак. *жолт*, серб. *жут*) и ‘зеленого’ (ср. болг., мак., серб. *зелен*) различаются, восходят они к одному индоевропейскому корню **ghel-* ‘сиять; зеленый, золото’ [Skok: 648–649; Pokorny: 429–434].

Албанская система цветообозначений находится на стадии перехода к разграничению терминов для обозначения этих близких цветов.

Так, самая распространенная лексема для обозначения зеленого в литературном албанском языке — *i, e gjelbër* — в южных диалектах используется в значении ‘желтый’ [Новик 2013: 154]. Кроме того, этот корень используется при характеристике желтоватой шерсти домашнего скота [Домосилецкая: 119]. В то же время в северных албанских диалектах³ встречается обратное явление — литературная лексема для обозначения желтого цвета *i, e verdhë* (лат. *viridis* ‘зеленый’) [Orel: 499] используется в значении ‘зеленый’.

² В балканском ареале конь, а иногда другие животные светлого или трудно определимого оттенка называются «зелеными» (ср. болг. *зелен кон* ‘светлый конь’, диал. серб. *zelenka* ‘серая кобыла’ (Вртогош), диал. серб. *зелька* ‘серая собака’ (Трстена) [Zlatanović: 218–219]).

³ Отмечено в районе Кукеса и Люмы (Албания) и в районе города Гьяковы / Джаковицы (в селах Doblirë / Доблибаре, Bishtazhin / Бистражин, Rracaj / Рацай и др.) [Xhafaç 2019], а также фиксируется в произведениях эпоса.

Таким образом, на юге исследуемой территории базовая лексема для обозначения зеленого служит и для обозначения желтого, а на севере — базовая лексема для обозначения желтого служит для обозначения зеленого. В ситуациях, когда нужно противопоставить эти два цвета (например, в знаковой оппозиции «зеленый / желтый»), функции обозначения зеленого ложатся на широко распространенный турцизм *jeshil*: *dritë jeshile* ‘зеленый свет’ (светофора) [Новик 2013: 156], а желтый определяется через турцизм *sari* / *sarit* / *sarih* ‘желтый’. Но если слово турецкого происхождения *jeshil* стало базовым цветообозначением в литературном языке, то *sari* по-прежнему редко фиксируется в письменной речи. Ниже приведены немногочисленные примеры, которые удалось найти:

Na mbyti lagështia. A po m'i sheh fëmijët, sarih si limoni, më shumë po rrinë të sëmurë se shëndosh ‘Нас убила влажность. Ты видишь моих детей, они желтые (*sarih*) как лимон, они скорее больные, чем здоровые’ [АНК: Zëri, 28.03.2013];

Ajo e bardha e syve esht krejt e verdh (sarih) ngjose e ka sarillakun ‘Белок глаза полностью желтый (*sarih*), как будто у него желтуха (от корня *sari*)’ [Beba ime, 2014].

4. Дополнительные способы обозначения желтого

Для обозначения желтого в северных говорах албанского есть еще один локальный синоним — *i, e luls(ë)*, также *i, e lultë*: *Me u lulsue. U ba luls në ftyrë e nisi me vjellë. Grueja me shami të luls në krye. Limonët e lulsuem në degë. Fëmijë lulsana* ‘С желтизной. Он пожелтел в лице и его стошнило. Женщина в желтом платке. Желтые лимоны на доске. Дети с желтоватым оттенком кожи’ [Xhafçe 2019].

Термин *i, e luls* происходит от общего названия цветка — *lule* (< протоалб. **lūla*, древнее балканское заимствование, возможно, из копт. *hrēri, hlēli* ‘лилия’; ср. греч. *λεῖριον*, лат. *lilium*) [Orel: 234], и, скорее всего, оно образовано на основе сравнения с цветком одуванчика — *luleradhiqë*; внутренняя форма подсказывает, что это цвет букв. «цветочный» [Xhafçe 2019]. Таким образом, в албанском языке имеется еще один исконный, незаимствованный термин цветообозначения, который, впрочем, не может считаться базовым, поскольку имеет региональное употребление.

Остальные способы обозначения желтого, которые фиксируются в словарях, относятся к обозначениям оттенков и в настоящей статье не рассматриваются (например, *ngjyrëlimon* или *ngjyrë limoni* ‘лимонный’ (букв. «цвета лимона»)).

Заключение

Базовые термины *i, e gjelbër* и *i, e verdhë* этимологически и типологически имеют потенциал обозначать оба рассматриваемых цвета. Латинское заимствование *i, e verdhë* соответствует как в языке-источнике (лат. *viridis*), так и в типологически близком балканском языке — румынском (*verde*) — значению ‘зеленый’. Лексема *i, e gjelbër* ‘зеленый’ является родственной как обоим славянским цветообозначениям (прасл. **žьltъ* и **zel-*, оба из и.-е. **ǵhel-* ‘сиять; зеленый, золото’) [Pokorny: 429–434], так и румынскому *galben* ‘желтый’ (из лат. *galbinus* ‘желтый’) [Candrea, Densusianu: 112]. Албанский язык наглядно демонстрирует тот этап эволюции терминов цветообозначения, когда зеленый и желтый цвета расходятся, приобретая отдельные наименования. Также в языке есть устойчивая конструкция, обозначающая цвет опосредованно, путем сопоставления предметов схожего цвета. В таблице ниже сведены основные способы обозначения ‘зеленый’ и ‘желтый’.

Таблица

**Основные обозначения желтого и зеленого в албанском языке
и их происхождение**

Происхождение	‘зеленый’	‘желтый’
латынь	<i>i, e gjelbër</i>	<i>i, e verdhë</i>
турецкий	<i>jeshil, e</i>	<i>sari (sarit / sarih)</i>
протоалбанский	<i>i, e blertë; ngjyrë bari</i>	<i>i, e luls (i, e lultë)</i>

Латинские заимствования в эпоху романского господства на Балканах глубоко вошли в язык и стали наиболее известными способами обозначения зеленого и желтого соответственно. И, возможно, именно в связи с их широкой представленностью на большой территории на противоположных полюсах распространения диалектов албанского они укоренились в разных значениях (*i, e gjelbër* в южных диалектах — ‘желтый’, *i, e verdhë* в северных диалектах — ‘зеленый’), свойственных соответствующему заимствованию в языке-источнике. Турецкий суперстрат заполняет лакуны, которые образуются в освободившейся ячейке одного из цветообозначений (*jeshil* ‘зеленый’ или *sari* ‘желтый’ используются в ситуации знаковой оппозиции на месте *i, e gjelbër* или *i, e verdhë*). Лексемы и конструкции собственно албанского происхождения занимают в языке маргинальное положение по сравнению с заимствованиями из языков, бывших престижными в разные периоды, — лексемами латинского и турецкого происхождения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL — аблатив
F — женский род

INDEF — неопределенность
SG — единственное число

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АНК — *Албанский национальный корпус*. Морозова М. С., Русаков А. Ю., Архангельский Т. А. (сост.). <http://albanian.web-corpora.net>.
- БЕР — *Български етимологичен речник*. София: БАН, 1971–2010. <https://ibl.bas.bg/struktura/balgarska-etimologiya/publikatsii/> (дата обращения 15.03.2020).
- Домосилецкая — Домосилецкая М. В. *Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь: Скотоводческая лексика*. СПб: Наука, 2002.
- Beba ime — Beba Ime [website]. <http://www.bebaime.com/pyet-nenat> (дата обращения 06.04.2021, дата публикации 2014).
- Bible — *The Holy Bible: Albanian translation*. Grand Rapids (MI): Christian Classics Ethereal Library, 2002. <https://ccel.org/ccel/bible/sq>.
- Candrea, Densusianu — Candrea I. A., Densusianu O. *Dictionarul etimologic al limbii române. Elemente latine (A–Putea)*. București: Librăriile SOCEC & Co, 1907.
- Fjalor — *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Tiranë: Akademia e Shkencave e R. Sh., Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1980.
- Orel — Orel V. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden: Brill, 1998.
- Pokorny — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. 1. Bern: A. Francke, 1959. <http://www.proto-indo-european.ru/pie-adjectives.html> (дата обращения 15.03.2020).
- Skok — Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 3 (ponii ‘— Z). Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1973.
- Zlatanović — Zlatanović M. *Rečnik govora juga Srbije (provincijalizmi, dijalektizmi, varvarizmi i dr.)*. Vranje: Učiteljski fakultet u Vranju, 2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия. *Язык. Культура. Познание*. Вежбицкая А. М.: Русские словари, 1996, 231–291. [Wierzbicka A. Denotations of color and universals of visual perception. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Wierzbicka A. Moscow: Russkie Slovarei, 1996, 231–291.]
- Голант 2013 — Дискуссия после доклада Н. Г. Голант. *Троица. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре* (Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года). Макартцев М. М. (отв. ред.). М.: Ин-т славяноведения, 2013, 37–43. [Discussion after N. G. Golant's talk. *Troitsa. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре* (Proc. of the round table, 17 April 2012). Makartsev M. M. (ed.). Moscow: Institute for Slavic Studies, 2013, 37–43.]
- Десницкая 1990 — Десницкая А. В. О происхождении албанского языка (Сравнительно-исторический и социально-исторический аспекты). *Вопросы языкознания*, 1990, 2: 5–12. [Desnitskaya A. V. On the origin of the Albanian language (comparative and socio-historical aspects). *Voprosy Jazykoznanija*, 1990, 2: 5–12.]
- Новик 2013 — Новик А. А. Зеленый цвет — свет — мир в традициях албанцев. *Троица. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре* (Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года). Макартцев М. М. (отв. ред.). М.: Ин-т славяноведения, 2013, 154–179. [Novik A. A. Green color — light — world in Albanian traditions, mythology and culture. *Troitsa. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре* (Proc. of the round table, 17 April 2012). Makartsev M. M. (ed.). Moscow: Institute for Slavic Studies, 2013, 154–179.]
- Рачева 2003 — Рачева М. Еще раз о «зеленом коне». *Этимология, 2000–2002*. Варбот Ж. Ж. и др. (ред.). М.: Наука, 2003, 80–109. [Racheva M. Once again about the “green horse”. *Etimologiya, 2000–2002*. Varbot Zh. Zh. et al. (eds.). Moscow: Nauka, 2003, 80–109.]
- Berlin, Kay 1969 — Berlin B., Kay P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: Univ. of California Press, 1969.
- Çabej 2002 — Çabej E. *Studime etimologjike në fushë të shqipes*. Bleu VI (N–RR). Tiranë: Akademia e Shkencave e R. Sh., Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 2002.
- Friedman 2011 — Friedman V. Balkanisms of color: Black, and white, and red all over. *Балканский спектр: от света к цвету* (Балканские чтения 11. Тезисы и материалы). Макартцев М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). М.: Пробел-2000, 2011, 63–66. [Friedman V. Balkanisms of color: Black, and white, and red all over. *Balkanskii spektr: ot sveta k tsvetu* (Balkan readings 11. Abstracts and materials). Makartsev M. M., Sedakova I. A., Tsiv'yan T. V. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2011, 63–66.]
- Ivić 1995 — Ivić M. O zelenom konju. *O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi*. Ivić M. Beograd: Slovoğraf, 1995, 91–93.
- Xhafçe 2019 — Xhafçe Z. Leksikalizimi i ngjyrave në gjuhën shqipe: Huazimet dhe Sinonimet. *Seminari i 38. Ndërkombëtar për Gjuhën, Letërsinë dhe Kulturën Shqiptare, Fakulteti i Filologjisë, Universiteti i Prishtinës*. Vol. II. Munishi Sh. (ed.). Prishtinë: Universiteti i Prishtinës, 2019, 468–492.

Получено / received 07.11.2020

Принято / accepted 16.03.2021

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г.

© 2021

Алексей Алексеевич Гиппиус

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой предварительную публикацию четырнадцати берестяных грамот (№ 1122–1135), найденных в Великом Новгороде в археологическом сезоне 2020 г. За исключением № 1135 (сер. XII в.), публикуемые документы относятся к XIV — первой половине XV в. Несмотря на фрагментированность большинства текстов, их содержание удастся в общих чертах восстановить. В историческом отношении наиболее ценны № 1122/1123 — черновик завещания, среди фигурантов которого имеются лица, известные из летописи и пергаменных актов, и № 1132 — фрагмент челобитной с упоминанием рати, отправленной в Заволочье. Выделяются написанные одним почерком грамоты № 1128 — официальное заявление об ущербе, причиненном устройством запруды, и № 1130 — сопроводительная записка при посылке осетрины. Не имеет аналогов грамота № 1131, в которой адресную формулу частного письма продолжает глоссолалический текст неясной прагматики. С фонетической точки зрения значимы: написание *вьѣстка* (*вѣстка*) (№ 1132) — редчайший случай отражения на письме дифтонгического произношения /ѣ/, написание *ево* (№ 1124) — ранний пример перехода *г* в *в* в окончании Р. ед. м.-ср. местоимений и прилагательных, аллегорическая форма *хоишь* (№ 1126). Из синтаксических явлений фиксируется новая модель бессоюзного обозначения группы родственников: *на Осташки на его дѣтхъ* (№ 1122/1123). В области лексики примечательны: ранее не встречавшееся название меры объема *лубъ-пятерикъ* (№ 1122/23), ранний пример экспрессивного диминутива на *-шико* (№ 1126), книжное наречие *поистинѣ* в контексте делового документа (№ 1128), слово *хребеть* в значении ‘осетровый балык’ (№ 1130), восстанавливаемое сочетание *сѣрая куна* — параллель к летописной ‘черной куне’ (№ 1133), древнейшая фиксация слова *розметъ* ‘раскладка податей’ (№ 1135).

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН. Автор благодарит руководителей раскопок за предоставление текстов для публикации и стратиграфических данных. Автор также признателен М. А. Бобрику, С. М. Михееву, А. В. Птенцовой, Д. В. Сичинаве и М. Н. Толстой за сотрудничество в исследовании и замечания по тексту статьи.

Для цитирования: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 66–92.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.66-92

Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020

Alexey A. Gippius

HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; agippius@mail.ru

Abstract: The article is a preliminary publication of fourteen birchbark letters found in Veliky Novgorod during the archaeological season of 2020. With the exception of No. 1135 (mid-12th century), the published documents date back to the 14th — first half of the 15th century. Despite the fragmented state

of most of the texts, their overall content can be plausibly reconstructed. The most important historically are No. 1122/1123 — a draft of a testament, where a number of characters known from the chronicle and charters can be identified, and No. 1132 — a fragment of a petition mentioning the troops sent to Zavo-lochye. Also noteworthy are two letters written by the same hand, No. 1128 — an official declaration of damages caused by the construction of a dam, and No. 1130 — a note accompanying a batch of sturgeon. In No. 1131, the address formula of a private letter is continued by a glossolalic text of obscure pragmatics. From a phonetic point of view, the following phenomena are significant: *вьѣстка* (*вѣстка*) (No. 1132) is a rare case of reflecting the diphthongic pronunciation of /ě/ in writing; *ево* (No. 1124) is an early example of the transition from /g/ to /v/ in the Gen. sg. masc.-neut. ending of pronouns and adjectives; the allegro form *хошь* (No. 1126). A new syntactic pattern is discerned where a group of relatives is described by a simple juxtaposition (*на Осташки на его дѣтѣхъ* 'Ostashka's [and] his children's [debt]'). In the field of vocabulary, the following features are remarkable: the previously unknown name for the measure of volume *лубъ-пятерикъ* (No. 1122/23), an early example of the expressive diminutive pattern as in *шатришко* (No. 1126), a bookish adverb *поистинѣ* used in a business document (No. 1128), the word *хребеть* denoting sturgeon balyk (No. 1130), a reconstructed collocation *сѣрая куна* 'grey marten' (No. 1133) — a parallel to the *черная куна* 'black marten' known from *Povest' Vremennykh Let*, and the earliest occurrence of the word *розметъ* 'breakdown of payments' (No. 1135).

Keywords: birchbark letters, Novgorod, Old Russian

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00352) provided to the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The author thanks the leaders of the excavations for providing the texts for publication and stratigraphic data. The author is also grateful to M. A. Bobrik, S. M. Mikheev, A. V. Ptentsova, D. V. Sitchinava and M. N. Tolstaya for their collaboration in the study and comments on the text of the article.

For citation: Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 66–92.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.66-92

Археологический сезон 2020 г. в Великом Новгороде, несмотря на неблагоприятные условия, вызванные пандемией, состоялся и принес 14 новых берестяных документов. Грамоты были найдены в ходе охранных археологических раскопок на Софийской стороне, проводившихся экспедицией Института археологии РАН (руководитель П. Г. Гайдуков).

На раскопе Дмитриевский-3 на территории древнего Неревского конца (Софийская набережная, вблизи Театра им. Ф. М. Достоевского, руководитель работ Н. А. Сарафанова) были изучены напластования начала XIV — первой половины XV в. и найдены берестяные грамоты № 1122–1131.

На раскопе Воздвиженский-7 на территории древнего Людина конца (руководитель работ А. А. Исаев) в напластованиях середины XII — второй половины XIV в. обнаружены грамоты № 1132–1135.

Из найденных грамот № 1122 и 1123 являются листами одного документа, а № 1128 и 1130 написаны одним почерком.

Принципы записи и комментирования текста такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1122/1123. Раскоп Дмитриевский-3. Документ на двух листах, из которых один, большего размера, сохранился полностью, а второй утратил верхние строки. На листе 1 строки с 5-й по 13-ю написаны с большим отступом и выровнены по началу слова *Ивани* в 4-й строке, перед которым оставлено пустое место. В середине этой строки писец как будто решил изменить пропорции текста, придав ему вертикальную ориентацию, какую имеет и второй, узкий лист документа. В этом можно видеть влияние актовой документации, к которой содержательно относится грамота (ср. ниже комментарий к № 1127).

№ 1122

прокопью · на есипи на васильеви
 сны · полъ четворта рубля · на черн^н
 цини оулицы · на илинархи и на его
 брати на ивани на ивелеихъ
 дитехъ · три рубли
 на костьки · на онан^н
 ини дви гривни · да
 лубъ соли па[т]ерике
 да два полти · на пугв^н
 ци · на ёи дѣтехъ ·
 полтина · да коро^н
 быя ржи · на осташки
 на его дѣтехъ · полтина
 ...

№ 1123

...к^н
 (- на м)а[кс]имкови б[ра](т)и
 полторы гривны купъ
 на сести на м[о]е[и] на овдо^н
 ты · полтина (· а) [прик]азы^н
 ваю затю своему марту^н
 шу · на ёини жени
 на мавури · полтори гри^н
 вни полъ третьи гри^н
 вны ∴

Почерк на обоих листах один и тот же. Во 2-й строке в *четворта* перед *в* зачеркнуто *р*. В 3-й строке последнее *и* переправлено из *н*. Описки: *сны* вместо *снѣ* (под влиянием корневого гласного; титло над словом не просматривается, но могло пропасть в разрыве бересты); пропуск *р* в *сести* (если это не отражение фонетической неустойчивости сочетания *стр* в данном корне, запись которого в берестяных грамотах часто отклоняется от стандартной, ср. *сетра*, *сетроу*, *сьтроу* 531, *сесру* 1102, *сьсричича* 974).

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1410-х гг.

Перед нами заготовка завещания Прокопия — той его части, что содержала перечень должников и сумм, которые с них надлежит получить. Завещатель упомянут в 3-м лице, что находит аналогию в древнейшей русской духовной — завещании Климента (до 1270 г.): *А на поральское серебро наклада възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна* [ГВНП, № 105]. Слово *взати* могло читаться в конце несохранившегося первого листа, содержавшего начало документа. Но перечень долгов мог быть оформлен и отдельно, с эллипсисом подразумеваемого глагола. То, что лист начинается с имени завещателя, вряд ли случайно и скорее говорит в пользу второй возможности. В грамоте № 138 (нач. XIV в.) аналогичный перечень долгов составляет все содержание завещания, предваряясь только начальной формулой *Се азо рабо бѣи Селивьстро напсахъ роукотписаниѣ*.

Все должники названы не просто по именам, но с указаниями их родственных связей, повышающими надежность идентификации (для сравнения — в том же завещании Климента такие указания полностью отсутствуют); в одном случае указан и адрес — Черницына улица. Фраза *а приказываю затю своему Мартушу* относится, по-видимому, не ко всему вышеперечисленному, а только к долгу сестры (в противном случае пришлось бы предположить, что, написав грамоту, автор вспомнил еще одного должника и добавил про него в конце). Вероятно, Овдотьи уже нет в живых, и сумму, которую

она была должна Прокопию, он завещает зятю (мужу сестры), то есть, по сути, прощает этот долг.

Должниками Прокопия выступают: 1) Есип, сын Василия, 2) Илинарх и Иван, дети Иева с Черницыной улицы, 3) Костка, сын Онании, 4) Пугвица с детьми, 5) Осташка с детьми, 6) [неизвестный], брат Максимка, 7) Овдотьа, сестра завещателя, 8) Макура, жена Ены. Как показывает Г. Е. Дубровин в еще не опубликованной статье [Дубровин и др. (в печати)], некоторые лица из этого списка могут быть тождественны фигурам, известным по летописи и актовым источникам. Названный первым Есип, сын Василия, — по-видимому, не кто иной, как Есиф Васильевич Носов, боярин и воевода, сын и внук посадников Василия Есифовича Носа и Есифа Захарьинича Носа, связанных с Плотницким концом и Прусской улицей. Есиф, упоминаемый в летописи с 1435 г., погиб в 1456 г. в бою под Старой Руссой. Костка Онанын, судя по сочетанию имени и отчества, может быть сыном тысяцкого Ананьи Константиновича, известного источникам с 1398 по 1413–14 гг. С другой стороны, анализ персоналий грамоты позволяет предполагать связь Прокопия с Двинской землей. В этом отношении особый интерес представляет «зять Мартуш». Как заметил Д. В. Сичинава, из новгородских источников был до сих пор известен только один носитель этого имени: Василий, Мартушов сын, и Петр Мартушов упоминаются в трех купчих грамотах середины XV в. [ГВНП, № 159, 160, 175], происходящих из окрестностей Холмогор. Развивая это наблюдение, Г. Е. Дубровин предположил, что отцом Илинарха и Ивана с Черницыной улицы, определенных в грамоте как «Иевли дети», мог быть двинский посадник Иев Тимофеевич, фигурирующий в новгородском акте первой четверти XV в. [ГВНП, № 92]. На этом фоне и сам Прокопий может быть отождествлен с двинским владичным наместником Прокопием Филипповичем, известным по печати при грамоте [ГВНП, № 180]. В двинской антропонимический контекст грамоты вписываются и такие персонажи пергаменных грамот, как *Пугва* и *Григорий Пугвин* [ГВНП, № 234, 276].

Графика документа стандартная. *Ѣ* последовательно заменен на *и* во флексиях, но сохранен в двух из трех написаний словоформы *ѡѣтехъ*. В морфологии — смешение наддиалектных и диалектных окончаний: *лубъ*, *полторы гривны*, *поль третьи гривны* vs. *па[т]ерики*, *полтори гривни* (*полторѣ гривнѣ*).

Слово *па[т]ерики* в 8-й строке — явно И. ед. *пятерике*, с необозначением мягкости губного либо отражением его отверждения, ср. *бес пати* 758 (2 пол. XIII в.). Перед нами ранее не встречавшееся обозначение емкости — «луб-пятерик». Как мера объема соли *лубъ* упоминается в Ст. Р. 2 (1 пол. XV в.). В берестяных грамотах встречается и более мелкая соляная мера — *розмѣра*. В Ст. Р. 49 (кон. XIII в.), представляющей собой роспись натуральных выплат, пять размер фигурируют как норма выплаты, см. [Гиппиус 2019: 66–67]. Можно думать, что луб-пятерик, вмещавший пять размер соли, как раз и был физическим выражением этого стандарта¹.

В синтаксическом отношении интересны бессоюзные сочетания *на Пугвѣци на єи ѡѣтехъ*, *на Осташки* | *на єго ѡѣтехъ*. В принципе, поскольку в обоих случаях слово перед ожидаемым союзом заканчивается на *и*, здесь можно предполагать и чисто графическое стяжение двух одинаковых гласных (ср. похожий эффект в № 1124), однако маловероятно, чтобы такое стяжение произошло на границе строк (во втором примере). Союз был первоначально пропущен и в сочетании *на Илинархи и на єго брати на Ивани*: начал писать предлог, писец затем переделал *и* в *и* (возможно, ввиду бóльшей синтаксической сложности контекста).

Бессоюзное соединение однородных членов, называющих группу тесно связанных между собой лиц, А. А. Зализняк отмечает в контекстах, где лица, образующие такую группу, обладают одинаковым статусом (являясь, например, братьями) и названы

¹ О *лубе* как специфически новгородской соляной мере и *размере* как его делении см. также [Лебединская 2013: 41–43].

одинаковым образом (обычно по имени). Так, в № 663 (2 пол. XII в.) «фигурируют *Милоке, Бенеге, Бѣдиша ... Коростокине* (три брата, дети Коростки) и *Невиде, Касил(не) Сморочьва* (два брата, дети Сморча). Братья (в каждом из двух семейств) выступают как некоторое единство: в грамоте указаны суммы подати, которые они заплатили совместно» [ДНД: 191]. В нашем случае эти условия не соблюдаются, основанием для неупотребления сочинительного союза служит, по-видимому, само восприятие названных лиц как единого хозяйственного субъекта. В корпусе берестяных грамот такое сочетание можно предполагать также в № 348 (XIII в.): *У Арыша 2 четверети, у Надел четвьрте, у Хоцу у сына его четверте*. Хотя этот контекст можно понять и в том смысле, что Хоч является сыном Надея, присутствие здесь же другого бессоюзного сочетания — *у Илее, у Тудора 4 четверти* — делает более вероятным перевод: ‘у Хоча и у его сына’. Ср. бессоюзное сочетание в именительном падеже в сохранившейся фрагментарно грамоте № 72 (2 пол. XIII в.): ...*Иванко сыно Демьанко*. Эта запись напоминает формуляр писцовых книг конца XV в., где подобные сочетания также оформляются бессоюзно, см., например: *дв. Одрѣико Конановъ, сынъ его Филка, дв. Ивашко Якушовъ, сынъ его Дениско* [НПК, V: 157] (в более позднее время такие конструкции включают союз *да*).

Обнаруженное явление позволяет лучше понять сложное место в грамоте № 496 (2 четв. XV в.), представляющей собой запись показаний свидетеля грабежа: *Оударивсѧ разбоємъ на Михайлицинь дворъ, на сѧна ево на Ива(н)[ка] д[во]рьно^в*. Перевод фразы в [ДНД: 682] ‘Напали разбоем на Михайлицын двор, на Михайлицына сына Иванка-дворника’ предполагает, что одна и та же последовательность *дворъ* в одном случае является названием двора, а в другом — частью слова *дворный*, при том что употребление последнего в значении ‘дворовый служитель’ источниками не засвидетельствовано. Удивляет и предполагаемое исполнение обязанностей «дворника» сыном владельца двора. Теперь же мы можем понять этот текст иначе, трактовав последовательность *дворъно^в* как два слова — *дворъ но^в* ‘новый двор’ и переведа фразу: ‘Напали разбоем на двор Михалицы и на новый двор его сына Иванка’².

Илинархъ — известная форма имени *Иринархъ* с дистантной диссимилиацией *р ... р > л ... р*. Необычный вид притяжательного от *Иевъ* — *Ивлелихъ* — объясняется, вероятно, исправлением: начатое *Ивлихъ* (< *Иевлихъ*) писец решил переделать в *Иелихъ* (с диалектным переходом [вл’] > [л’]), но забыл зачеркнуть *вл*. Прозвище *Пугвица* (ср. уже указанные параллели в двинских грамотах: *Пугва, Пугвинъ*) демонстрирует закономерную утрату редуцированного в деривате древнего *rogъ, -ъве. *Мартушъ* — редкая гипокористика от *Мартынъ* (*Мартинъ*). Ее можно было бы произвести и от *Мартурий* (*Мартирий*), но это имя на Руси было исключительно монашеским. Примечательный персонаж — *Енина жена Макура*. Поссесив *Енинъ* (ср. тождественную современную фамилию) указывает на исходное *Еня* или *Ена*. С каким полным именем соотносится эта сокращенная форма, точно определить невозможно. Это могут быть как христианские имена — *Геннадий* (вариант *Енадей* встречается в источниках XV–XVI вв.), *Евгений* (ср. *Енюша* как семейное именование Базарова в «Отцах и детях» И. С. Тургенева), *Иона* (в этом случае за начальным *Е-* стоит [jo]), так и прозвище *Емля* (с новгородским диалектным переходом [вл’] > [н’], ср. у Даля нарицательное *емля* ‘росты, лихва, промысел ростовщика’, а также топоним *Емлино* [СРНГ, 8: 537–538]. Недостатком первой версии является то, что указанные имена в рассматриваемую эпоху известны на Руси только как монашеские.

Мавура — вариант имени *Мавра* (из *Маура*, с протетическим *в*); ср.: *Ориница з детми, Мавурица з детми* [НКРЯ, Духовная Марии Петелиной, 1440–1450].

² Предлагаемое чтение обладает еще двумя преимуществами: 1) устраняется случай неповторения предлога в *на Иванка дворъно^в* (ср. повтор *на сѧна ево на Ива(н)[ка]*); 2) с ликвидацией словоформы *дворъно^в* сохранение *ъ* внутри слова оказывается представлено только в двух именах на -хъно: *Грихънъ, Стехъно^в*.

№ 1124. Раскоп Дмитриевский-3. Средняя часть документа из пяти строк без левого и правого края.

... (·)ꙗ· семницъ кон...
 ...а на городици ꙗ· бѣлк- ...
 ... (за)темъ родиваномъ ...
 ...[о]ва оу кожевника оу ...
 ... (по)лтиною брата ево ...

Из грамоты в древности была аккуратно вырезана фигура, по форме напоминающая наконечник ножен; возможно, она была использована для изготовления игрушечных ножен. В (по)лтиною о исправлено из а.

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1360-х гг.

В первой строке допустима реконструкция *кон(евыхъ кунъ)* ‘денег за коня’. Это словосочетание реконструируется также в № 164 (1 пол. XII в.) на основе другой части словоформы прилагательного: (ко)невыхъ коу(нъ).

Представляет интерес еще одна фиксация слова *семница*, известного только из берестяных грамот. В [Гиппиус 2017] этот финансовый термин был объяснен как единица счета мехов, связанная с сорочком. В зависимости от контекста семницей могли называть семь беличьих шкурок или семь сороков таких шкурок, при этом стоимость «большой» семницы соответствовала гривне серебра. Упоминание семниц в одном ряду с белками подкрепляет эту трактовку. Подтверждается и чтение ‘6 семниц’ в № 355 (1 пол. XIV в.), где данный термин выступает в искаженном написании: *на Дорофѣи на кожевникѣ 6 семенци*. Шесть семниц — сумма несколько больше гривны кун, соответствовавшей пяти семницам. Отметим, что в найденной на территории соседней усадьбы грамоте № 532 (кон. XIV в.) фигурирует сочетание *семку цѣна*, для которого А. А. Зализняк [ДНД: 630] предлагает перевод ‘стоимость «семка»’, понимая *семокъ* как ‘натуральный оброк, составляющий седьмую часть урожая’. Не исключено, что и здесь имеется в виду денежное соответствие все той же семницы (ср. синонимию *пятокъ* и *пятница* как названий дня недели).

В 3-й строке однозначно восстанавливается (с за)темъ Родиваномъ, в 4-й предположительно — (оу) Якова оу кожевника оу... В первом случае предлог в именной группе не повторяется, тогда как во втором повтор имеет место, причем двойной (второй предлог мог присоединять, например, отчество). Это распределение соответствует описанным в [ДНД: 164–166] правилам, согласно которым повторение предлога обязательно, если первым членом группы является имя собственное, и факультативно, если в этой роли выступает апеллятив.

Буква а, исправленная на о в (по)лтиною, — скорее всего, не отражение аканья, а след синтаксической правки: написанное (рубль и по)лтина писец переделал в (рубль с по)лтиною. Пропуск оу перед брата вряд ли случаен. Его можно было бы объяснить тем, что окончание творительного падежа а-склонения звучало в языке писца как [oj] и слова [с полтиној у брата] были записаны как единая фонетическая последовательность. Однако такой же пропуск предлога у после ю обнаруживается в № 2 (2 пол. XIV в.): ...кѣницю, (8) Вѣльаказа... (на 12 сочетаний с тем же предлогом после других гласных). Скорее всего, в обоих случаях перед нами чисто графический эффект — необозначение второго из двух одинаковых гласных.

Словоформа ево — самый ранний в берестяных грамотах пример перехода г в в в окончании Р. ед. м.-ср. местоименного и адъективного склонения. До сих пор это явление было представлено только в № 496 (сер. XV в.).

В переводе общую структуру записи можно представить так: ‘У Х-а 6 семниц [денег за коня (?)]. У У-а на Городище 3 белки. У З-а с зятем Родиваном [столько-то]. У Якова [отчество (?)], кожевника, рубль с полтиною. У его брата [имя, столько-то]’. Сумма в рублях

могла быть, конечно, и иной, но она в любом случае была намного больше других указанных сумм, с чем коррелирует вероятное упоминание отчества этого лица.

№ 1125. Дмитриевский-3. Фрагмент письма, содержащий левые части первых трех строк.

ПОКЛОЊЪ ѿ є[В]АНА К- ...
 ду что с ЛИТОШНИ[М]- ...
 [ТЬ]---НИ НЕ МО[Л]...
 (...)

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг.

Поскольку утраченная правая часть грамоты вряд ли была совсем узкой, следует думать, что адресатов было два; имя второго заканчивается на -ду в начале второй строки (Давыд?). Прилагательное *лѣтошнии* 'прошлогодний' засвидетельствовано уже в древнеболгарском переводе Толковых пророков, дошедшем в списках с рукописи Упыря Лихого 1047 г. [Слов. XI–XVII, 8: 221], и до сих пор повсеместно представлено в русских говорах [СРНГ, 17: 24]. В берестяных грамотах оно ранее не встречалось, при том что синоним *лоньскыи* представлен неоднократно. В грамотах позднего периода это определение в трех из пяти случаев относится к зерну (№ 50, 196, 482). Скорее всего, о зерне речь шла и в этом письме, а на *мол-* в 3-й строке начиналась какая-то форма глагола *молотити* или *молоти*; могло упоминаться, например, *немолотое* прошлогоднее зерно.

№ 1126. Раскоп Дмитриевский-3. Левая часть документа, содержавшего девять строк на лицевой стороне и, вероятно, столько же на обороте. С целью уничтожения документ был разрезан по вертикали, после чего из сохранившегося фрагмента был сделан неправильной формы вырез вверх справа. Большая часть поверхности оборотной стороны грамоты содрана, и на ней сохранилась только последняя строка. С однозначными восполнениями утраченных частей словоформ текст имеет следующий вид:

1	ОСПОД(ИНУ)...	(ТИ)≠
	МОѢИ...	...≠
	ОВИ А ИН-----НИ А ...	... (N)≠
	АДОБЬ И ТЫ [ѿ]----ИНА ...	
5	КА КЪ МНИ ПРАВИТИ Т...	
	НИ В ЗЕМЛУ НЕ ПОИДУ А СА(М)...	
	А НЕ ХОШЬ КАКЪ ТОБИ ЛУ(БО) ...	
	ИБИ ПОПЕЦАЛОВАЛЕСЕ Б...	
	ЦЕ ПО ДВИНАЦА БИЛКИ [К]...	

оборот:

...
 ... да шатришко пришли

От буквы *ѡ* в 4-й строке виден только низ; реконструируем ее таким образом, поскольку начальное /о/ записывается в грамоте как *ѡ*. В 7-й строке *и* исправлено из *с*. В 9-й строке первое *к* исправлено из *а*.

О размере утраченной правой части можно судить по шестой строке, окончание которой содержало почти целую фразу, начинавшуюся с *а сам...* Расположение реконструируемых окончаний строк в нашей записи предполагает, что грамота была разрезана пополам. В таком случае вместе с продолжением на обороте, написанным той же рукой, она

Илл. 1. Грамота № 1126

должна была содержать примерно 170–180 слов, что соответствует объему самого длинного из полностью сохранившихся берестяных писем — № 531 (кон. XII — 1 пол. XIII в.).

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг. — предпочтительно не позднее 1390-х гг.

Грамота содержала челобитную феодалу. Упоминается земля и какие-то цены, выраженные в белках. Целиком читается только одна, но очень выразительная фраза: *А не хошь — какъ тоби лу(бо)*. Ср. в [НПЛ: 422] под 1442 г.: *Новгородци же отвѣщаиша: «Хошь, княже, и ты к намъ поѣди; а не въсхошь, ино какъ тобѣ любо»*.

Графика документа — стандартная, без смещения *ъ* с *о* и *ь* с *е*. *Ѣ* последовательно заменен на *и* как в середине, так и на конце слова: *къ мни, тоби, двинаца, билки*. Последовательный характер носит и утрата конечных безударных гласных: *надобѣ, хошь, какъ*. В *двинаца* (из *дѣвѣ на десѣте*) отразилась и дальнейшая потеря конечного *т*, а также выпадение первого заударного гласного и вызванное им оглушение [д'с'] > [ц']. Выпадением гласного *е* и упрощением [ч'ш'] > [ш'] объясняется и разговорная форма *хошь* (< *хочешь*), впервые встретившаяся в берестяных грамотах, но известная по другим источникам (см. приведенный пример из НПЛ). Как такой же аллегривый вариант к *будешь* можно трактовать *буше* (*бушь*) в № 273 (2 пол. XIV в.): *бже буше поимала...* Это кажется более вероятным, чем допущение описки — пропуска слога [ДНД: 584]: хотя писец блока, в который входит грамота, периодически пропускает отдельные буквы, в пропуске слогов он более не замечен³.

³ А. И. Соболевский [2006: 297, 417, 482] объясняет разговорное *хошь* влиянием диалектного *хочь*, видя в последнем древний оптатив, образованный аналогично *вижь, дажь* и др. В принципе так же можно объяснить и *бушь*, но в этом нет необходимости: современные *хошь* и *бушь*, безусловно, порождаются фонетически из *хочешь* и *будешь*, и ничто не мешает предполагать то же относительно их позднерусских соответствий.

Написания *землу* и *лу(бо)* пополняют уже и без того обширный фонд примеров, отражающих специфику реализации противопоставления /л/ и /л'/ в древненовгородском диалекте [ДНД: 80].

Содержание грамоты можно попытаться в общих чертах восстановить, опираясь на имеющиеся параллели. Упоминание автора в единственном числе (*къ мни*) показывает, что перед нами не коллективная крестьянская челобитная, а письмо управляющего — ключника или старосты. С учетом предполагаемой длины утраченной части вероятной представляется следующая структура адресной формулы: *Осподину* [имя и отчество] (*ключникъ твои Ти*)*мофи(и челомъ бьеть)*. От начальной фразы основного сообщения, описывавшей текущее положение дел, сохранился фрагмент *...ови а ин-----ни*. Он достаточно информативен: на *ин-* явно начиналась какая-то форма местоимения *инъ*, а на *-ови*, скорее всего, заканчивалось сказуемое, выраженное кратким прилагательным. Из качественных прилагательных на *-овъ* в берестяных грамотах заканчиваются только *сдоровъ* и *готововъ*. Последнее выступает в роли сказуемого в № 17 (нач. XV в.): *Поклонъ ѿ Михаил[ѣ] к осподину своему Тимофию. Земля готова, надобъ сѣмана...* Слово *земля* появляется далее и в нашем тексте, как и предикатив *надобъ*. Можно думать, что упоминались земельные участки (например, нивы), из которых (*иниш гото*)*ви*, а *ин(иш не ора)**ни*, то есть не вспаханы. Та же параллель подсказывает и вероятное продолжение: а (*ныни, осподине, симена*)*надобъ*. Глагол *правити* в следующей фразе мог обозначать доставку семян, ср. такое его использование в № 806 (2 пол. XII в.): *...(от)[р]окомъ оти орють орогъ, а а пшеницю пр(а)[вл]ю* '[прикажи] отрокам пахать лошину, а я пшеницу пришлю'. В нашем случае фраза могла бы иметь вид: *и ты ... (понаболиса пшен)ка къ мни правити т(воа)* — с обычным для Новгорода именительным падежом при инфинитиве (о вероятном значении 'пшеница' у *пшенка* см. [ДНД: 552]; в этом значении слово выступает, по-видимому, и в № 1086). Сказуемое следующей фразы *не поиду* — вряд ли 1 л. ед. ч. (такая трактовка шла бы вразрез с общим характером текста), скорее это 3 л. мн. ч. 'не пойдут' с нулевым окончанием. Поскольку формы 3 л. без *-ть* выступают в берестяных грамотах преимущественно в условных и целевых придаточных, можно думать, что речь идет о возможном отказе крестьян пахать еще не возделанные нивы, например: (*Аже хрестъа*)*ни в землю не поиду...* Напрашивается и вероятное продолжение: а *са(ме, осподине, поиди симъ* (<сѣмо)). Сохранившаяся фраза *А не хошь — какъ тоби лу(бо)* естественным образом завершает этот пассаж. В следующей фразе на *-иби* почти наверняка заканчивалась словоформа *хлиби* (<хлѣбѣ), а глагол *попечаловатися* стоял в сослагательном наклонении (ср. *чо би попечелилеса* 167): (*И ты бы, осподине, о хл)иби попечаловалесе* (отметим переход [’а] в [е] в возвратной частице). Мотивируя это предложение, автор далее сообщал о ценах на хлеб. На *-це* могло заканчиваться слово *жи|це* (<жить|це), диминутив к *жито* 'ячмень', ср. *жицемъ* в № 1114.

Все сказанное приводит нас к следующей реконструкции содержания текста на лицевой стороне грамоты: 'Господину [имя и отчество] [ключник/староста] Тимофей [бьет челом]. [Нивы твои, господин], одни [готовы], а другие [не вспаханы]. И нужны [семена, господин]. И ты ... [позаботься] прислать мне [твою пшеницу]. [А если крестьяне] в поля не пойдут, то сам [поезжай сюда, господин]. А не хочешь — как тебе угодно. И ты бы, [господин], позаботился [о своем] хлебе: ... [продают ячмень] по 12 белок [коробью/кадь]...'.

В единственной сохранившейся строке на обороте можно было бы выделить имя *Тришко* — гипокористику от *Трифон*: 'такой-то и Тришка пришли'. Но, не говоря о странности завершения письма таким сообщением, эта трактовка встречает морфологическое препятствие: в тексте на древненовгородском диалекте имя *Тришко* имело бы окончание *-е* (ср. *попечаловале*). Между тем при выбранном варианте словоделения получаем грамматически и по смыслу безупречную фразу: *...да шатришко пришли* 'да пришли палаточку'.

Словоформа *шатришко* важна для истории русского словообразования. Это не только единственный в корпусе берестяных грамот экспрессивный диминутив на *-ишко*, но и, по-видимому, вообще старейшая фиксация данного типа субъективно-оценочных образований. Переживший расцвет в деловом языке Московской Руси XVI–XVII вв., в памятниках

XV в. этот тип только начинает проявляться. К примерам в [Азарх 1980: 292], самый ранний из которых — *деревнишко* в жалованной грамоте можайского князя Андрея Дмитриевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1428–1432 гг. (список XVI в.), добавим *диаконишко* *Зиновишко* в записи Евангелия РНБ, Ф.п.1. 21 [Столярова: 365] начала XV в.⁴ В XVI в., когда данная модель получает широкое распространение, она фиксируется и для слова *шатерь*: *Шатришко затоптали и лошади из рук отнимали* [Посольские книги: 246]. Приведем также два фольклорных примера. Из записанной на Мезени былины о Добрыне и Дунае: *Кажись, не было не буры и не падеры, А всё моё шатрышко розвоёвано* [Былины, 4: 273]; из сказки, записанной в Белозерье: *И роскинули они десять шатров богатырских. А у Мишки Водовоза нет богатырска шатра, поставил три колышка, окинул свой балахонышко, выстроил себе шатрышко...* [Соколовы: 282].

«Шатрышко», палатка, о которой просит Тимофей, — яркий штрих к образу жизни ключника, которому по ходу надзора за крестьянскими работами приходится ночевать и в полевых условиях.

№ 1127. Дмитриевский-3. Два нестыкующихся фрагмента большой грамоты, разорванной на вертикальные полосы; сохранился левый край и полоска из середины. Документ содержал 21 строку на лицевой стороне и 10 строк на обороте. По числу строк на одной стороне листа (как и по общему их количеству) это рекорд среди новгородских берестяных грамот. Следующие по данному параметру грамоты № 161 (1 четв. XV в.) и № 129 (4 четв. XIV в.) содержат, соответственно, 17 и 16 строк. Необычно и расположение текста: строки идут не вдоль, а поперек волокон бересты. Из новгородских грамот так написаны только два ранних письма: № 123 (2 пол. XI в.) и № 1036 (2 пол. XII в., блок Якима). Между тем именно так оформлены три из четырех московских берестяных грамот (№ 1, 2, 3), датируемые концом XIV — первой половиной XV в. При этом Мос. 3 (опись имущества) содержит 54 строки, а Мос. 1 (фрагмент судебного документа — правой грамоты) — 17: по-видимому, оба документа имели вид столбцов, отвечая стандартам деловой документации своего времени (ср. выше об оформлении грамоты № 1122/1123). В оформлении грамоты № 1127 могло сказаться и прямое влияние московской традиции делового письма на бересте — неподалеку на той же усадьбе найдена печать Московского и великого Владимирского князя Симеона Гордого, княжившего в Новгороде в 1346–1353 гг.

О характере текста можно судить по верхним строкам первого фрагмента, где прочитываются последовательности из 3–4 букв (разрозненные буквы в остальной части грамоты в приводимой ниже транскрипции отсутствуют).

На лицевой стороне: **при...|теп[о]...|инуω...|укуд...|коле...|юаш...|рова...|ржиоу...**
 На обороте: **...змѣ|...амѣр|...авге|...ып|...**

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Грамота начиналась со слова *при(казъ)*. В 8-й строке прочитывается *ржи* и далее, вероятно, предлог *оу*. Фрагменты *коле* и *рова* могли принадлежать притяжательным прилагательным: (*А*)*коле(ва)*, (*Федо*)*рова*. На обороте, похоже, было дважды употреблено слово

⁴ Традиционная датировка памятника годами княжения упоминаемого в записи Василия Дмитриевича (1389–1425) в настоящее время сужена до 1407–1409 гг. [Лифшиц 1995: 193; Турилов 2009: 156–157]. Отдельно оговорим, что к числу ранних примеров образований этого типа не может быть отнесено имя *Воришко*, выступающее в двух надписях на камне из кладки Софийского собора в Полоцке, датируемых в пределах XI–XIII вв. [Рождественская 1992: 121]. Связывать этот антропоним с современным *воришка* нельзя потому, что слово *вор* в этом значении фиксируется в русском языке лишь с XVI в. Возможно, *Воришко* следует трактовать как производное от имени *Ворихъ, связанного с глагольной основой *вори-*, выступающей в *ot-voriti (ср. *Ростихъ* в берестяной грамоте № 160, сер. XII в.).

мѣра (ср. *а Лукона жита пать дьса мѣро и 2 мѣркъ* 1037 (2 пол. XII в.)). По-видимому, грамота содержала распоряжения сборщику натуральных выплат (а может быть, и денежных: во 2-й и 3-й строках угадывается (*возми*)те п[о](л)тину) и еще раз (*полт*)ину).

№ 1128. Дмитриевский-3. Прямоугольный фрагмент из середины грамоты, обрезанный со всех сторон. Читаются обрывки шести строк.

Илл. 2. Грамота № 1128.

...
 ...ЗЕМЛЮ · и ѿв...
 ...НЬСКѢИ · БЕР...
 ...ОУДНУЮ ВОДУ...
 ...ДИТИ · а проу...
 ...РИТЬ · ПОИСТИН...
 ...[дѣть · а] на то р...
 ...

Перед *з* в 1-й строке — *о* или *ю*. Перед *р* в 5-й строке виден низ косого штриха, который хорошо подходит для *а* и *л* и хуже, из-за слишком сильного наклона влево, — для *и*, *н*, *п* (при этом приходится допускать, что буква находилась в строке существенно выше следующих за ней). Более вероятно, что этот штрих принадлежит букве *у* перед *д* в четвертой строке, написанной, наоборот, ниже соседних букв (чтобы обойти чечевичку).

Тем же почерком написана грамота № 1130. Совпадают характерные начертания букв *а*, *в*, *м*, *р*, *у*. Отличия минимальны и не затрагивают конструктивных элементов. В № 1128 несколько более выражены засечки, в № 1130 у единственного *д* изогнута платформа. В № 1128 варьирует форма *у* и, по-видимому, используется *оу* после согласных; в № 1130 в этой позиции дважды выступает *у* одной и той же формы (представленной и в № 1128).

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка блока: 1320-е — 1350-е гг.

Несмотря на масштаб утрат, существо отраженной грамотой ситуации можно уяснить. Ключ к реконструкции дает сочетание ...*оудную воду* в 3-й строке, допускающее единственную правдоподобную конъектуру: (*запр*)оудную воду. Ср. контекст из документа 1696 г. [Слов. XI–XVII, 5: 281]: *а выше тое плотины ... от тое новья запрудные воды темъ верхнимъ мельницамъ и пашнемъ и сеннымъ покосомъ никакие порухи не будетъ*. Корень *проу[д]*- опознается и в 4-й строке. Его мог содержать и глагол, инфинитив которого заканчивается на *-дिति* (особенно если перед *д* восстанавливать *у*). Очевидно, в центре

описанной в грамоте коллизии находится пруд или запруда и запрудная вода. Пруды действительно упоминаются в деловых документах как предмет хозяйственных споров. Примером может служить конфликт между двумя нижегородскими монастырями — Никольским и Благовещенским, описанный в договорной записи 1599–1600 гг. Как сообщает запись, сделанная от лица игумена Никольского монастыря, царь Борис Федорович (Годунов) разрешил монастырю поставить мельницу на р. Гнилице: *И тем мелничным прудом залило Благовещенские вотчины бортного лесу на две версты и до рубежа, да три озера волоковые под Волосановским Селищем, (...). И старец Симан писал на нас о том к патриарху* [АФЗХ, 3: 73]. Жалобу на ущерб, нанесенный автору устройте-лем запруды, содержал, по-видимому, и комментируемый документ.

Исходя из такого понимания дела, попробуем частично реконструировать текст, оттолкнувшись от еще одной параллели — в данной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1484–1488 гг. В ней читаем: *Дал есмь ... вотчины своя Матиевские земли по кое мѣсто вода поняла моя земля Матиевские от их пруда монастырьскаго Кучека(о) на рецѣ на Кучке* [АСВР, 1: 386]. Затопление земельных угодий водой от запруды обозначено здесь глаголом *поняти*. Можно думать, что в нашем случае то же действие было обозначено еще и презенсом от *брати*, составляющего супплетивную видовую пару к *яти*: (*вода поняла*) ...ю землю и съв... ..ньскѣи бер(еть). На *съв-* должно было начинаться название еще одного затопляемого объекта. Это могло быть, например, *овсище* — поле из-под овса. В двинской грамоте сер. XV в. фигурируют *орамая земля, овсище урѣище* [ГВНП, № 155]. В конце перечня был назван еще один объект в В. мн., с топографическим определением, например *пожни* (ср. упоминание пашен и покосов в первом из приведенных контекстов).

В следующей фразе запрудная вода выступает уже в роли прямого дополнения при инфинитиве на *-дити*. На роль управляющего глагола подходит приводимое у Даля *отпрудить* ('открыть запруду и вообще застой воли, дать ей исток'). Следует думать, что речь идет о действиях лица, которое устроило запруду, а теперь (*запр*)оудную воду (*не хочет ѿпр*)[у]дити. То же лицо может быть и субъектом фразы, начинающейся на *а проу...* и заканчивающейся на *...реть*. По смыслу и грамматически хорошо подходит: *а проу(дивше ся по ряду тво)реть* 'а утверждает, что запруду устроил согласно договору', с возвратным *творитися*. Ср. в «Вопрошании Кирика» [ВК: 34]: *а творашеса и ѿ(с)па прошавъ и (и)нѣхъ* 'а он утверждал, что спрашивал епископа и других'. Ср. также в правой грамоте 1494–1495 гг.: *а яз, господине, тот наволок семь лет косил по ряду* [АФЗХ, 1: 212].

Следующая фраза отрывается книжным наречием *поистинѣ*, не характерным для древнерусской деловой письменности, однако идентифицируемым с полной надежностью⁵. Фраза может выражать эмоциональную оценку приведенного утверждения: *поистинѣ ложно сказыв(а)ет!* Ср., с одной стороны: *То Гаврила сказывает ложно* [НКРЯ, Статейный список Федора Елчина, 1639–1640], а с другой — реплику Яня Вышатича в «Повести временных лет», обращенную к белозерским волхвам: *Поистинѣ лжа то!* [Лавр.: 176] (в Ипатьевском списке *лжете*, в Хлебниковском *лжжета*).

Последовательность *анатор* с высокой вероятностью интерпретируется как начало формулы *а на то р(адци)*, вводящей список свидетелей договора. Упоминание рядцов (в паре *рядци и послуи*, но также и отдельно) — принадлежность формуляра рядных грамот, фиксирующих соглашения между частными лицами относительно прав собственности,

⁵ Видеть здесь слово *истина* в обычном для берестяных грамот значений 'основная сумма долга' контекст не позволяет. Ср. между тем пример из документа 1569–1570 гг., в котором выступает столь же уникальный в деловых текстах синоним интересующего нас слова: *А больши того у меня Дятлова воистино нет ничего, как есть есми крестьянин* [НКРЯ]. Употребление этих наречий можно сопоставить с широко распространенным в судебных документах XVI–XVII вв. обязательством давать показания *в божью правду*.

см. [Андреев 1986: 115–127]. В данном случае рядцы должны были, по-видимому, засвидетельствовать факт нарушения договора, при заключении которого они присутствовали. Что устройство запруды действительно могло сопровождаться заключением «ряда», явствует из продолжения приведенной цитаты из грамоты 1484–1488 гг.: *А игумену и брат(ъ)е плотины не велѣти выше тог(о) ... подымати, а держати им ея по тому, как прежнее наряджена* [АСВР, 1: 386]. Хотя глагол *наряджати* может означать и просто устройство плотины, здесь явно имеется в виду договоренность об уровне подъема воды. Особенно показателен контекст из правой грамоты 1498 г., где о подобной договоренности сообщают свидетели-«знахори»: *А коли, господине, наряджал Коровай мельницу, а тогды был посельской митрополич чернец Шуба, а ему племя, а наряджал по слову с Шубою; а то, господине, за нами знатье* [АФЗХ, 1: 228]⁶.

Приходим, таким образом, к следующей реконструкции общего содержания грамоты (встроенные элементы перевода сохранившихся фрагментов выделены курсивом). ‘Х поставил мельницу (?), устроив запруду. Вода от запруды уже залила пахотную (?) землю и залиает поле из-под овса (?) и .... А Х запрудную воду отказывается спустить. И утверждает, что запруду устроил по договору. Это он воистину лжет. А тому свидетели: ...’.

Приведем и текст с примерной реконструкцией утраченных фрагментов:

...(орому)[ю] землю и **ѡв**(сище) и ... ..**ньскѣи бер**(еть). И [имя] (запр)удную воду (не хочеть **ѡ**прудити, а проу(дивше ся по ряду тво)рить. Поистин(ѣ ложно ска- зыв)ають. А на то р(адьци): [имена свидетелей]...

№ 1130. Дмитриевский-3. Документ из четырех строк, в древности разорванный на три полоски, из которых до нас дошли верхняя (с утратой в середине 1-й строки) и нижняя. 3-я строка утрачена почти полностью, но ее окончание, сохранившееся на первом фрагменте, стыкуется с началом последней, 4-й строки:

се посла и[ва](н)...	...ру ѡсетри-
ну ·[ѣ·] [х](ре)[товъ безъ] · ѡдного с филипо-	
(мъ съ) ... (и съ) ...[тко]	
мъ со ѡлисеѣвымъ	

Стратиграфическая дата: XIV в.

Перевод: ‘Вот послал Иван (Олександр)ру осетрину — 19 балыков, с Филипом (таким-то) и с ...тком Олисеевым’.

Поскольку автора звали, скорее всего, Иваном, утраченная часть имени адресата должна была составлять 7–8 букв. При этом она не должна была содержать букв с «хвостами», которые иначе были бы видны. Из представленных в берестяных грамотах имен подходят *Селивестръ* и *Олександръ*. Поскольку второе носит адресат грамоты № 1131, весьма вероятно, что в обоих документах фигурирует одно и то же лицо. В качестве имени второго посыльного подходят *Игнатко*, *Микитко* и др.

Перед нами сопроводительная записка при отправке осетрины. Осетрина появляется в берестяных грамотах во второй раз. Первое упоминание содержит № 259/265 (2 пол. XIV в.): *послало ксьмо к тобѣ вѣ[дѣ]роко ѡ[се]тринѣ...* В нашем случае речь идет о намного более крупной отправке — неслучайно ее доставляют не один, а два человека. Слово, называющее единицу поставки, содержит лауну и, с опорой на однозначно определяемые элементы букв, допускает два варианта реконструкции: [х](реб)[товъ] и [х](вос)[товъ].

⁶ Отметим попутно, что формула, которой завершается речь свидетелей, ниже выступает в варианте *а за нами, господине, знатье только* [Там же], составляющем прямую параллель к формулам берестяных грамот: *только за мною и слово* 755, *только за нами слово* 312, см. [ДНД: 637–638].

Второй вариант был бы приемлем, если бы имелся в виду свежий осетр, — количество крупной рыбы до сих пор измеряется в «хвостах». Между тем, как замечает Д. А. Петров [2015: 63–64], атлантический осетр поднимался по Волхову только до порогов; его добывали в Ладоге и не могли доставлять в Новгород в свежем виде; с другой стороны, слово *осетрина* может обозначать лишь уже приготовленный продукт. Реконструкция [x](ре)[бтовъ] подкрепляется и наличием левее горизонтали *т* вертикального штриха, который может быть трактован как большая засечка от *б* (такую же засечку имеет и *б* в № 1128).

Можно думать, что *хребеть* используется в грамоте как название балыка, определяемого Далем как ‘солёная и провесная осетровая (и других сходных рыб) хребтовая полоса’, а в словаре Ушакова как ‘солёная и провяленная хребтовая часть красной рыбы’. Аналогично в № 842 (сер. XII в.) «хребтом» названа, по-видимому, корейка, непосредственно примыкающая к свиному хребту (2 *свины*, *хрьбѣта* 2, а 3 *зауѣ* и *тетеревѣ*, см. [Петров 2018: 21]). Характерно, что в «Домострое» и более поздних памятниках, содержащих подробные гастрономические перечни, термин *хребеть* не встречается, зато многократно представлен — применительно и к белорыбице, и к свинине — его синоним *спина* и диминутив *спинка*, по-видимому обозначающие те же продукты, см. [Домострой: 64–67 (о рыбе); 51 (о свинине)].

Безъ одного — первый в фонде берестяных грамот пример данной основы косвенных падежей числительного *одинъ* (пример *одоное* 222 непоказателен из-за возможности простого повторения гласного [ДНД: 442]); впрочем, в других памятниках эта основа фиксируется еще в XIII в. (*съ однимъ* в духовной Климента ок. 1270).

В *со ѿлисъѣмъ* представлен один из вариантов развития сочетания *ъ + о*, см. [ДНД: 74]; ср. *безъ ѿдного*, с чисто орфографическим *ъ* после предлога, не имевшего на конце редуцированного.

Начальная формула вида «*се + аорист 3 л.*» характерна для новгородских актов; ср. другие варианты в грамотах, представляющих собой сопроводительные записки: *се посълаховѣ* 842, *послалъ ѣмъ* 964, *послало ѣсьмо* 259/265. Актовую формулу — *а на то радци...* — содержит и грамота № 1128. Таким образом, в обоих текстах автор демонстрирует знакомство с языковыми клише правовой письменности. Нельзя не обратить внимания и на следующее. Написанные одной рукой и найденные рядом, две грамоты были, скорее всего, адресованы одному лицу. При этом первая содержит жалобу, предполагающую принятие адресатом каких-то административных мер, а вторая извещает о посылке внушительной порции деликатесной рыбы. Возникает подозрение, что два документа отражают одну ситуацию и что отправленные 19 «хребтов» были призваны придать больший вес поданному прошению или же представляли собой плату за разрешение спора в пользу заявителя.

№ 1129. Дмитриевский-3. Письмо из семи строк с сохранившимися четырьмя краями, но со значительными утратами в верхнем правом и нижнем левом углу. Приведем текст с наиболее вероятными конъектурами:

БАГОСЛОВАЊИИѢ · И ПОКА(ОНЪ) ...
 ДАЛЪ · ПОЖНЮ · МНИ ...
 ВИ (ДИТ)[И] · КОУНЫ · НОСА(ТЬ) ...
 ... (ПО)[Ж]НА ЛЕЖИТЬ · А КОУ(НЫ ВО)З...   ...НИ · ПРИШЛИ МИ ·
 ...   ... МОИ · Ъ · ГРѢНИ · И ЮЗЪ · ВОЗМОУ ОУ --[Р]--ВЪХЪ · ДИТЪИ
 ...   ... (ГР)[Ѣ]НИ · ИЛИ НЕ ПРИШЬШИ · В · ГРѢНЪ [ПЕН]А · ОУЦИНИТСА ·
 ...   ... (ВЪ)ДАКШИ ·:

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1280-х (предпочтительно не ранее 1340-х) — не позднее 1350-х гг.

Конъектура (*дит*)[*и*] в 3-й строке опирается на фрагмент *оу ...выхъ дити* в 5-й строке. (*По*)[*ж*]*на* в 4-й строке восстанавливается с опорой на *пожню* во 2-й. Заключительное (*вѣ*)*дашии* реконструировано по образцу концовки № 788 (кон. XII в.): *Къде ти недо-ем[л]е Безѣдѣ, тѣ <ты> вѣдаеши* 'А [если] где недобирает Безед, то [этим] ведаешь ты (т. е. за это отвечаешь ты)'. Имя человека, чьи дети упоминались в грамоте, содержало букву *р* на третьей позиции (от нее виден огромный хвост, целиком пересекающий следующую строку); из встречающихся в берестяных грамотах христианских имен подходят *Борись*, *Кюрикъ*, *Аврамъ* и др.

Адресная формула со словами *благословение* и *поклонъ* известна из № 618 (2 пол. XIV в.) — письма попа; очевидно, автором комментируемой грамоты также является священник.

Сочетание *коуны носѣ(тъ)* находит параллель в № 490 (сер. XIV в.), где выражение *коуни шити ношю* в настоящее время трактуется как содержащее форму 1 ед. презенса от *носити*, см. [НГБ XII: 244; Петрухин 2017]. Согласно П. В. Петрухину, *куни шити* (в буквальном переводе «шитые куны») означает здесь либо просто 'деньги' (в виде кожаных «ассигнаций»), либо 'одежда, мех'. Первый вариант представляется теперь более вероятным.

Глагол *лежати* в сочетании *пожня лежит* следует понимать в значении 'находиться вне хозяйственного использования' [Слов. XI–XVII, 8: 197: *и сѣнные покосы лежат*].

Для пропуска в середине 4-й строки оптимальную конъектуру предложил Д. В. Сичинава: *а коу(ны во)з(ати до Ивана) дни*. Хотя день мог быть указан и иной, упоминание в качестве срока именно Иванова дня наиболее вероятно — и по расчету числа букв, и в силу близости праздника ко времени сенокоса.

Выражение *пеня учинитъся* и его варианты встречаются в новгородских пергаменных грамотах [ГВНП, № 46, 63, 70 и др.]. Неясен синтаксический статус предшествующего *2 грѣнѣ*. Если это сочетание зависит от *не пришлѣши*, то перед нами очень редкий пример В. падежа прямого дополнения при отрицании. В берестяных грамотах в этой позиции во все периоды последовательно выступает генитив (см. [ДНД: 159], где указаны только два исключения из этого правила — в обоих контекстах имеют место особые синтаксические условия, в нашем случае отсутствующие). Поэтому скорее здесь следует предполагать *nominativus duplex*: *или не пришлѣши, 2 грѣнѣ пеня оуцинитъся* 'если не пришлешь, 2 гривны будет пеня'.

Опираясь на уже прокомментированные фрагменты, попробуем восстановить ситуацию грамоты в целом. О ней мы пока знаем следующее. Адресат (X), землевладелец, «дал» автору *пожню*. Дети некоего лица (Y) приносят автору деньги (видимо, за *пожню*), но он эти деньги у них не берет, а возьмет только тогда, когда получит от адресата две гривны. Объяснить такую обусловленность можно, допустив, что *пожня* была дана автором адресату *внаем*, а затем передана Y-у (возможно, на более выгодных условиях). Отданные *внаем* *пожни* упоминаются в № 962 (2 четв. XV в.): *ѡ[а]валъ же си пожн[и в наим]ы*. В этом документе *пожни* являются предметом конфликта между автором грамоты, который от лица своего господина раздал их арендаторам, и сельским попом, который требует предъявить грамоту, подтверждающую факт аренды; в противном случае поп (очевидно, считая *пожни* своими) угрожает поступить с арендаторами как с ворами: *и хто иметь тыи пожни косить, и азъ тыхъ поймаю, да траву на воротъ взважю, да ихъ веду в городъ*. В нашем случае поп тоже блюдет свой интерес. Две гривны, которые он хочет получить с автора, — видимо, внесенная им арендная плата; вероятна конъектура: *пришли ми (наимъ мои), .в. грѣни*. Только вернув свои деньги, поп согласен взять деньги у детей Бориса (видимо, чтобы затем передать их X-у). В начале шестой строки могло читаться, например: *(наимъ 3 гр)[ѣ]ни*.

Итак, ситуация грамоты видится нам следующей. Адресат X отдал *пожню* в наем автору, сельскому священнику, а потом передал ее Y-у. Дети Y-а уже несколько раз приходили к попу с деньгами, чтобы заплатить за *пожню* и вступить в права арендаторов. *Пожня* пока простаивает. Деньги за нее нужно взять до Иванова дня, потому что приближается

пора сенокоса⁷. Поп просит X-а вернуть его плату за наем — две гривны, тогда он возьмет деньги у Y-овых детей. Если X не пришлет этих денег, то возникнет пеня, и отвечать за это будет X.

Приведем текст с вероятным восполнением лакун:

Блгословльниѣ и покл(онѣ ѿ попа къ X-у. Цто ѣси) | **далѣ пожно мни** (въ наимѣ и передалѣ Y-у, а мни Y-о)|**ви** (дит)[и] **коуны нос**(тъ) ... | -- (по)[ж]на **лежить**. **А к[оу](ны во)з(ати до Ивана д)ни**. **Пришли ми** | (наимѣ) **мои 2 грѣни**, и **ѣзъ воз-**
моу оу (Y-о)**выхъ дитѣи** | ----- **гр[ѣ]ни**. Или не пришлыши, **2 грѣнѣ** [пен]а **оуци-**
нитса ... |... (ты вѣ)даѣши.

№ 1131. Дмитриевский-3. Целый документ из четырех строк.

поклонѣ ѿ юриа ѿ жидилова ко шлеѣсанду жидиколосакажи
паганнананоланажаасовосаюжо
[кака]сакакасасѣсакун[н]анаканаака
саѣгасасокосиа[к]ондасанаасававо

Грамота написана на нижнем слое берестяного листа после того, как с него был содран верхний слой, содержащий другой текст. В некоторых местах проступают слабо различимые буквы этого текста; в частности, ниже букв *aan* в 4-й строке можно разобрать последовательность *скым*.

Строки 2–4 почти вдвое короче 1-й строки. Почерк неустойчив, буквы варьируют по форме, некоторые начертания довольно причудливы. У *a* внешний штрих петли часто, скругляясь, уходит глубоко под нижний край строки; выделяется также лигатурное *ѣ* с огромными свисающими засечками и *о* с сильно пересекающимися дугами. Отдельные буквы идентифицируются без полной уверенности. В 3-й строке зеркальное *у* отлично по форме от *у* в 1-й строке и напоминает недописанное *a* указанного вида. Следующее *n* также написано зеркально.

Стратиграфическая дата: XIV в.

Это один из самых необычных берестяных документов. Адресная формула частного письма плавно перетекает в абракадабру, которую представляют собой три короткие строки. Впрочем, уже адресная формула содержит странности, возможно, проливающие свет на характер последующего текста. В имени адресата сделаны две ошибки: неправильно использована редкая буква *ѣ* — второй элемент обозначаемого ею звуко сочетания продублирован буквой *с*; пропущено *р*. Последовательность *жиди*, с которой начинается однозначно не членимый на слова конец строки, нельзя не связать с отчеством автора — *Жидиловъ*. Следует думать, что это было и отчество адресата, с которым автор или не справился, или же, предвзяв дальнейшее, сознательно искажил, «растворив» в начинающейся глоссолалии. Механизм искажения можно реконструировать. Автор собирался написать *ко Жидилову*, но пропустил предлог. Написав *жиди*, он спохватился и вставил его, после чего продолжил писать *ло* — в результате предлог оказался инкорпорирован в последовательность *жидило*. Слог *ву* автор также пропустил, уже исчерпав число слогов, отведенное для отчества, которое таким образом осталось недописанным. Завершающий строку отрезок *сакажи* можно понять как императив *⟨скажи⟩*, записанный со скандирующим эффектом разделения сочетания согласных слогообразующим гласным, ср. *възѣмѣть* *⟨воз- мите⟩* 219. Заметим, что в основной части адресной формулы этот эффект отсутствует.

⁷ Сходным образом в № 962 автор просит прислать ему требуемую попом грамоту до Петрова дня: *занежь, осподо, сено косятъ о Петрове дни* ‘потому что, господа, сено косят на Петров день’. От Иванова дня (Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня) Петров день (29 июня) отделяют всего пять дней.

Итак, перед нами, по-видимому, письмо от брата к брату — от Юрия Жидилова к Александру Жидилову. То, как автор обошелся со второй частью адресной формулы, наводит на мысль, что братья были еще совсем юны. Этим может объясняться и странное написание *а*, явно представляющее собой отклонение от нормы. Аномально и упоминание отчеств братьев — в других подобных письмах автор и адресат обозначаются только именами, причем адресат, как правило, называется братом (см. № 122, 129, 178, 531, 765). Более того, самоидентификация автора по отчеству вообще не представлена, помимо данной грамоты, в фонде берестяных писем. Юным возрастом автора может объясняться и факт вторичного употребления берестяного листа: для письма брату Александру Юрий мог воспользоваться письмом, выброшенным его отцом.

Императив *«скажи»* после адресной формулы можно сопоставить с *молви*, вводящим основное сообщение в № 346, 954, Ст. Р. 7. Но содержание трех коротких строк никаких параллелей в берестяной письменности не находит. Пытаясь определить характер этого текста, начнем с анализа его фонетического состава. Первое, что обращает на себя внимание, — отсутствие сочетаний согласных. Исключение составляют два случая повторения *н*. Основным строевым элементом текста является слог вида CV, представленный (включая слоги с двойным *н*) 41 раз. Имеется также 6 слогов, состоящих из неприкрытого *а*. В таблице текст приведен с делением на слоги, представлена консонантная и вокалическая структура строк, а также указано количество гласных и согласных в порядке их появления в строках. Для *а* в скобках указано число употреблений в неприкрытых слогах.

Таблица

2	
ПА ГА ННА НА НО ЛА НА ЖА А СО ВО СА Ю ЖО	
п-г-н-н-н-л-н-ж- (а)с-в-с-ј-ж-	п-1, г-1, н-4, л-1, ж-2, с-2, в-1, ј-1
-а-а-а-а-о-а-а-а (а)-о-о-а-у-о	а-9 (1), о-3, у-1
3	
К- КА СА КА КА СА СЪ СА КУ ННА НА КА НА А КА	
к-к-с-к-к-с-с-к-н-н-к-н-(а)к-	к-7, с-4, н-3
-а-а-а-а-а-а-у-а-у-а-а-а (а)-а	а-12 (1), у-2
4	
СА ХО ГА СО КО СИ А КО НО А СА А СА А СА ВА ВО	
с-х-г-с-к-с- (а)к-н- (а)с- (а)н- (а)с-в-в-	с-5, х-1, г-1, к-2, н-2, в-2
-а-о-а-о-о-и (а)-о-о (а)-а (а)-а (а)-а-а-о	а-9 (4), о-6, и-1
Итого:	
с-11, к-9, н-9, в-3, ж-2, г-1, ј-1, л-1, п-1, х-1	
а-31 (6), о-9, у-3, и-1	

Как видим, из гласных с огромным отрывом лидирует *а* (70 %); за ним, с ритмичным трех- или почти трехкратным уменьшением частотности, следуют *о*, *у* и *и*. Отсутствуют *е*, *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*. Согласные делятся на высокочастотные *с*, *к*, *н*, встретившиеся 3 и 2 раза *в* и *ж* и представленные по одному разу *з*, *ј*, *л*, *п*, *х*. Отсутствуют *б*, *д*, *з*, *м*, *р*, *т*, *ф*, *ц*, а также шипящие, за исключением *жс*.

Очевидно, что при такой фонетической организации вторая часть грамоты не может представлять собой связный текст на естественном языке. Перед нами также явно не тайнопись, основанная на перекодировке знаков кириллического алфавита, типа простой или

«мудрой» литореи. Можно предположить, что мы имеем дело с имитацией письма на иностранном, тарабарском языке или же с имитацией письменного текста как такового, «пустышкой», лишь изображающей письмо (в смысле letter, а не в смысле writing). Примеры подобных «псевдотекстов» на Руси известны. Они встречаются в виде надписей на монетах, иконах и фресках, памятниках декоративно-прикладного искусства, образуя особую традицию, находящую параллели как в Византии, так и на Западе (постановку вопроса на древнерусском материале см. [Бобрик 2018])⁸. В сфере частной переписки аналогичную имитацию вполне можно представить в качестве детской забавы, с чем хорошо согласуется использование «настоящей» берестяной грамоты с содраным текстом. Однако, если бы задача автора заключалась в простой имитации эпистолярного текста, было бы естественно ожидать одинаковой длины всех строк за исключением последней. Оформление второй части текста в виде трех коротких строк показывает, что автор преследовал какую-то иную цель.

О том, что такое оформление неслучайно, говорят различия в фонетической структуре трех строк, проявляющиеся как в составе гласных и согласных, так и в широте их репертуара. Наибольшая фонетическая однородность характеризует 3-ю строку: общее число использованных звуков здесь равно 5 — против 11 во 2-й строке и 9 в 4-й. Примечательно, что такую однородность демонстрирует самая длинная из трех коротких строк. Особенностью 4-й строки является значительный удельный вес слогов с неприкрытым *a* (их 4 на 13 CV-слогов) — в строках 2 и 3 они встретились только по разу. Своя отличительная черта есть и у 2-й строки. Ее консонантный состав наиболее специфичен: из 8 согласных 4 (*n*, *л*, *ж*, *ј*) отсутствуют в двух других коротких строках. В 4-й строке такой согласный только один (*х*), в 3-й их нет. Все говорит о том, что каждая из коротких строк представляет собой самостоятельное целое. Перед нами, следовательно, не сплошной речевой поток, но композиция из трех «высказываний», обладающих собственной структурой ассонансов и аллитераций, в которые вступают повторяющиеся звуки.

Отметим также элементы фонетической переклички между строками. Отрезок *асовоса* во 2-й строке близок к *асававо* в конце 4-й; причем сам этот отрезок, если рассматривать его отдельно, представляет собой палиндром. Согласные, специфичные для 2-й строки по сравнению с 3-й и 4-й, все обнаруживаются в начальной строке, содержащей адресную формулу. При этом состав согласных начала 2-й строки — *п*, *з*, *н*, *л* — близок к консонантной основе читаемого над ним слова *поклонъ*, а уникальное *ю* в сочетании с *ж* в конце строки как будто отсылает к инициалам автора — *Ю. Ж.* (*Юрий Жидиловъ*). С другой стороны, весь фонетический состав 3-й строки — *к*, *с*, *н*, *а*, *у* — обнаруживается в форме дательного падежа имени адресата — *Олександру*. Не этим ли объясняется включение в строку двух *у*, нарушающее ее вокалическое единообразие? Таким образом, первая и вторая короткие строки как будто развивают фонетические «темы», заданные начальной строкой.

Что же представляют собой эти три «фразы», которые — если верно наше прочтение конца 1-й строки — адресату грамоты предлагается «сказать»? Их можно трактовать как образец детского фольклора и, разбив на ритмические единицы-«слова», прочесть как три заумные считалки, полностью асемантические или содержащие отдельные вкрапления словоформ обычного языка (в этом состоит предложение А. Л. Топоркова, высказанное при обсуждении с ним текста грамоты). С другой стороны, можно попытаться выделить в тексте более крупные осмысленные фрагменты, трактуя его как языковую игру,

⁸ Нужно заметить, впрочем, что в надежных примерах древнерусских надписей-имитаций используются или греческие буквы (при имитации греческого текста русским мастером, как в надписи на свитке пророка Моисея в куполе церкви Спаса на Нередице), или искусственный набор псевдобуквенных знаков (надпись на иконе св. Николая XIV/XV вв. из Третьяковской галереи). Бесспорные случаи использования в этой функции кириллической абракадабры нам неизвестны.

подчиняющуюся правилам, ранее описанным на материале памятников эпиграфики [Гиппиус 2018]⁹. Два подхода в принципе не исключают друг друга, но, развивая их, мы вступаем в область слабо верифицируемых гипотез, обсуждение которых лучше отложить до особой публикации.

Как мы предположили выше, адресат письма Александр Жидилов является также адресатом грамот № 1130 и № 1128. В них он выступает уже как хозяин усадьбы, наделенный какими-то административными полномочиями. Характерно для своей эпохи имя *Александр*. Из восьми ранее найденных берестяных грамот, в которых оно встречается, семь относятся к более позднему времени, а не имеющая археологической даты грамота № 355 внестратиграфически датируется первым 20-летием XIV в.¹⁰ Ту же динамику отражают летописные данные: в НПЛ первый Александр не из числа князей упоминается под 1333 г., после чего имя встречается регулярно. Среди Рюриковичей Александры появляются столетием раньше, в начале XIII в., см. [Литвина, Успенский 2006: 168].

№ 1132. Воздвиженский-7. Нижняя часть письма с отрезанным правым краем. Окончание 2-й и значительная часть 3-й строки сохранились только на нижнем слое бересты. Приводим текст с наиболее надежными конъектурами:

... [фили]пова двора да цтобы еси господи(не) ...
лилесь ци поидеть рать за волокъ цтобы вѣ{ѣ}ст^ка бѣла напс(ана бл)^з
устисе ль на^м рати ци не блустисе азъ тобѣ своему го^{[с](не)}дину цело[м](ъ бью)

Писавший трижды пропускал буквы и вписывал их над строкой; кроме того, *ѣ* в *вѣ{ѣ}ст^ка* исправлен из *ь* (поэтому он находится слишком близко к *в*, см. илл. 3). Замечательно в палеографическом отношении *з* во 2-й строке, с огромным, фигурно изгибающимся хвостом, как будто символизирующим долгий, извилистый путь в Заволочье.

Илл. 3. Грамота № 1132, фрагмент.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х (предпочтительно не ранее 1340-х — не позднее 1390-х гг.).

Утраченный правый край грамоты был, по-видимому, довольно узок, что позволяет реконструировать окончания строк. На *лилесь* могли заканчиваться из подходящих по смыслу словоформы *молилесь*, *(по)наболилесь* и *(по)пецалилесь*. Первая предполагает наличие дополнения в дательном падеже, остальные — нет. Между уверенно восстанавливаемыми *напс(ана)* и *(бл)устисе* могло также находиться дополнение (например, *ѣ тебе* или *сѣмо*), но они хорошо стыкуются и непосредственно. Это делает самыми экономными конъектуры *(набо)лилесь* и *(пеца)лилесь*, при которых утраченные окончания 1-й и 2-й строк содержат 6 и 5 букв. Смысл в обоих случаях получается один и тот же.

⁹ Такая попытка (возможно, излишне смелая) была предпринята в моем докладе на конференции «Эпиграфические итоги» 19 декабря 2020 г.

¹⁰ На то, что Александр грамоты № 1131 является одним из первых известных в Новгороде носителей этого имени, любезно обратила мое внимание Сюзана Торрес-Прието.

Перевод: ‘... Филипова двора. И ты бы, господин, позаботился о том, чтобы было письменное известие, пойдет ли рать за Волок, — [чтобы мы знали], остерегаться нам рати или не остерегаться. А я тебе, своему господину, бью челом’.

Предполагаемое переводом несоответствие порядка придаточных иерархии подчинения находит аналог в № 53 (1 пол. XIV в.): *Спиши список с купной грамотѣ да пришли сѣмо, куды грамота поведе, дать ми розумно* ‘Спиши список (копию) с купчей грамоты да пришли сюда, чтобы мне было понятно, куда поведет купчая грамота’ [НГБ VIII: 151]. Использование *ци* как частицы, оформляющей косвенный вопрос, — такое же, как в № 736 (1 пол. XII в.): [*а*] (*пр*)[*и*]сѣ[*ли т*]акою же вѣсть сѣмо, [*и*]и есть саме в[ѣ]хоу [*ли*]хв[оу вѣд]але ‘пришли сюда весть о том, отдал ли он сам всю лихву’. Теоретически первое из двух *ци* может быть трактовано и как условный союз — в таком случае перевод будет иным: ‘И ты бы, господин, позаботился [о следующем]: если пойдет рать за Волок, чтобы было письменное сообщение, остерегаться нам рати или не остерегаться’. Однако по смыслу первый вариант предпочтителен: автор скорее ожидает от адресата информации, пойдет или не пойдет рать за Волок, чем указаний, как вести себя в отношении этой рати. Естественно думать также, что два *ци* выполняют одну и ту же синтаксическую функцию, а не разные (о значении и функциях этого служебного слова см. [Птенцова 2000]).

Синтаксически двусмысленна и фраза *чтобы вѣ{ѣ}стѣа была напс(ана)*. Последнее слово может быть трактовано или как причастие в роли сказуемого (‘чтобы было написано сообщение’), или как прилагательное, являющееся определением к *вѣстка*. Вторая возможность, которую отражает наш перевод, предполагает акцент на письменном характере сообщения, что, как кажется, вполне отвечает ситуации. Упоминание рати показывает, что сведения о ее возможной отправке за Волок уже достигли мест, откуда прислана грамота, — слух об этом мог принести кто-то из обитателей *Филипова двора*. Ср. сообщение о получении устных сведений того же рода в № 636 (сер. XIII в.): *Пришьль искоупникъ ис Полоцька, а рать поведае великоу* ‘Пришел выкупленный пленник из Полоцка, сообщает, [что собралось] большое войско’. Не полагаясь на слухи, автор просит господина письменно подтвердить или опровергнуть эту информацию. Параллель к атрибутивному *напсана* представляет № 10 (2 пол. XIV в.) — загадка о Ноевом ковчеге, где о «послѣ» голубе сказано: *самъ нимъ (нѣмъ), везе грамоту непсану*.

За написанием *азъ* стоит, по-видимому, *а язъ*, см. [ДНД: 72–73].

Большой интерес представляет написание *вѣѣстка*, трактуемое нами как результат непосредственно произведенного исправления *выѣстка* на *вѣстка*. Исходный вид этой словоформы явно отражал дифтонгическое произношение /ѣ/ как [ie] или [je]. В фонде берестяных грамот этот пример уникален, но может быть сопоставлен со случаями записи через *ѣ* слов с начальным [je] в № 776 (2 пол. XII в., *ѣли*) и № 147 (1 пол. XIII в., *ѣще*). А. А. Зализняк замечает по поводу этих примеров, что *ѣ* в них, «по-видимому, (...)» использован для того, чтобы подчеркнуть йотацию, т. е. в роли *ѣ*» [ДНД: 308].

Слово *вѣстка* в берестяных грамотах надежно выявляется впервые. До сих пор оно лишь предполагалось во фрагменте № 668 (2 пол. XII в.), где, однако, остатки предшествующих букв делают более вероятным чтение *невѣсткоу*. Отметим, что в обоих примерах на данное слово в [Слов. XI–XVII, 2: 117–118] оно означает не просто весть, а официальное письменное уведомление: *и язъ ему бить челомъ, чтобы онъ пожаловалъ вѣстку учинилъ* (Англ. дела, 1585); *И по малѣхъ днехъ сталъ полуголовѣ бить челомъ, чтобы вѣску подалъ женѣ моей, гдѣ сосланы* (Записка дьякона Федора, 1666). Ср. значение официального документа у современного *повестка*¹¹.

¹¹ Еще одну раннюю фиксацию слова может содержать № 487 (сер. XII в.). В последней фразе этой грамоты до сих пор, в отличие от № 668, выделялось как раз слово *невѣстка* в необычном сочетании с *сестра*: *А возывахо та състрою нѣвѣстокою*, с двумя вариантами перевода: ‘А [ведь] я называл тебя сестрою, невесткою’ или ‘А вызывал я тебя через сестру-молодицу’, см. [ДНД: 294]. Более естественным и отвечающим общей тональности грамоты, представляющей собой,

Написания (*набо*)*лилесь*, *блустись* и *блустисе ль* выразительно иллюстрируют механизм утраты конечных безударных гласных: показатель возвратности теряет гласный на конце фонетического слова (в первом случае — после диалектного окончания *-e*), но сохраняет его перед *ли*, которое, в свою очередь, оказавшись в финальной позиции, утрачивает гласный; возвратная частица, уже примкнувшая к глаголу, выступает при этом в виде *се*.

Упоминание об отправке рати «за Волок» представляет значительный исторический интерес. О военных предприятиях в Заволочье (бассейне Онеги и Северной Двины) в период, которым датируется грамота, новгородские летописи не сообщают. Найденная в одном слое с печатью посадника Юрия Ивановича (1371–1377), грамота не может иметь в виду авантюру Луки Варфоломеевича, отправившегося на Двину в 1342 г. «не послушав Новагорода» и убитого «заволочанами» [НПЛ: 355–356]. Но ее вряд ли возможно связать и с войной Новгорода с великим князем Василием Дмитриевичем за Двинскую землю 1397–1398 гг. Ближе по времени к посадничеству Юрия Ивановича упоминание Заволочья под 1386 г.: «Тои же зимѣ ѣздиша за Волокъ Федоръ посадникъ Тимофѣевич, Тимофѣи Юрьевич, а с ними боярьский дѣти, брати 5000 рублевъ, что возложилъ Новѣгород на Заволочкую землю, занеже заволочанѣ былѣ же на Волгѣ» [НПЛ: 380–381]. 5000 рублей были частью контрибуции, которую Новгород обязался выплатить Дмитрию Ивановичу за рейды на Волге новгородских ушкуйников, осуществлявшиеся, в частности, из Заволочья. Снаряженная для сбора этой огромной суммы экспедиция должна была опираться на военную силу, и местные жители вполне могли воспринимать ее как посланную из Новгорода «рать». Этой рати они имели все основания «блустись», опасаясь, возможно, не столько военных действий, сколько экономически разорительного пребывания на своих землях новгородского воинского контингента.

Но нужно учесть и другую возможность. Слова *за Волокъ* могут обозначать не цель, а направление движения новгородской рати. Через Обонежье и Подвинье пролегал путь далее на восток, в Печеру и Югру, куда новгородские данники ходили еще в конце XI в. В XII в. такие экспедиции носили вооруженный характер; ср. начало рассказа о походе 1193 г., в котором югорцами было истреблено почти все новгородское войско: «кидоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядреемъ» [НПЛ: 40–41]. Важной вехой в освоении Новгородом этих территорий стал поход 1364 гг., в ходе которого новгородцы, перевалив через полярный Урал, воевали в нижнем и среднем течении Оби: «Тои зимы съ Югры новгородци приихаша дѣти боярска и молодые люди, и воеводы Александръ Абакуновичъ, Степанъ Ляпа; воевавшие по Обѣ рѣки до моря, а друга половина рати на верхъ Оби воеваша; и Двиняни стаща противу ихъ полкомъ, и избиша Двинянь на Курѣ» [ПСРЛ, 4: 291]. Хронологически этот поход вполне совместим с датировкой грамоты, и нельзя исключать, что под «ратью», имеющей отправиться «за Волок», подразумевалось войско Александра Абакуновича.

№ 1133. Воздвиженский-7 раскоп. Три стыкующихся фрагмента грамоты из пяти строк, многократно разрезанной с целью уничтожения¹²:

...спапа кѣ ...
 ...хот...
 ...уно--ѣроі...
 ...ушковѣхъ дѣтеі [оу]----[з]-[ѡ]реі-
 ...ину орьешъ

по определению А. А. Зализняка, «увещательное письмо к строптивой женщине», кажется иное слововедение: *А возывахо тѣ състрою, нѣ вѣстокою* 'А вызывал я тебя через сестру, а не извещением'. Фраза выглядит как ответ на упрек адресата, заключавшийся в том, что с ней обошлись не по-родственному, направив какое-то формальное уведомление.

¹² Положение правого фрагмента установлено С. М. Михеевым.

В 3-й строке перед *у* зачеркнута какая-то буква. Грамота написана изящным, уверенным почерком с небольшим правым наклоном; признаки бытовой орфографии отсутствуют.

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Несмотря на утрату примерно двух третей от общего объема грамоты, некоторые выводы о ее содержании сделать можно. Начнем с однозначно определяемых компонентов текста. К ним относятся: 1) обрывок адресной формулы в 1-й строке, показывающий, что перед нами письмо Степана; 2) упоминание «-ушковых детей» в 4-й строке; 3) словоформа *ѡрешь* ‘пашешь’ в 5-й строке. Во второй строке перед *х* виден верхний левый уголок буквы, подходящий для *в*, *ѣ* и *ѣ* (*б* и *з* исключены ввиду невозможности соответствующих сочетаний). После *т* виден нижний левый угол буквы, подходящий для *в* или *ѣ* (но не для *ѣ* и *ѣ* ввиду слишком малого расстояния от предыдущей буквы; *б* здесь невозможно фонотактически). Этим условиям не отвечает ни одна из форм глагола *хотѣти*. Подошло бы имя *Хотько*, однако дохристианские имена на *Хот-* в берестяных грамотах этого периода уже не встречаются: из 15 примеров только один (*на Хотиль* 761) фиксируется в тексте конца XIII в., остальные относятся к домонгольской эпохе. Не имеющей правдоподобных альтернатив выглядит поэтому конъектура [*ѣ*] *хот[ѣ](ое)* ‘все твое’, хорошо сочетающаяся с упоминанием далее каких-то сельскохозяйственных угодий. Ср. *вохо мое* в № 390 (посл. треть XIII в.) при перечислении земельных участков.

В 3-й строке словораздел нужно предполагать между двумя несохранившимися буквами¹³. В этом случае выделяется словоформа Тв. ед. существительного — (*ѣ*) *ѣроі* или (*м*) *ѣроі* или же Д.-М.-Тв. ед. ж. прилагательного — (*с*) *ѣроі*. Предукающая граница вряд ли проходит после *у* — это заставляло бы выделить союз *но*, деловой письменности совершенно не свойственный. Следовательно, отрезок *уно* принадлежит одной словоформе. Поскольку признаки бытовой орфографии в тексте отсутствуют, этой словоформой не может быть Р. мн. *куно*. Хорошо подходит между тем форма Тв. ед., органично сочетающаяся с одним из вариантов для следующего слова: (*к*) *уно(і с) ѣроі* ‘серой куницей’. Это до сих пор не встречавшееся сочетание — явная параллель к «черной куна», фигурирующей в ПВЛ в качестве единицы дани, которой Олег обложил древлян (*имаша на нѣ дань по чернѣ кунѣ* [Лавр.: 23]), а также в ряде других источников, см. [Темушев 2015: 32–34]. С другой стороны, упоминание «серой куны» — куницы в творительном падеже находит соответствие в № 31 (сер. XIV в.), где куница составляет размер подати, ежегодно выплачиваемой крестьянином феодалу: *А сиротѣ тобѣ, осподине, и по томѣ прихода куницыю на годѣ* ‘А крестьяне тебе, господин, и в дальнейшем будут ежегодно доставлять куницу’. Как форма выплаты подати — «дара» куница упоминается также в № 406: *а даро ведаеше: 3 куници 3 годо*¹⁴.

К сожалению, словоформа прилагательного утратила первую букву, и мы не знаем, имела ли она вид *сѣроі* или *хѣроі* — с ожидаемым в Новгороде отсутствием рефлекса 2-й палатализации в корне. Но все же более вероятно, что слово было записано с начальным *с* — буква *х* той высоты, какую она имеет в слове *-ушковыхъ*, проявилась бы своей нижней

¹³ Маловероятно, чтобы в грамоте фигурировал пчелиный *рои* (письменными памятниками слово не засвидетельствовано) или *роина* ‘водороина’, представленная в [Слов. XI–XVII, 22: 204] единственным примером из текста XVII в.

¹⁴ Отдельный вопрос состоит в том, что могла материально представлять собой «серая куна» и как она соотносилась с «черной». Возможный ответ подсказывает современная номенклатура меха куницы, подразделяющая шкурки на четыре цветовые категории: темно-голубые, голубые, темно-песочные и песочные. Первые две, наиболее ценные, называются голубыми по цвету не меха (темно-каштанового и каштанового), а подшерстка, пуха, в действительности — серо-голубого и серого [Гончарова 2009: 74]. «Серая куна» оказывается, таким образом, вполне адекватным обозначением этих категорий меха (или же только второй из них, противопоставленной темно-голубой «черной куна»).

частью на уровне 4-й строки. Реконструкции *вохо тв(оє)* во 2-й строке это не противоречит — ср. наддиалектное *цѣна* в № 532 (кон. XIV — нач. XV в.), на фоне других диалектизмов в фонетике и морфологии.

В 5-й строке высоковероятной представляется конъектура (*паре*)[*н*]ину ‘пар, паровое поле’. Это же слово реконструируется в № 756 (2 пол. XIV в.) на основе начала словоформы: *возарало на паре(нини)* (*ѣ* в грамоте заменяется на *и*). Заметим, впрочем, что и в этой грамоте больше оснований реконструировать форму В. ед.: (*землю твою?*) *возарало на паре(нину)*; ср. в правой грамоте 1495 г.: *А сего лета, господине, пахал ту землю на паренину и рожь сеял* [Рыков: 102]; ср. также в западнорусском документе 1496 г.: *орати на паренину два дни, а на яр орати два дни* [Рожков: 102]. Презенс *орешь* следует понимать как имеющий значение будущего времени в описании устанавливаемого порядка. В приведенном выше контексте из № 31 такое же значение имеет форма *прихода* ‘А крестьяне тебе, господин, и в дальнейшем будут ежегодно доставлять куницу’.

Последовательность [*ѣ*]*ре*[*и*] в конце 4-й строки допускает, как кажется, единственную интерпретацию — *ѣ* <*т*>*реи* ‘от трех’, с одиночным *т* вместо двойного, ср. *ѣчинѣ* в.м. *ѣчинѣ* № 699. Здесь могло читаться какое-то топографическое указание, например: *ѣ* <*т*>*реи* [*а*](*мъ на паре*)[*н*]ину *Ѧрешь*. Трушковы (?) дети могли упоминаться как владельцы соседнего участка¹⁵.

В целом, с предложенными конъектурами, грамота предстает как набор положений, регламентирующих проживание крестьянина на арендуемой земле. Она заставляет вспомнить начало грамоты № 359 (кон. XIV — нач. XV в., письмо от Парфения к игумену): *Ѧсподине, како ѣсѣмъ порядилесе, тако и живу*. Глагол *порядитися* выступает в начальных формулах не только уже упомянутых рядных грамот, но и крестьянских «порядных записей», известных с XVI в. Структура этих документов, как правило, включает: а) указание земельного участка, являющегося предметом «поряда», б) определение размера и сроков выплаты натурального или денежного оброка и в) условия использования участка. Те же компоненты видим и в нашем тексте: определение участка (такое-то место — ‘все твое’), установление формы выплаты оброка (‘серой куницей’) и условия пользования землей (на таком-то участке пашешь пар).

В отличие от порядных записей XVI–XVII вв., оформленных от лица крестьянина (*порядился есмь*) или от лица землевладельца (*се порядися*), в грамоте условия «поряда» были сформулированы в форме письма к арендатору. В берестяной письменности сходную вариативность демонстрирует пара грамот 2 пол. XIV в. — № 406 и № 136. В обоих документах оговаривается размер оброка, выплачиваемого крестьянами землевладельцу, но если второй имеет вид акта (*се доконьцаху Мысловѣ дѣтѣ...*), то первый содержит обращение к феодалу, которое должен донести до него крестьянский представитель [Гиппиус 2004: 198]. Модус обращения позволяет думать, что адресная формула грамоты содержала слово *приказъ*. Это дает и длину 1-й строки, отвечающую реконструкции последней строки.

В заключение приведем текст с конъектурами разной степени надежности:

(*Ѧ* ст)ѣпана кѣ ... | ... [*в*]хо т[*в*](оє) ... | ...(*к*)уно(и с)ѣрои ... | ...ушковыѣхъ дѣтѣи оу)---[*з*]-[*Ѧ*]реи -|-- (на паре)[*н*]ину Ѧрешь

Перевод: ‘От Степана к ... все твое... серой куницей ... -ушковых детей ... пашешь пар’.

Лингвистический интерес, помимо уже упомянутой формы числительного *ѣ* <*т*>*реи*, представляет окончание Тв. ед. ж. прилагательного (*с*)ѣрои. Это один из самых ранних примеров утраты конечного гласного в этой флексии.

¹⁵ Указания таких ориентиров регулярно встречаются в деловых документах при описании границ земельных наделов, ср. *да от Глебовых детей земли Юрьева от Фоминские, от Шолоховские межи от вымла от Петровского лесу водоточью вверх по ямам к меже* [АФЗХ, 1: 35]; *от трех ям от стрелицы межею подле пашенные земли...* [Там же: 35].

№ 1134. Воздвиженский-7. Фрагмент письма с частью формулы.

... ОЛѦКСЕА КЪ БР(А)[Т]...

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Перевод: '... от Олексея к брату ...'. Ср.: *Поклонъ Синофонта ко брату моему Офону* 178 (4 четв. XIV в.). Теоретически на *бр-* могло начинаться и имя типа *Братята*, но для XIV в. это маловероятно.

№ 1135. Воздвиженский-7. Целый документ, надпись на берестяной бирке.

Илл. 4. Грамота № 1135

+ розметъ :~

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Надпись сделана изысканным книжным почерком. Яркая индивидуальная особенность: буквы *о* и *р* (похожее на греческое *ρ*) выполнены каждая одним движением, без отрыва пишущего инструмента. Так же, по-видимому, написаны и две следующие буквы (не считая засечек). Под стать почерку оформление границ текста: обычный для домонгольского времени крест в начале документа дополняют двоеточие и фигурный ро-счерк в конце.

Слово *розметъ*, производное от *розметати* 'разбросать', определяется в [Слов. XI–XVII, 21: 217] как 'раскладка податей, пошлин, повинностей среди тяглого населения выборными властями тяглой общины, а также сами платежи, распределяемые властями общины'. До сих пор самым ранним примером его употребления был контекст из жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича Троицкому монастырю 1425 г.: *не надобе им никоторая моя дань, (<...> ни розмет, ни помет, никоторая проторь* [Там же]. Комментируемый документ удревняет историю термина почти на три столетия. В данном случае слово обозначает, по-видимому, собранные платежи — скорее всего, в виде меховых шкурок, находившихся в мешке, к которому была привешена бирка. По содержанию надпись сходна с надписями на деревянных цилиндрических бирках, использовавшихся в XI — первой четверти XII в. в качестве замков на мешках с данью. Самая поздняя из таких бирок (№ 11) датируется второй четвертью — серединой XII в. Грамота относится ко времени, когда этот способ опечатывания меховых ценностей выходил или уже вышел из употребления. Из надписей на цилиндрических бирках с ней может быть сопоставлена № 11: *жеребиное* (*жеребиное*) 'собранное по жеребьям (участкам)' [НГБ XI: 145]. Поскольку *жеребии* как название участка, надела связан с процедурой жеребьевки, обозначаемой сочетанием *метати жеребии* (ст.-сл. *жрѣбии*), *розметъ* и *жеребиное* оказываются если не синонимами, то, во всяком случае, семантически связанными терминами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АСВР — *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.*
- АФЗХ — *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. Л. В. Черепнин. Ч. 1–3. М.: Изд. АН СССР, 1951–1961.*
- Былины — Былины: В 25 т. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. СПб.: Наука; М.: Классика, 2004.
- ВК — *Вопрошание Кириково. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (Памятники XI–XV в.) / [Ред. А. С. Павлов]. 2-е изд. СПб.: [Тип. М. А. Александрова], 1908. (Русская историческая библиотека; 6).*
- ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.*
- Гончарова 2009 — *Гончарова О. В. Пушкина Западной Сибири: основы товароведения и рынок: учебное пособие. Омск: Издатель ИП Погорелова, 2009.*
- Домострой — *Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб., 2007.*
- Лавр. — *Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.*
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.*
- НПК — *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб.: Сенат. тип., 1859–1910, 1915. Т. I–VI; Указатель к первым шести томам.*
- НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.*
- Посольские книги — *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006.*
- ПСРЛ, 4 — *Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Изд. 2-е. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.*
- Рожков — *Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906.*
- Рыков — *Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки отдела рукописей. Вып. 43. М.: Книга, 1982, 85–105.*
- Слов. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.*
- Соколовы — *Сказки Белозерского края. Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1981.*
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–.*
- Столярова — *Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.: Наука, 2000.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андреев 1986 — *Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л.: Наука, 1986. [Andreyev V. F. Novgorodskii chastnyi akt XII–XV vv. [Novgorod private act of the 12th–15th centuries]. Leningrad: Nauka, 1986.]*
- Азарх 1980 — *Азарх Ю. С. К истории существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. Аванесов Р. И. (ред.). М.: Наука, 1980, 267–292. [Azarkh Yu. S. On the history of nouns with evaluative suffixes in Russian. Common Slavic Linguistic Atlas. Materials and studies. 1978. Avanesov R. I. (ed.). Moscow: Nauka, 1980, 267–292.]*
- Бобрик 2018 — *Бобрик М. А. Надпись на монете великого князя Василия Дмитриевича. Комментарий филолога. Нумизматика и эпиграфика. Вып. XX. Сборник научных трудов памяти Н. А. Фроловой и Г. А. Кошеленко. Гайдуков П. Г., Смирнова Н. М. (отв. ред.). М.: Памятники исторической мысли, 2018, 197–199. [Bobrik M. A. Inscription on the coin of Grand Duke Vasily Dmitrievich. Philologist's comment. Numismatika i epigrafika. No. 20. In memoriam N. A. Frolova and G. A. Koshelenko. Gaidukov P. G., Smirnova N. M. (eds.). Moscow: Pamyatniki Istoricheskoi Mysli, 2018, 197–199.]*
- Гиппиус 2004 — *Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 г.). Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. М.: Русские словари, 2004, 183–232. [Gippius A. A. On pragmatics and communicative*

- organization of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Moscow: Russkie Slovarei, 2004, 183–232.]
- Гиппиус 2017 — Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода. *Российский рубль. 700 лет истории*. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород: [б. и.], 2017, 25–36. [Gippius A. A. Birchbark document 1072 and monetary systems of medieval Novgorod. *Rossiiskii rubl': 700 let istorii*. Proc. of the International Numismatic Conf. Veliky Novgorod, 2017, 25–36.]
- Гиппиус 2018 — Гиппиус А. А. «Игра в слова» по правилам Древнего Новгорода. *Нескончаемое лето: Сборник в честь Елены Александровны Рыбиной*. Сингх В. К., Покровская Л. В., Тянина Е. А. (ред.). М.; Великий Новгород: [б. и.], 2018, 33–36. [Gippius A. A. “Word game” according to the rules of Old Novgorod. *Neskonchaemoe leto*: Collection in honor of Elena Alexandrovna Rybina. Singh V. K., Pokrovskaya L. V., Tyanina E. A. (eds.). Moscow; Veliky Novgorod, 2018, 33–36.]
- Гиппиус 2019 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 47–71. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2018. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 47–71.]
- ДНД — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Дубровин и др. (в печати) — Дубровин Г. Е., Вяземский А. В., Денисевич К. М. Комментарии к берестяной грамоте № 1122/1123 с раскопа Дмитриевский III в Новгороде (в печати). [Dubrovin G. E., Vyazemskii A. V., Denisevich K. M. Comments to birchbark letter No. 1122/1123 from the Dmitrievsky 3 excavation in Veliky Novgorod (in print).]
- Лебединская 2013 — Лебединская В. Г. Системные отношения в истории новгородской метрологической лексики (по данным письменных памятников XI–XVII вв.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка, семиотика, семантика*, 2013, 1: 39–44. [Lebedinskaya V. G. Systemic relations in the history of Novgorod metrological vocabulary (according to the written monuments of the 11th–17th centuries). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2013, 1: 39–44.]
- Литвина, Успенский 2006 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*. М.: Индрик, 2006. [Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Wybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of names among the Russian princes in the 10th–16th centuries. Dynastic history in the anthroponymic perspective]. Moscow: Indrik, 2006.]
- Лифшиц 1995 — Лифшиц А. Л. К вопросу о центрах книгописания Древней Руси: Рукописи начала XV в. из Переслава Залеского. *Архив русской истории*. Вып. 6. 1995, 191–195. [Lifshits A. L. On centers of book writing in Ancient Rus: Manuscripts of the early 15th century from Pereslavl Zalesky. *Archive of Russian history*. No. 6, 1995, 191–195.]
- НГБ VIII — Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. М.: Наука, 1986. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow: Nauka, 1986.]
- НГБ XI — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. М.: Русские словари, 2004. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1997–2000)]. Moscow: Russkie Slovarei, 2004.]
- НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Петров 2015 — Петров Д. А. Упоминания о рыбе и блюдах из рыбы в новгородских берестяных грамотах. *Fontes Slavica Orthodoxa. II. Православная культура вчера и сегодня*. Потехина Е., Кравецкий А. (ред.). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2015, 59–88. [Petrov D. A. Mentions of fish and fish dishes in Novgorod birchbark letters. *Fontes Slavica Orthodoxa. II. Pravoslavnyaya kul'tura vchera i segodnya*. Potekhina E., Kravetskii A. (eds.). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2015, 59–88.]
- Петров 2018 — Петров Д. А. Упоминание о мясе и мясо-молочных продуктах в берестяных грамотах (ч. 2). *Fontes Slavicae Orthodoxae*, 2018(2): 11–34. [Petrov D. A. Mentions of meat, cheese and butter in Old Russian birchbark letters (part 2). *Fontes Slavicae Orthodoxae*, 2018(2): 11–34.]

- Петрухин 2017 — Петрухин П. В. К прочтению новгородской берестяной грамоты № 490. *Славяноведение*, 2017, 4: 89–92. [Petrukhin P. V. On the reading of the Novgorod birchbark letter No. 490. *Slavic Studies*, 2017, 4: 89–92.]
- Птенцова 2000 — Птенцова А. В. Семантика и функции служебного слова *ци* (*чи*) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и современных диалектах. *Вопросы русского языкознания*. Вып. VIII. Ремнева М. Л., Клобуков Е. В. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 2000. [Ptentsova A. V. Semantics and functions of the function word *ci* (*či*) in the language of Old Russian monuments (11th–14th centuries) and modern dialects. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya*. Vol. VIII. Remneva M. L., Klobukov E. V. (eds.). Moscow: Moscow State Univ. Press, 2000.]
- Рождественская 1992 — Рождественская Т. В. *Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. [Rozhdestvenskaya T. V. *Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: Novye istochniki XI–XV vv.* [Old Russian inscriptions on church walls: New sources from the 11th–15th centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 1992.]
- Соболевский 2006 — Соболевский А. И. *Труды по истории русского языка*. Т. 2: *Статьи и рецензии*. Крысько В. Б. (Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ.). М.: Языки славянских культур, 2006. [Sobolevskii A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka* [Works on the history of Russian]. Vol. 2: *Stat'i i retsenzii* [Articles and reviews]. Krysko V. B. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006.]
- Темушев 2015 — Темушев С. Н. *Налоги и дань в Древней Руси*. Минск: Изд-во БГУ, 2015. [Temushev S. N. *Nalogi i dan' v Drevnei Rusi* [Taxes and tribute in Ancient Rus]. Minsk: Belarus State Univ. Press, 2015.]
- Турилов 2009 — Турилов А. А. Зиновий. *Православная энциклопедия*. Т. 20. М.: Православная энциклопедия, 2009, 156–157. [Turilov A. A. Zinovy. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 20. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2009, 156–157.]

Получено / received 27.04.2021

Принято / accepted 18.05.2021

Конструкции с отрицательными элементами *ни капли и ни разу* в русском языке

© 2021

Влада Вячеславовна Баранова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Россия; vbaranova@hse.ru

Аннотация: В русском языке представлено достаточно много средств усиления отрицания показателями, среди которых встречаются как отрицательные местоимения *ни*-серии (*ничего, ничуть, никого*), так и выражения *ни капли, ни крошки, ни грамма, ни пылинки, ни искры* и др., возникающие обычно на основе квантификаторов малого объема. Происходит постоянное обновление средств усиления отрицания за счет втягивания новых элементов и изменения их свойств под влиянием других конструкций. В частности, в русском языке происходит процесс грамматикализации выражений *ни капли* и *ни разу*, подобно отрицательному местоимению *ничуть*. В статье сеть конструкций с показателями *ни капли* и *ни разу* анализируется на корпусных данных (ГИКРЯ, НКРЯ). Рассматриваются счетная конструкция со значением малого объема *капля* N_{gen} и отрицательный коррелят *ни капли* N_{gen} , конструкция квантификации действия *ни разу не* VP и конструкции *ни капли / ни разу не* NP. Показана грамматикализация элемента *капля / ни капли* в составе счетной конструкции. Конструкция *ни разу не* VP используется преимущественно с глаголами прошедшего времени и выражает отрицание экспериментального значения. Семантика новой конструкции *ни разу не* N предполагает экспрессивное отрицание принадлежности к категории, выраженной объектом с определенными свойствами.

Ключевые слова: конструкции, отрицание, отрицательное согласование, русский язык, экспрессивность

Для цитирования: Баранова В. В. Конструкции с отрицательными элементами *ни капли* и *ни разу* в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 93–105.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.93-105

Constructions with negative elements *ni kapli and ni razu* in Russian

Vlada V. Baranova

HSE University, St. Petersburg, Russia; Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; vbaranova@hse.ru

Abstract: There are many negative polarity items in Russian reinforcing the sentential negation. It may be negative pronouns with affix *ni-* (*ničego, ničut', nikogo*) and quantifiers grammaticalized from small-size nouns. The paper deals with the new way to express emphatic negation and the process of reinforcement of negation due to including new markers of double negation in Russian. It analyzes the network of constructions with expressions *ni kapli* and *ni razu* based on the data from two corpora (General Internet-Corpus of Russian and Russian National Corpus). The paper describes the grammaticalization of the word *kaplja* 'drop' as a part of counting construction. The construction *ni razu ne* VP combines

with a past tense form of a verb and expresses the negation of the experiential meaning. The new construction *ni razu / ni kapli ne N* arises in non-verbal sentences and expresses emphatic negation of affiliation to a category.

Keywords: constructions, expressivity, negation, negative concord, Russian

For citation: Baranova V. V. Constructions with negative elements *ni kapli* and *ni razu* in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 93–105.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.93-105

1. Вводные замечания¹

Среди средств усиления отрицания в русском языке представлены как отрицательные местоимения (*ничего, ничуть, никого*), так и частично грамматикализованные формы существительных, см. примеры (1)–(4).

- (1) *Я там не был ни разу.*
- (2) *Не выпил ни капли.*
- (3) *Не ел ни крошки.*
- (4) *Нет ни искры надежды.*

В статье рассматриваются выражения усиления отрицания *ни разу* и *ни капли*, использующиеся для усиления отрицания. Задача исследования состоит в описании основных конструкций с этими элементами. Подход, принятый в рамках грамматики конструкций, рассматривает сеть близких между собой конструкций и отношения взаимного влияния и наследования между ними [Goldberg 1995]. Семантика элементов *ни капли* и *ни разу* складывается на пересечении нескольких конструкций: *ни*-форм усиления отрицания в русском языке, как в примерах (1)–(4), счетной конструкция малого количества со словом *капля* N_{gen}, конструкции квантификации действия (*один*) раз VP — *ни разу* VP (раздел 4), конструкции *ни разу не N* и *ни капли не N* (раздел 5), как в примерах (5) и (6).

- (5) *Я ни разу не генетик, но такую штуку просто нельзя пропустить* [ГИКРЯ, 2016].
- (6) *Что-то у вас ни капли не зима* [ГИКРЯ, 2011].

Использование отрицательного элемента *ни разу* и *ни капли* в конструкциях с существительными и субстантивированными прилагательными в контекстах, характерных для частиц *ничуть* или *совсем*, как в примерах выше, является недавним развитием конструкций.

Материалом послужили данные нескольких корпусов. Прежде всего, для подсчетов использовались Национальный корпус русского языка [НКРЯ] и Генеральный интернет-корпус русского языка [ГИКРЯ], в последнем по умолчанию использовался поиск по данным «Живого журнала», отдельно оговорены случаи поиска по коллекции «ВКонтакте». Некоторые поисковые запросы дублировались в корпусах, тогда как в ряде случаев НКРЯ и ГИКРЯ не взаимозаменяемы: для ряда конструкций необходима была историческая перспектива, доступная только в НКРЯ, тогда как наиболее современные формы *ни разу не N* там почти не представлены, но доступны в ГИКРЯ и других корпусах, на основе интернет-источников. Дополнительно использовались корпус Araneum Russicum Maius (ARM) и иногда поиск в Google для понимания возникающих новых контекстов.

¹ Данный материал был впервые представлен на VI конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», 3–5 октября 2019 г., и я благодарю участников конференции за дискуссию и комментарии, а также анонимных рецензентов журнала.

2. Ни-формы и обновление средств экспрессивного отрицания

Особенности отрицания в русском языке описаны довольно подробно (см., например, обширную литературу о выборе генитива или аккумулятива при отрицании [Timberlake 1975; Падучева 2006] и др.) Из многочисленных грамматических сюжетов, связанных со свойствами русского отрицания, для данной работы важны свойства двойного отрицания с *ни*-элементами и особенности единиц с отрицательной полярностью² в русском языке. Таким образом, возможности двойного, взаимно аннигилирующего отрицания остаются за пределами рассмотрения (см., например, [Grenoble 1992] о конструкциях *ни могу не курить*).

В трактовке *ни*-форм я следую подходу Е. В. Падучевой [2013], в рамках которого русские *ни*-элементы рассматриваются как отрицательное согласование (negative concord) и сочетаются со стандартным отрицанием. Отрицательное согласование в разных языках предполагает, что несколько морфосинтаксических элементов выражают семантически только одно отрицание [Zeijlstra 2007: 499]. А. Гьяннакиду отмечает, что характерные для отрицательного согласования *n*-слова выполняют две функции: 1) используются вместе с сентенциальным отрицанием, выражая вместе одно логическое отрицание и 2) могут быть фрагментом отрицательного ответа [Giannakidou 2000]. В русском языке элементы *ни капли* и *ни разу* проявляют эти свойства, т. е. сочетаются с глагольным или экзистенциальным отрицанием и не могут использоваться без них, кроме ответов и других случаев эллипсиса (ср. *Ничуть!*).

В области экспрессивного отрицания постоянно возникают новые средства, позволяющие выразить эмфазу. В этой функции используются такие сочетания, как *ни капли*, *ни капельки*, *ничуть*, *ни грамма*, *ни пылинки*, *ни крошки*, *ни искры*, *ни росинки*, *ни на минуту* / *секунду*, *ни на йоту*, *ни разу*, *ни проблеска*, *ни души*, *ни звука*, *ни слова*, *ни шага* и др. Среди них можно выделить грамматикализованные единицы (например, *ни капли*, *ни разу*), сочетающиеся с довольно широким кругом лексем, и такие, которые обладают значительными семантическими ограничениями. Например, элементы *ни крошки*, *ни искры*, *ни проблеска* используются лишь в сочетаниях с ограниченным кругом существительных для обозначения кванта действия или объекта:

(7) *ни проблеска интеллекта / ума / вдохновения*

Таким образом, часть этих форм, в том числе *ни капли*, а также *ни грамма*, *ни крошки*, *ни на минуту*, *ни души*, представляют собой счетные конструкции³ или квантификаторы [Рахилина, Ли 2009; Баранова 2016] с показателем *ни*. Другие элементы представляют собой лексикализованные формы и обычно используются адвербиально, а не в качестве квантификатора: *ни пылинки*, *ни слова*, *ни звука*, *ни шага*. Однако они могут окказионально получать счетную интерпретацию, то есть использоваться в качестве квантификаторов для счета не только самих себя, но и других элементов, как в примере (9).

(8) *Та же поражающая глаз чистота царит в комнатах. Ни пылинки: полы моются каждый день. В обуви нас, детей, никогда не пускали в «горницу»* [НКРЯ, В. П. Правдухин. Годы, тропы, ружье (1930)].

² Не останавливаясь по возможности на статусе этих форм, ниже я буду все *ни*-формы называть «единицы с отрицательной полярностью» (negative polarity items), иногда оговаривая особые свойства элементов *ни разу* и *ни капли* на фоне других подобных элементов.

³ Далее единицы, подобные *капля*, *штука*, *человек* и пр. в составе конструкции с существительным в генитиве называются счетными словами, хотя их основная функция состоит далеко не только в том, чтобы вводить соответствующие существительные в счетную конструкцию.

- (9) *Я восприняла 19-ый год несколько преувеличенно, — так, как его воспримут люди через сто лет: ни пылинки муки, ни солиньки соли (золинок и соринок хоть отбавляй!)* [НКРЯ, М. И. Цветаева. Чердачное (1919–1920)].

Счетные слова или квантификаторы в разных языках обычно возникают в результате грамматикализации и в значительной мере или частично сохраняют исходную семантику лексем. В частности, Л. Брем [Brems 2011] показывает, что для классификаторов характерно наслаивание ('layering') при грамматикализации разных единиц. Это приводит к возможности синонимичных конструкций с разными счетными словами. Как правило, некоторые существительные сочетаются лишь с одним из классификаторов большого или малого количества или дискретного / недискретного множества (например, в русском языке *табун лошадей* используется в качестве единственного квантификатора для них и только для них), тогда как другие могут использоваться в счетной конструкции по-разному.

Другое следствие «наслаивания» счетных слов связано с семантическими различиями между элементами, более или менее тесно связанными с исходными существительными. Счетные слова имеют семантические или прагматические коннотации: выражение множества *a bunch of* имеет негативные коннотации [Brems 2003], редкие способы выражения малого количества *bit of, flicker of, jot of, scintilla of, scrap of* и др. ограничены определенными дискурсивными контекстами [Brems 2007]. Это характерно для распространения счетной конструкции на считаемые существительные в разговорном русском языке вроде *пять человек детей* [Баранова 2016].

В русском языке представлено значительное количество элементов, передающих «лексическую множественность»: *гора, море, ворох* [Рахилина, Ли 2009], а также некоторое количество квантификаторов для счета малого количества объектов (*три капли лекарства, две ложки муки, три куса хлеба, пять единиц бронетехники, пять штук ситца*) или малого объема (*крошка хлеба, капля ума*). Зона малого объема или дискретного счета является, по-видимому, менее разработанной в ряде языков [Brems 2011].

Ни-серия счетных слов не является полностью симметричной конструкциям с квантификаторами в аффирмативе. В частности, счетные слова с наиболее абстрактным значением, в том числе наиболее частотный в современном русском языке квантификатор *штука*, а также достаточно употребительные *человек* и *единица*, не используются в отрицательной конструкции [Баранова 2016]. Е. В. Рахилина и Ли Су-Хён [2009: 15] отмечают, что единицы, указывающие на небольшой объем, в частности *капля* и *капелька*, тяготеют к использованию с отрицанием или в квазитрицательных контекстах (т. е. с частицами *только, лишь, хоть бы*: *хоть капля разума*)⁴. Таким образом, в русском языке некоторые квантификаторы грамматикализуются как единицы только с неотрицательной полярностью (*штука*), другие — в качестве единиц с преимущественно отрицательной полярностью, например *ни на йоту* и отчасти *ни капли*. Еще одна группа квантификаторов используется и в той, и в другой форме, но их свойства в аффирмативе и с отрицанием не обязательно симметричны. Например, *ни души* используется только изолированно (**ни души крестьян*), в отличие от счетной конструкции без *ни* Num *душ* N_{gen} *пять душ крестьян*. Более детальный анализ показывает, что счетные слова *капля* и *раз* в аффирмативе и *ни капли* и *ни разу* в контексте отрицания ведут себя по-разному, в частности, сочетаются с разными именами (см. подробнее о свойствах единиц *капля* и *ни капли* раздел 3).

Помимо включения новых лексических средств (*ни фига себе*), обновление инвентаря *ни*-слов происходит за счет переосмысления существующих синтаксических структур, как в случае элемента *ни о чем*. Примеры (10)–(11) показывают переход глагольных аргументов в застывшую форму отрицания.

⁴ Авторы замечают, что *капля* и *капелька* «фактически не встречаются вне отрицательных и квазитрицательных контекстов» [Рахилина, Ли 2009: 15], однако поиск в НКРЯ показывает, что это не совсем так, хотя, безусловно, тяготение к отрицательным контекстам свойственно квантификатору *капля*.

- (10) *Мы вообще **ни о чем** не говорили...* [НКРЯ, Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016].
- (11) *Тогда РФС при возникновении спора может высказать свою позицию, защищать агента. А когда написано — оказал услуги надлежащим образом и в срок, то **это ни о чем*** [ARM, 2013].

Синтаксические процессы несколько отличаются в случае глагольных аргументов или именных квантификаторов, однако важно постоянное обновление средств усиления отрицания.

3. Капля и ни капли в составе счетной конструкции

3.1. Историческое развитие *ни капли* на фоне других *ни-форм* в русском языке

Как отмечалось выше, отрицательное согласование в русском предполагает, что два или более элементов выражают семантически одно отрицание. Для сочетания *ни капли* обычное количество отрицательных элементов два, один из которых — глагольное или экзистенциальное отрицание в неглагольной предикации, а другой — *ни-элемент*, хотя возможно увеличение *ни-элементов*, как в примерах (12) и (13).

- (12) *Никто не запомнил такой засухи, какая удручала землю в этом году, начавшемся при самых благоприятных климатических предположениях. **Нигде** не выпадало **ни капли** дождя. Нивы, огороды и сады высыхали и выгорали* [НКРЯ, Л. А. Тихомиров. В последние дни (1920)].
- (13) *И она на следующий день **ни капельки** не смогла **ничего** выпить* [НКРЯ, Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

С точки зрения обязательности употребления с отрицанием элементы *ни разу* и *ни капли* ведут себя по-разному. Для сочетания *ни разу* неграмматична форма без *ни* с отрицанием (**разу не сказал*)⁵. *Ни капли* демонстрирует некоторую вариативность в этом отношении.

В первой половине XIX в. относительно регулярно встречаются примеры без отрицательного согласования, наряду с согласованными формами *ни капли*, как в примерах (14)–(16).

- (14) *Но у него **не было капли** крови в теле* [НКРЯ, Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)].
- (15) *Вот уже пять недель **не кануло капли** дождя на поля южного Дагестана, а засуха есть величайшее из бед в жарком климате, особенно если она падет весеннею порою* [НКРЯ, А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур (1836)].
- (16) *Он хвалил направление нынешних писателей, направление умное, практическое, в котором, благодаря бога, **не стало капли** приторной чувствительности двадцатых годов; радовался вечному истреблению од, ходульных драм, которые своей высокопарной ложью в каждом здравомыслящем человеке могли только развивать желчь* [НКРЯ, А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)].

⁵ Возможно только *раз не сказал*, *два не сказал...* с другим значением.

Для современного русского языка в приведенных выше примерах естественнее было бы использовать *ни капли* (в некоторых контекстах вместо *ни* допустимы частица *даже* или *и*). Впрочем, единичные примеры нестрого отрицательного согласования есть и в современных текстах:

- (17) *Вот как сошлось, скрутилось в одно — жизнь и смерть, доброе и злое, не оставив капли надежды* [НКРЯ, Василь Быков. Короткая песня (2002)].

Таким образом, в процессе грамматикализации сочетание *ни капли* переходит от дополнительного согласования к строгому согласованию с отрицанием (strict negative concord), в терминах [Giannakidou 2000].

3.2. Сочетаемость квантификатора *капля* и элемента *ни капли* по корпусным данным

Счетное слово *капля* сочетается преимущественно с названиями жидкостей, а также с существительными, которые могут быть метафорически или метонимически представлены как текучие.

- (18) *От капли огня нутро шкафа преображалось, становясь похожим на пещеру отшельника, и Ольга принималась строить чудные грезы, а то силой воображения норовила получить из профиля Мефистофеля контур Балканского полуострова, а из горного пейзажа выкройку дамского пиджака* [НКРЯ, Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)].
- (19) *Человек преодолевает инстинкт сохранения жизни, если есть хотя бы капля надежды, а если ее нет, такой акт равен самоубийству* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

Конструкция *капля N / ни капли N* часто сочетается с обозначением эмоций. Для русских языковых метафор отмечено представление «горя как тяжелой жидкости» [Успенский 1997: 150], однако данные ГИКРЯ показывают, что метафора *чувство* — это жидкость относится как к положительным, так и к отрицательным эмоциям⁶.

Сравнение грамматических запросов *капля* или *ни капли* в сочетании с существительным в генитиве показывает существенное преобладание счетного слова *капля* в аффирмативе: в НКРЯ с расстоянием 1 найдено 429 вхождений *ни капли* $N_{\text{ген}}$ и 3834 случаев *капля* $N_{\text{ген}}$ (различия немного выравниваются при увеличении расстояния, так как отрицательная форма свободнее принимает определения: *ни малейшей капли*, *ни единой капли* и т. д.). Однако более интересными кажутся данные о распределении вариантов в аффирмативе и негативе с разными именами, обозначающими конкретные понятия (жидкости) или абстрактные понятия. Для сравнения были отобраны наиболее частотные сочетания. Некоторые результаты, представленные в таблице 1, показывают общую тенденцию: в счетной конструкции в целом преобладает неотрицательная форма, однако сравнение конкретных существительных и абстрактных показывает, что для существительных, обозначающих эмоции, отрицательная конструкция *ни капли* встречается чаще, чем счетное слово *капля* в аффирмативе.

⁶ Само слово *горе* как раз нарушает тенденцию, представленную в табл. 1: аффирмативная форма преобладает над отрицательной (300 употреблений *капля горя* и 65 — *ни капли горя*), однако контекст показывает, что горе относится скорее к ситуации и возникает в безличных конструкциях, в которых нет экспериендера: *Пусть ни капли горя и бед больше не упадет на ваш путь!* [ГИКРЯ] (ср. *капля счастья* — 1471, *ни капли счастья* — 112).

Таблица 1

**Примеры конкретных и абстрактных существительных в конструкциях
капля — ни капли N_{gen} , статзапрос по ГИКРЯ
(коллекции ЖЖ и Вконтакте нормированы)⁷**

Единица	капля	ни капли
<i>крови</i>	2970 (~0.302428 ipm)	890 (~0.090626 ipm)
<i>воды</i>	2724 (~0.277378 ipm)	624 (~0.063540 ipm)
<i>дождя</i>	1943 (~0.197851 ipm)	511 (~0.052034 ipm)
<i>страха</i>	32 (~0.003258 ipm)	286 (~0.029123 ipm)
<i>грусти</i>	154 (~0.015681 ipm)	234 (~0.023828 ipm)
<i>радости</i>	221 (~0.022504 ipm)	987 (~0.100504 ipm)
<i>сомнения</i>	309 (~0.031465 ipm)	713 (~0.072603 ipm)
<i>жалости</i>	139 (~0.014154 ipm)	537 (~0.054681 ipm)
<i>интереса</i>	9 (~0.000916 ipm)	40 (~0.004073 ipm)

Абстрактные существительные, обозначающие свойства, а не эмоции, показывают преобладание варианта без отрицания (*капля ума* 111, *ни капли ума* 32), т. е. *ни капли* используется в случаях описания эмоций экспериенцера.

Однако для некоторых конкретных существительных, обозначающих жидкости, распределение устроено несколько сложнее: если для *водки*, *вина* и *спирта* верно преобладание квантификатора в аффирмативе, то для слов с обобщающим значением *спиртное* и *алкоголь* характерно преобладание выражения *ни капли*, см. таблицу 2⁸.

Таблица 2

**Примеры конкретных существительных, обозначающих жидкости, в конструкциях
ни капли — капля N_{gen} , ГИКРЯ**

Единица	капля	ни капли
<i>водки</i>	279 (~0.028 ipm)	39 (~0.004 ipm)
<i>вина</i>	273 (~0.028 ipm)	103 (~0.01 ipm)
<i>спирта</i>	49 (~0.0049 ipm)	31 (~0.003157 ipm)
<i>спиртного</i>	15 (~0.001527 ipm)	914 (~0.093 ipm)
<i>алкоголя</i>	298 (~0.03 ipm)	829 (~0.084415 ipm)
<i>бухла</i>	0	8 (~0.0008 ipm)

Кроме того, в корпусе встречается вариант (*ни*) *капельки*, который, по-видимому, для говорящих менее тесно связан с идеей жидкости, чем *ни капли*, например, представлены единичные примеры с сыпучими, а не льющимися веществами.

⁷ Сопоставлялись поисковые запросы с *ни*-формой и без нее, т. е. выражения *лишь капля разума*, *хоть каплю жалости* подсчитывались в качестве аффирмативов.

⁸ Я благодарю анонимного рецензента за возможную интерпретацию этого распределения: *ни капли* подразумевает полное отсутствие и логично сочетается с родовыми понятиями, тогда как *капля* указывает на наличие конкретного напитка.

- (20) [Loudik, nick] *И что? **Ни капельки** сахара? Сведения очень для меня важные, потому как вот в данный момент умираю, как хочу шоколада* [НКРЯ, коллективный. Форум: Диета Кима Протасова (2007–2010)].
- (21) *Чтобы **ни капельки** нафталина человек не почувствовал* [НКРЯ, Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000–2001)].

Одновременно *ни капельки*, как и *ни капли*, используется адвербиально.

- (22) *Но при этом вы не чувствуете себя отдохнувшим за ночь **ни капельки**, наоборот, предстоящий рабочий день кажется вам почти что изощренной пыткой* [НКРЯ, Вера Елгаева. Бессонница (2003) // «100 % здоровья», 2003.03.01].

Таким образом, использование квантификатора *капля* и усилителя отрицания *ни капли* демонстрирует частичное сохранение лексического значения при грамматикализации: наиболее частотные сочетания с обозначениями жидкостей или эмоций, которые метафорически осмысляются как текущие. Отрицательный вариант *ни капли* дальше зашел по пути десемантизации и преобладает с абстрактными существительными (эмоциями или собирательными названиями алкоголя) по сравнению с квантификатором *капля*, чаще встречающимся с названиями жидкостей, хотя и не обязательно в прямом употреблении в составе счетной конструкции (*пять капель крови*).

Отдельного внимания заслуживают эллиптические употребления *ни капли* (23) и в качестве отрицательного ответа (*Он специалист? — Ни капли!*). Ср.:

- (23) *Когда выходила, давала зарок: больше **ни капли*** [НКРЯ, И. Грекова. Перелом (1987)].

Можно предположить, что на использование *ни капли* как экспрессивного средства усиления глагольного отрицания, не выражающего непосредственно квантификацию именной группы, повлияли эллиптические употребления. В то же время, при грамматикализации значительная часть употреблений сохраняет двойственное значение: усилителем глагольного отрицания в примере (24) выступает именно показатель *ни капли*, используемый для счета абстрактных существительных вроде *хитрость*.

- (24) *Бедняга так и не понял, что мир вокруг живет совсем по другим законам, жестким и простым, и в случае чего эти глупые оркские хитрости не помогут ему **ни капли*** [НКРЯ, Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)].

Происходит грамматикализация выражения *ни капли*, аналогичная тому пути, который прошли другие единицы, например, *ничуть* или *совсем не*. Развитие *ничуть* от существительного со значением «немного» с отрицанием к адвербиальному элементу представлено в примерах (25)–(27).

- (25) *Ты думаешь, что я сердился, **ни чуть*** [НКРЯ, А. С. Пушкин. Письмо Н. Н. Пушкиной (Вчера был наконец...)].
- (26) *Вмѣстѣ съ тѣмъ я вовсе не собирался принять какія-либо мѣры для улучшенія его обстоятельствъ, содержать его мнѣ **ни чуть** не хотѣлось* [НКРЯ, В. В. Набоков. Отчаяние (1936)].
- (27) *Несмотря на усиливающуюся по всем железным дорогам доставку дров, цены на них **ни чуть** не понижаются* [НКРЯ, неизвестный. По Петербургу. Снова вздорожание дров (1909.01.19) // «Русское слово», 1909].

Декатегоризация и изменение синтаксических свойств усилителя отрицания *ни капли* могут быть представлены в виде следующей цепочки:

существительное > квантификатор, модифицирующий другие именные группы (*каплю вина, несколько капель вина*) > экспрессивное отрицание (*ни капли не жалею*)

Сходное развитие описано для валлийского показателя *dim* через стадию квантификатора и псевдоквантификатора к адвербиальному показателю с фиксированной позицией в конце клаузы и, далее, к фокусному отрицанию [Willis 2006]. Усилители отрицания в русском остаются, однако, частью отрицательного согласования и не несут отдельного семантического отрицания.

4. Конструкция *ни разу не V* на фоне других квантификаторов

Счетное слово *раз*, как и *ни*-форма *ни разу*, семантически существенно отличается от других квантификаторов, поскольку модифицирует не объем имени, а способ действия или кратность квантов итеративного или мультипликативного процесса. Сам квантификатор при этом является новым числительным (ср. разговорный счет *раз, два, три*), как и относительно редко используемое счетное слово *единица*.

- (28) *А без ведома твоего и шихтмейстера никакой надсмотрщик работника днем **боле** **трех раз** тонкою палкою ударить не должен, но, ежели противность велика, то донесет шихтмейстеру и оной накажет по достоинству* [НКРЯ, В. Н. Татищев. Наказ комиссару Уктусского завода Т. Бурцову (1721)].
- (29) *Запишите также, ваше благородие, что он меня **два раза** по зубам ударял и в груди* [НКРЯ, А. П. Чехов. Злоумышленник (1885)].

Квантификатор *раз* выражает экспериментивное (или общефактическое экзистенциальное значение), указывающее на то, что нечто происходило хотя бы единожды, т. е. участник имеет подобный опыт. В этом случае квантификатор сочетается с глаголами *бывать, испытывать, пробовать* и др. синонимичными.

- (30) [*karelea*, жен] *Могу в ответ с сочувствием спросить: А вы хоть **раз** бывали на футболе?* [НКРЯ, коллективный. Форум: Поход в цирк (2010)].

Именно отрицание экспериментивного значения характерно для формы *ни разу*.

- (31) *А он в своей жизни не только не прыгал с парашютом, но и **ни разу** не летал на самолете* [НКРЯ, Василь Быков. Болото (2001)].
- (32) *Представляешь, я **НИ РАЗУ** не разделявала кальмаров))) Потому, и боюсь их! Надо на ютубе, чтоле, посмотреть* [ГИКРЯ, 2013, Живой журнал].

Стативные предикаты также получают экспериментивное прочтение: *ни разу не любил* означает ситуацию, при которой субъект *ни разу не был влюблен*.

Позиционно *ни разу* обычно находится в препозиции к глаголу, однако может располагаться и после него.

- (33) *О том, что его настоящие родители погибли, ему до семи лет так никто и не сказал, а он **ни разу** не спросил* [НКРЯ, Евгения Власова. Дети и смерть (2002) // «Домовой», 2002.08.04].
- (34) *Однако, вот так, чтобы с самого начала и до конца, не смотрел **ни разу*** [НКРЯ, коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2005–2010)].

Для отрицания, выраженного двумя (циркумфиксными) элементами, вроде франц. *ne... pas*, чрезвычайно значима линейная позиция: для усилителей отрицания, постепенно заменяющих основное отрицание через стадию дублирования отрицательных элементов в рамках так называемого круга Есперсена, типологически характерна постпозиция

отрицательных частиц. Порядок слов в предложениях с русскими *ни*-словами не рассматривался специально, поэтому трудно сопоставить поведение *ни разу* с другими элементами.

Отрицание экспериментивных контекстов для элемента *ни разу* предполагает отнесение к уже совершившимся событиям. Анализ выборки в 100 примеров в ГИКРЯ для конструкции *ни разу не V* показывает преобладание форм прошедшего времени (95 из 100). Относительно редкие случаи использования настоящего времени (5 случаев в выборке из 100 случайных примеров) лишены характерного для квантификатора *раз* в аффирмативе значения единичности события, квантованности действия, и сочетается с глаголами, обозначающими процессы или состояния.

(35) *Где есть власть — неизбежно и принуждение. Ни разу не смешиваю — мы говорили именно о том, что сейчас называется «Женственностью» — в книжках и тренингах* [ARM].

(36) *UPD: не волнуйтесь, пожалуйста, мы с Ясей ни разу не голодаем — у нее есть очень заботливые бабушка с дедушкой* [ГИКРЯ, 2013, Живой Журнал].

Возможно, подобное изменение семантики поддерживается тем, что в аффирмативе квантификатор *раз* в современном языке приобретает несколько противоречащее, на первый взгляд, исходной семантике значение приблизительного множества. Фраза *я тебе сто раз звонил* означает не подсчет количества звонков, а множество событий или длительное действие (ср. с развитием такого же расширения значения у счетного слова *штука* [Баранова 2016]). Эти употребления сближают конструкции *раз / ни разу не V* со значениями *совсем, абсолютно, ничуть*.

Таким образом, конструкция *ни разу не VP* используется преимущественно с глаголами прошедшего времени и выражает отрицание экспериментивного значения. Одновременно с этим встречаются употребления, для которых не релевантно выделение одного подсобытия, или кванта действия, и подчеркивается именно степень несогласия, экспрессивность отрицания или тотальность. Эти употребления конструкции *ни разу не VP* семантически близки конструкциям *ни разу / ни капли не NP*, которые будут рассмотрены далее.

5. Использование *ни разу не* и *ни капли не* с именами: взаимное влияние конструкций?

5.1. *Ни разу не N* при отрицании неглагольной предикации

Примером конструкции может служить пример (5) в начале статьи и пример (37):

(37) *С условием того, что я ни разу не фотограф, а телефон мой ни разу не фотоаппарат* [ГИКРЯ, 2011].

Этот тип употребления является, по-видимому, относительно новым и возникает вне литературного языка. В НКРЯ таких случаев не зафиксировано. В ГИКРЯ *ни разу не N* встречается достаточно регулярно, однако количество таких примеров намного ниже, чем с глаголами: 12 267 *ни разу не N* из 429 297 всех употреблений *ни разу не*, т. е. 2,58 %. Анализ случайных выборок для *ни разу не NP* дает такую же картину (3 сочетания с существительным из выборки в 100 примеров).

Конструкция *ни разу не N* используется для отрицания неглагольных предикаций, устанавливающих отношения тождества объектов: *X есть Y*. В классификации Хенгевельда [Hengeveld 1992] рассматриваются разные варианты подобных предикаций, обозначающие отождествление референтов, соотнесение с именем (*Эта милая девочка — Маша*, номинативное и денотативное тождество в подходе Н. Д. Арутюновой [1976: 300–304]), приписывание

признака (property assignment) или включение в группу (status assignment) [Hengeveld 1992: 76–98]. Именно последний тип чаще всего сочетается с конструкцией *ни разу не* N.

Семантика конструкции предполагает экспрессивное отрицание принадлежности к категории, выраженной объектом с определенными свойствами: обозначением профессии, социального статуса или этнической принадлежности (*программист, сантехник, еврей, олигарх, аристократка* в примере (38)), идеологических или культурных групп (*феминистка, герой, романтик, фанат*), категорий для неодушевленных объектов (40).

(38) ...она начинает хрипло орать, как совершенно базарная баба, **ни разу не аристократка** [ГИКРЯ, 2013].

(39) ...подпортили впечатление от книги — вдруг начинаются описания секса, которые мне, **ни разу не ханже**, поперек горла встали [ГИКРЯ, 2012].

(40) Левомеколь — **ни разу не крем**. Это антибиотик местного действия [ГИКРЯ, 2008].

Объект, отношения эквивалентности с которым ставятся под сомнение в конструкции *ни разу не* NP, может быть выражен именем собственным, отсылающим к каким-то свойствам прототипа (*Арагорн / Золушка / Фрейд / Москва / (Стивен) Кинг*).

(41) ...буду перечислять то, что творит ее дитя) и которая сама **ни разу не Макаренко** [ГИКРЯ, 2011].

Экспрессивный усилитель отрицания *ни разу* передает иронию, поэтому конструкция *ни разу не* N часто используется, когда говорящий хочет подчеркнуть, что объект по каким-то основаниям не дотягивает до прототипа, как в примере (42), или указывает на скромный уровень своих знаний и возможностей в какой-то области (см. выше пример (37), ср. частое я *ни разу не специалист*).

(42) Варкрафт — очень простая игра, **ни разу не шахматы** [ГИКРЯ, 2008].

Качественно-характеризующее значение конструкции *ни разу не* N позволяет включать в нее, кроме существительных в номинативе в составе именного сказуемого, прилагательные, причастия и предложные конструкции, предикативы.

(43) Современный герб Красноярска **ни разу не** конный (<https://ruskell.sketchengine.co.uk/run.cgi/concordance>).

(44) Я съездила и вернулась, даже **ни разу не задержанная**. Вчера отсыпалась весь вечер, сегодня пишу репортаж [ГИКРЯ, 2012].

(45) Она такая милая, что в черном ей **ни разу не мрачно** [ГИКРЯ, 2012].

Как видно из примеров выше, конструкция *ни разу не* N синонимична именным усилителям отрицания *совсем не*, *ничуть, ни капли* или *вовсе не* и как новая форма используется в контекстах эмпатического отрицания или языковой игры. М. М. Вознесенская и О. И. Северская, одновременно с данной работой обратившие внимание на распространение отрицания *ни разу*, в небольшой заметке отметили сходство выражений *ни разу* и *от слова совсем*. Они даже обнаружили контаминацию этих конструкций в варианте *от слова ни разу*:

(46) Земля *от слова* **ни разу не круглая** [Вознесенская, Северская 2019: 476].

Конструкция *ни разу не* N в современном русском языке представляется самостоятельной синтаксической единицей, отличающейся от рассмотренных в разделе 4 конструкции *ни разу не* V. Однако экспериментальное значение употреблений *ни разу* с глаголами семантически связано с новыми употреблениями в конструкции *ни разу не* N. Ср. пример (47), который может быть трансформирован в я *ни разу не чемпион*.

(47) Я **ни разу** даже чемпионом своего района **не был** (www.wrestrus.ru).

5.2. Конструкция *ни капли не N* в значении ‘совсем’

В сходных контекстах начинает использоваться и усилитель отрицания *ни капли*. В отличие от устоявшихся употреблений в составе счетной конструкции *ни капли* $N_{\text{ген}}$ как в выражении *не пролил ни капли крови*, конструкция *ни капли не N* встречается довольно редко.

- (48) *В результате, сейчас она замужем за прекрасным мужчиной. Он ни капли не поэт. Он хирург* [ГИКРЯ, 2009].

Вероятно, новые контексты использования *ни капли не N* возникают под влиянием конструкции *ни разу не N*, рассмотренной выше. Другим источником свойств *ни капли* в составе конструкции могут служить переходные конструкции с предикативами (*не жалко*), депиктивками или с предложными сочетаниями.

- (49) — *А вы, Маша, ни капли не в обиде на большой спорт — ну, хотя бы на то, что спортсмен неизбежно уходит, и на пьедестал почета поднимается кто-то другой?* [НКРЯ, Зарядка для чемпиона (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.11].

Однако прежде всего *ни капли* в составе данной конструкции является синонимом *ни разу* и сочетается с отрицанием тех же значений, что описаны в разделе 5.1: принадлежность к профессиональной или социальной категории, приписывание признака.

- (50) *Я ни капли не специалист в домашнем и семейном обучении, только интересующийся поклонник... но за школу не заступиться не могу* [НКРЯ, коллективный. Форум: Школьные рамки (2013)].

- (51) *Прогулка по Ботаническому саду показала, что я ни капли не ботаник* [ГИКРЯ, 2011].

Конструкция *ни разу / ни капли не N* наследует и значениям *ни капли*, возникающим в счетной конструкции малого количества, и экспериментивным значениям *ни разу* в конструкции *ни разу не V*.

Заключение

В языках с двойным отрицанием нередко отмечается постоянное усиление отрицания: стирание предшествующих средств усиления отрицания с экспрессивным значением и появление новых элементов в этой функции. Рассмотренные в статье сочетания *ни капли* и *ни разу* демонстрируют такое развитие в русском языке, вслед за отрицательным показателем *ничуть*. Свойства этих элементов по корпусным данным показывают частичное сохранение лексического значения при грамматикализации: *ни капли* встречается со словами, обозначающими жидкости, а счетная природа нового числительного *раз* частично сохраняется в формах *ни разу*.

Употребление показателей *ни капли* и *ни разу* демонстрирует, что в русском языке существует сеть конструкций с этими показателями, влияющими друг на друга. При этом свойства конструкции *ни капли* $N_{\text{ген}}$ связаны со счетной конструкцией для счета малого количества *капля* $N_{\text{ген}}$ и другими синонимичными квантификаторами. Конструкция *ни разу не V* связана с квантификацией повторяющихся действий *X раз V* и указывает на экспериментивные контексты.

Новое явление в разговорном языке — конструкции *ни разу / ни капли не N* в неглагольной предикации. Она выражает отрицание принадлежности к категории, выраженной прототипическим объектом, и некоторых других утверждений тождественности объектов. Сейчас эта конструкция является формой экспрессивного отрицания, и часто используется как элемент языковой игры, однако ее дальнейшее развитие может привести к стиранию экспрессивности и к превращению в еще один усилитель отрицания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка. <http://www.webcorpora.ru/>.
 НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/>.
 ARM — Araneum Russicum Maius. Russian Web corpus. http://ucts.uniba.sk/aranea_about/_russicum.html.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы*. М.: Наука, 1976. [Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning. Issues of logic and semantics]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Баранова 2016 — Баранова В. В. Конструкции со счетными словами и семантическая одушевленность в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2016, 31(1): 84–100. [Baranova V. V. The numeral classifier construction and semantic animacy in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, 31(1): 84–100.]
- Вознесенская, Северская 2019 — Вознесенская М. М., Северская О. И. «Ни разу от слова совсем»: усилительная семантика сленговых аграмматизмов. *Русская грамматика: активные процессы в языке и речи*. Сб. научных трудов Международного научного симпозиума. Степанов В. Н. (ред.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019, 470–480. [Voznesenskaya M. M., Severskaya O. I. “Ni razu ot slova sovsem”: Emphatic semantics of slang agrammatisms. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi*. Proc. of the international symposium. Stepanov V. N. (ed.). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Univ., 2019, 470–480.]
- Падучева 2006 — Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении. *Вопросы языкознания*, 2006, 6: 21–43. [Paducheva E. V. Genitive of the object in negative sentences. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 6: 21–43.]
- Падучева 2013 — Падучева Е. В. *Русское отрицательное предложение*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Рахилина, Ли 2009 — Рахилина Е. В., Ли Су-Хён. Семантика лексической множественности в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2009, 4: 13–40. [Rakhilina E. V., Lee Su Hyoun. Semantics of lexical plurality in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2009, 4: 13–40.]
- Успенский 1997 — Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных. *Семиотика и информатика. Opera Selecta*. М.: Языки славянской культуры, 1997, 146–153. [Uspenskii V. A. On material connotations of abstract nouns. *Semiotika i informatika. Opera Selecta*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 1997, 146–153.]
- Brems 2003 — Brems L. Measure noun constructions: An instance of semantically-driven grammaticalization. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2003, 8(2): 283–312.
- Brems 2007 — Brems L. The grammaticalization of small size nouns: Reconsidering frequency and analogy. *Journal of English Linguistics*, 2007, 35(6): 293–324.
- Brems 2011 — Brems L. *Layering of size and type noun constructions in English*. Boston: Mouton de Gruyter, 2011.
- Giannakidou 2000 — Giannakidou A. Negative... concord? *Natural Language and Linguistic Theory*, 2000, 18: 457–523.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. E. *A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Grenoble 1992 — Grenoble L. Double negation in Russian. *Linguistics*, 1992, 30(4): 731–752.
- Hengeveld 1992 — Hengeveld K. *Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.
- Timberlake 1975 — Timberlake A. Hierarchies in the genitive of negation. *Slavic and East European Journal*, 1975, 19: 123–138.
- Willis 2006 — Willis D. Negation in Middle Welsh. *Studia Celtica*, 2006, 40(1): 63–88.
- Zeijlstra 2007 — Zeijlstra H. Negation in natural language: On the form and meaning of negative elements. *Language and Linguistics Compass*, 2007, 1: 498–518.

Интервальная модель русской метрики и строгий тонический стих

© 2021

Евгений Маркович Брейдо

BE-Tech., Inc., Нью-Йорк, США; genebreydo@yahoo.com

Аннотация: Цель данной работы — дать краткое описание интервального подхода к метрике, а также исследовать новый стихотворный размер, открытый с помощью этого подхода. Он назван строгим тоническим стихом и по степени расшатанности следует сразу за тактовиком. Статья состоит из двух частей. В первой части излагаются основные положения интервальной модели (ИМ) — последовательного формального описания русской метрики. Главное в ИМ — исследование междуиктового интервала и классификация метрических форм в соответствии с принимаемыми им значениями. Основное преимущество предлагаемой модели в том, что принцип классификации, положенный в ее основу, позволяет открывать новые стихотворные размеры. Во второй части разбирается один из открытых таким образом размеров — строгий тонический стих. Это первый русский размер, «выведенный» теоретически, а не «услышанный» или «замеченный» исследователями. В результате полного обследования стиха Маяковского была выделена группа из 65 стихотворений: 2831 строка, написанная СТС. Было обнаружено два типа строгого тонического стиха Маяковского с разным набором междуиктовых интервалов. Также был исследован представленный в Национальном корпусе русского языка акцентный стих Холина, Бродского и Рейна. Кроме того, рассмотрены стихи десяти поэтов с различным метрическим репертуаром, написанные на протяжении всего XX столетия. Данные сведены в таблицы и представлены на диаграммах. Индивидуальные параметры строгого тонического стиха у каждого из упомянутых авторов различны, но принадлежность всех этих текстов к одному стихотворному размеру не вызывает сомнений. В данной работе показана распространенность СТС в русской поэзии XX в., однако детальное изучение строгой тоники отдельных поэтов и генезиса этого размера заслуживает отдельного исследования.

Ключевые слова: акцентный стих, метрика, русская поэзия, стих, тонический стих, формализация

Благодарности: Выражаю самую искреннюю благодарность рецензентам за полезные советы и замечания, которые старался учесть.

Для цитирования: Брейдо Е. М. Интервальная модель русской метрики и строгий тонический стих. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 106–136.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.106-136

Interval model of Russian metrics and strict tonic verse

Eugene M. Breydo

BE-Tech., Inc., New York, USA; genebreydo@yahoo.com

Abstract: The purpose of this paper is to give a short description of the interval approach to Russian metrics and investigate a new tonic meter discovered using this approach. It is called strict tonic verse (STV) and follows closely the taktovik in its looseness. The paper contains two parts. In the first part, main postulates of the Interval Model (IM), i.e. a formal linguistic-oriented theory of Russian metrics, are described. The most important in IM is studying of interict intervals and classification of metric

forms according to their values. The main advantage of the given model is that the underlying principle of its classification allows us to discover new metric forms. In the second part, one of the meters discovered by this method is analyzed, namely the strict tonic verse (STV). This is the first Russian meter that has been discovered theoretically and not intuitively perceived or “noticed” by poets or researchers. As a result of corpus analysis of all Mayakovsky’s poems a group of 65 poems, comprised of 2831 lines, written in STV has been identified. Two types of STVs with different sets of interict intervals have been discovered. We have also analyzed the tonic verse of Choline, Brodsky and Rein in the Russian National Corpus. Poems of 10 authors with very different metric repertoire written in the course of the 20th century have been analyzed as well. These data are presented in statistical tables and diagrams. Individual parameters of strict tonic verse for each of these authors are different, but there is no doubt that all these texts represent one verse meter. In the present paper, the popularity of STV in the Russian poetry of the 20th century is established, but a detailed analysis of strict tonics by different poets and of the genesis of this meter deserves a separate study.

Keywords: accentual verse, formalization, metrics, Russian poetry, tonic verse, verse

Acknowledgements: I am very grateful to the anonymous reviewers for their useful suggestions and remarks which I tried to account to the best of my abilities.

For citation: Breydo E. M. Interval model of Russian metrics and strict tonic verse. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 106–136.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.106-136

Интервальная модель

Интервальная модель (ИМ) была достаточно детально изложена в статье [Брейдо 1996а], но после четвертьвекового перерыва, видимо, имеет смысл напомнить основные положения той работы, тем более что некоторые ее элементы теперь переосмыслены автором.

Как известно, системы стихосложения различаются в зависимости от признаков, по которым сравниваются стихотворные строки. В силлабике строки сопоставляются по числу слогов, в тонике — по числу ударений, в силлаботонике — по числу стоп.

Стопа — повторяющееся сочетание сильного и слабых мест. Стопа в силлаботонике может быть двусложной (одно сильное место и одно слабое) и трехсложной (одно сильное место и два слабых). Число слогов в стопе постоянно.

В дольник и тактовике тот же принцип (чередование сильных и слабых мест) был применен к стиху другой структуры. Оказалось, что он работает, только вместо постоянной стопы мы получили переменные, хотя и регулярно повторяющиеся, группы сильных и слабых мест (доли, такты), вместо одного интервала между сильными местами (единица для двусложников и двойка для трехсложников) — несколько (два для дольника и три для тактовика). Этот подход последовательно разрабатывался М. Л. Гаспаровым [1963; 1968а; 1968б; 1974: 398–468], в статье [Брейдо 1996а] и данной работе он систематизируется и развивается с использованием отчасти другой терминологии.

Среди набора параметров, обычно используемых для описания стиха: анакруса, клаузула, пропуск метрического ударения, междуиктовый интервал — выделим последний. Именно он является метрообразующим. Для метров того уровня расшатанности, о которых пойдет речь ниже, классическая метрическая схема оказывается все менее полезной по мере удаления от силлаботоники (для которой она исходно была построена), и постепенно междуиктовый интервал становится основным признаком, ясно показывающим урегулированность стиха. Другие признаки не исчезают, но либо они зависимы от междуиктового интервала, как, например, пропуск метрического ударения, либо их роль в построении метра снижается. Хотя слово «метр» удобно и мы продолжим его употреблять, но все же метр в тоническом стихе не совсем то, что в силлаботонике. Метрическая регуляция здесь гораздо слабее, метр перестает быть жестким, в нем возникают вариации, разброс значений, т. е. собственно метр оказывается подвержен особому ритму.

Интервалы могут быть какими угодно, важно только количество разных интервалов в тексте. Так, дольник всегда содержит два междуиктовых интервала, однако сами интервалы бывают не только 1 и 2 и 2 и 3, но также 0 и 2 слога. В последнем случае это логаядический дольник типа «Сегодня дурной день / Кузнечиков хор спит...» [Мандельштам 1990: 75]. Об этом размере именно как о долнике в одной из относительно недавних статей подробно писал В. А. Плунгян [2008], также он был упомянут в нашей работе [Брейдо 1996а]. Однако встречаются и более маргинальные формы долника, например, такие как логаяд Р. Рождественского [1985] «Я сегодня до зари встану / По широкому пройду полю» (долник (3, 0)). Если кто-то начнет писать стихом с интервалами 0 и 4 слога, он также будет сочтен долником по родовому признаку — двум междуиктовым интервалам.

Такое понимание метрической формы не совпадает с общепринятым, поскольку традиционно долником принято считать просто стих с междуиктовыми интервалами 1 и 2 слога. Но предлагаемая классификация представляется более удобной и последовательной: все существующие формы стиха занимают в ней свое место, ни одна не теряется, появляется потенциал для предсказания не описанных на данный момент размеров, а маргинальные формы определяются как равноправные.

Конечно, логаядические долники встречаются довольно редко, но приведенные примеры служат своего рода критическими точками, на которых отчетливо видны принципы классификации.

Соответственно, в тактовике три интервала. Обычно это тактовик (1, 2, 3), хотя возможны и комбинации, включающие нулевой интервал.

В данной метрической модели стихотворные формы определяются с одной точки зрения, в единой системе координат. Тут вполне естествен упрек воображаемого оппонента, что одинаково названные формы звучат совершенно по-разному. Это и правда нередко случается, причем даже не только в разных формах, но просто в пределах одного метра, и объясняется тем, что стихотворная форма описывается не одним признаком, а системой взаимосвязанных параметров. Метр самый заметный из них, но никоим образом не исчерпывающий.

Используем данный подход для тонического стиха. Если в тактовике три интервала, то в урегулированном акцентном стихе их должно быть четыре.

В результате полного обследования стиха Маяковского была выделена группа из 65 стихотворений, 2831 строка, удовлетворяющая этому условию. Покажем на примере, о чем идет речь:

По Красному морю плывут каторжане (Амф 4)

По Красному морю плывут разбойники (Дк 4)

По Красному морю плывут американцы (Тк 4)

По Красному морю плывут пуэрторианцы (СТС)

Мы переделывали строчку Маяковского, последовательно конструируя разные типы стиха. Первые три — известные метрические группы, соответственно, с одним (амфибрахий), двумя (долник), тремя (тактовик) типами интервалов. (В нашем условном примере каждый раз добавляется новый тип интервала.) В последней строчке появляется четырехсложный интервал — признак нового типа стиха. Следующее четверостишие именно таким стихом и написано:

Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь,   СТС
бухгалтер или бухгалтера помощница,
ты, чье лицо от дел и тощищи
помятое и зеленое, как трешница.

(В. Маяковский, «Теплое слово кое-каким порокам», 1915)

Ритмическая схема:

.1.1.4.1.1

1.4.4.2

.2.1.2.1

1.4.3.2

Здесь есть междуударные интервалы четырех типов — 1, 2, 3, 4, но за пределы четырех слогов междуударный интервал нигде не выходит.

Стих с четырьмя типами интервалов (как правило, 1, 2, 3, 4) назовем строгим тоническим стихом¹.

Теперь мы получили построенную по одному принципу классификацию всех известных на сегодняшний день метрических форм, начиная от силлаботоники². Сведем данные в таблицу 1.

Для более подробного знакомства с интервальной моделью русской метрики отсылаем читателя к статье [Брейдо 1996а], а сами переходим к описанию нового типа стиха.

¹ Похожий термин использовал Дж. Бейли — он обозначил тактовик как *strict accentual verse* [Bailey 1973; 1975; Бейли 2004: 253]. В бытность Джеймса Бейли в Москве в середине 1990-х (году в 95-м или около того) я спрашивал его о размере «Разговора с фининспектором о поэзии» (термин *strict accentual verse* возник в связи с разбором именно этого стихотворения Маяковского). Бейли сказал мне, что «Разговор с фининспектором...» — тактовик. Я старался его убедить, что это другой размер, поскольку мне было понятно, что в тактовик он никак не укладывается, но Джим был твердо уверен. Поскольку этот разговор происходил через много лет после опубликования его статьи о «Разговоре с фининспектором...» и впоследствии он вроде бы к этой теме не возвращался, не думаю, чтобы его мнение могло измениться. Но поскольку термин *strict accentual verse* для определения тактовика не получил особой популярности, а для тонического стиха он кажется естественным, не станем придумывать новых искусственных названий и будем пользоваться сочетанием «строгий тонический стих» для обозначения четырехинтервального акцентного стиха.

² Образование новых форм согласно интервальной модели ограничено объемом междуударных интервалов в стихе и частотой их употребления. Поскольку интервалы в 5, 6 и более слогов встречаются реже прочих, стихотворений, где эти интервалы являются стихообразующими, немного. Если 5-интервальная тоника (с интервалом в 5 слогов) еще встречается, хотя исчезающе редко, что не позволило пока включить ее в нашу таблицу, то стихотворений с выдержанными шестью интервалами автору этих строк встретить не удалось. Обычно интервалы больше четырех сшиваются в одном стихотворении, не давая преимуществ ни одному из них. Это чистый акцентный стих. Он не является метрически урегулированным. Вот пример рассматриваемого типа стиха (В. Маяковский «Гимн ученому», 1915):

<i>И солнце интересуется, и апрель еще,</i>	1.4.4.1.
<i>даже заинтересовало трубочиста черного</i>	.6.3.1.2
<i>удивительное, необыкновенное зрелище —</i>	2.7.2.2
<i>фигура знаменитого ученого.</i>	1.3.3.2

Заметим, что, с нашей точки зрения, метрически неурегулированный акцентный стих без рифмы — совершенно необязательно верлибр. Дело в том, что строка в верлибре не оглядывается на метр и ни на что не делится, она сама по себе является минимальной единицей стиха. Верлибр — это отдельная система стихосложения, основанная на отказе автора от соизмеримости строк: по длине, числу ударений, междуударным интервалам и т. д. Но этот вопрос заслуживает подробного изложения, и разбирать его в пределах настоящей статьи не представляется возможным.

Таблица 1

Метрические формы

	Силлаботоника		Тоника		Строгий тонический стих (СТС)
	Двусложник	Трехсложник	Дольник (Дк)	Тактовик (Тк)	
Интервалы	1	2	0, 1, 2, 3	0, 1, 2, 3	0, 1, 2, 3, 4
Количество разных междуиктовых интервалов в тексте	1	1	2	3	4

Строгий тонический стих

Кроме упомянутого корпуса Маяковского, был обследован тонический стих И. Холина, И. Бродского, Е. Рейна, также сделана выборка из стихов десяти поэтов: В. Брюсова, В. Набокова, И. Северянина, П. Кирсанова, П. Васильева, Л. Мартынова, Н. Заболоцкого, И. Елагина, Е. Евтушенко, А. Парщикова. В выборку включалось одно или несколько стихотворений каждого автора.

Интервальный подход предполагает существование строгого тонического стиха — данная гипотеза подтвердилась в результате исследования акцентного стиха Маяковского [Брейдо 1996б]. Как будет показано в следующем разделе, корпус СТС Маяковского довольно значителен по объему и составляет большую часть его тоники.

Обследование акцентного стиха 13 поэтов было проведено, чтобы понять, насколько данный размер распространен в русской поэзии, был ли Маяковский его первооткрывателем и не оказался ли единственным, кто его разрабатывал. Стихи выбранных поэтов охватывают практически весь XX в.

Строгая тоника Маяковского:
трех-/четырёхиктный стих

Одна из особенностей строгого тонического стиха в том, что точное число иктов в нем обычно не соблюдается. 3-, 4-, 5- или 6-иктной тоникой написано достаточно мало стихов. Как правило, они перемешаны, хотя то или иное число иктов часто преобладает. Так же велик разброс междуударных интервалов. Поэтому вполне понятна позиция М. Л. Гаспарова [1967; 1974: 398–468], который детально обследовал акцентный стих Маяковского. Обладая тонким ритмическим чутьем, он вряд ли мог не видеть его неоднородность, но не концентрировался на ней и не разделил его на части. Ему казалось более естественным считать этот стих «областью ритма, а не метра» [Жирмунский 1925: 184–185]. Однако несмотря на сильную расшатанность, при последовательном интервальном подходе в этом стихе совершенно безусловно выделяются разные группы.

Дж. Бейли разбирал «Разговор с фининспектором о поэзии» [Bailey 1973] и счел данный текст тактовиком (см. также сноску 1). Гаспаров считал, что это четырехударный акцентный стих. В одной из недавних работ И. А. Пильщиков [2017] снова разбирает «Разговор с фининспектором...» и не соглашается с выводами, сделанными Дж. Бейли. Он обнаруживает в тексте пропущенные икты и сверхсхемные ударения и делает вывод, что в стихотворении есть гипотетический метр. В конце статьи он несколько обобщает свой вывод

и говорит, что метр есть в любом равноударном акцентном стихе. Последнее утверждение представляется спорным: если стих в основном равноударный, есть соблазн думать, что в строке с недостающим ударением и слишком длинным междуударным интервалом ударение пропущено, а если в строке, наоборот, на ударение больше, счесть его сверхсхемным, но как можно говорить об отклонениях от метра, если не знаешь самого метра? Очень похоже на телегу, поставленную впереди лошади. В то же время, как будет показано ниже, метр может быть и в неравноударном тоническом стихе. С другой стороны, в единой стиховой ткани, конечно, нет резкого дискретного противопоставления метричности/неметричности. Какие-то элементы метра могут присутствовать в любых текстах, хотя бы и лишенных собственно метрической урегулированности, так что в этом смысле догадка Пильщикова верна. К сожалению, он, видимо, не был знаком с нашими работами об акцентном стихе Маяковского [Брейдо 1996а; 1996б], где СТС описан как метр с четырьмя интервалами в отличие от трех у предыдущего по степени расшатанности тонического метра — тактовика, и двух у дольника. Что касается «Разговора с фининспектором...», то с точки зрения интервальной модели это строгий тонический стих с 16 строками дольника, 60 строками тактовика, 32 строками строгого тонического стиха и 12 просто акцентными (всего 120). Так что здесь разногласий с разбором Пильщикова не возникает, кроме того, что метр стихотворения определяется вполне точно. Анализировать его подробно после стольких детальных разборов, думается, нет смысла, поскольку дело не в различной интерпретации отдельных строк, а в целостном подходе. Но разобрать стихотворение, написанное СТС, все же нужно.

Пример строгого тонического стиха

Как отмечено выше, при исследовании тонического стиха в качестве основного параметра был выбран объем междудиктового интервала или, в нашей терминологии, количество интервалов в тексте. Рассмотрим пример четырехинтервального стиха.

Теплое слово кое-каким порокам (почти гимн)

<i>Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь,</i>	1.1.4.1.1	СТС
<i>бухгалтер или бухгалтера помощница,</i>	1.4.4.2	
<i>ты, чье лицо от дел и тощицы</i>	2.1.2.1	
<i>помятое и зеленое, как трешница.</i>	1.4.3.2	

<i>Портной, например. Чего ты ради</i>	1.2.1.1.1	Тк
<i>эти брюки принес к примерке?</i>	1.2.1.1	
<i>У тебя совершенно нету дядей,</i>	2.2.1.1.1	
<i>а если есть, то небогатый, не мрет и не в Америке.</i>	3.3.2.3.2	

<i>Говорю тебе я, начитанный и умный:</i>	2.2.1.3.1	Тк
<i>ни Пушкин, ни Щепкин, ни Врубель</i>	1.2.2.1	
<i>ни строчке, ни позе, ни краске надуманной</i>	1.2.2.2.2	
<i>не верили — а верили в рубль.</i>	1.3.2.	

<i>Живешь уютюжить и ножницами раниться.</i>	1.1.2.3.2	Тк
<i>Уже сединою бороду перевил,</i>	1.2.1.2.2	
<i>а видел ты когда-нибудь, как померанец</i>	1.3.2.2.1	
<i>растет себе и растет на дереве?</i>	1.1.2.1.2	

<i>Потеете и трудитесь, трудитесь и потеете, выделятся и втянутся какие-то дети, мальчики — бухгалтеры, девочки — помощницы, те и те будут потеть, как потели эти.</i>	1.3.2.4.2 .4.3.2.1 .3.2.3.2.2 .2.2.1.1	СТС
<i>А я вчера, не насилуемый никем, просто, снял в «железку» по шестой руке три тысячи двести — со ста.</i>	1.1.2.4. .1 .1.3.1. 1.2.1.1	СТС
<i>Ничего, если, приложивши палец ко рту, зубоскалят, будто помог тем, что у меня такой-то и такой-то туз мягко помечен ногтем.</i>	2.4.1.2. 2.1.2.1 3.1.3.1. .2.1.1	СТС
<i>Игроческие очи из ночи блестели, как два рубля, я разгружал кого-то, как настойчивый рабочий разгружает трюм корабля.</i>	1.3.2. 1.4. (1.2.1.) 3.1.3.3.1 2.1.2.	Тк
<i>Слава тому, кто первый нашел, как без труда и хитрости, чистоплотно и хорошо карманы ближнему вывернуть и вытрясти!</i>	.2.1.2. .2.1.2 2.4. (2.1.2.) 1.1.2.3.2	Тк
<i>И когда говорят мне, что труд и еще и еще, будто хрен натирают на заржавленной терке, я ласково спрашиваю, взяв за плечо: «А вы прикупаете к пятерке?» (1915)</i>	2.2.2.2.2. .1.2.3.2.1 1.2.3.2. 1.2.3.1	Тк

Стихотворение из 10 строф по 4 строки в каждой, 6 строф написаны тактовиком, 4 — строгим тоническим стихом. Поскольку СТС написано больше 25 % строк, считаем весь текст строгим тоническим стихом.

Тут уместно подробнее остановиться на технической стороне дела.

Тонический стих включает строки разных размеров. Кроме того, стихотворный текст может быть разной длины и очень по-разному организован. Встает вопрос, как же при этих условиях определить размер всего текста. Для этого понадобится два соглашения, которые кажутся разумными. Во-первых, если текст разбит на какие-то естественные контексты: четверостишия или другие строфы, выделенные фрагменты и т. д., — то можно определить отдельно размер каждого из таких микротекстов, а размер всего текста будет определяться исходя из их уже определенных размеров. Во-вторых, размер текста должен определяться по числу наиболее расштатанных строк, и число это интуитивно-опытным путем установлено в 20–25 % строк рассматриваемого текста. Будем стараться придерживаться верхней границы. Стихотворения, не преодолевшие порог, считаются переходными формами. Т. е., если взять стихотворение, в котором четверть строк написана силлаботоникой, половина дольником и четверть строгим тоническим стихом, то будем считать, что все стихотворение написано строгой тоникой. Нужно оговориться, что у этого подхода есть и недостатки: в случае Маяковского естественным контекстом, микротекстом является четверостишие, но это не всегда так у других авторов, поэтому часто приходится просто отмерять четверть строк стихотворения, все же обращая внимание на то, как они расположены. В других случаях разбивка на контексты есть, но она нерегулярна. Наконец, если

в стихотворении число строк наиболее расштанного размера существенно больше четверти, будем считать, что весь текст написан именно этим размером независимо от размеров контекстов. Теперь, оговорив необходимые условия, вернемся к нашему тексту.

Все стихотворение примерно соответствует частой у Маяковского структуре ударений 4/3 [Гаспаров 1974: 467]. Обратим внимание на акцентные строфы. Это 1-я, 5-я, 6-я и 7-я.

Рассмотрим первую строфу. В первой строке 5 ударений, в третьей 4, во второй и четвертой — по 3. В первой строке один четырехсложный интервал. Интервал в 4 слога характерен как для строгого тонического стиха, так и для дольника. В строгом тоническом стихе это нормальный метрический интервал, а в дольнике — ритмическая форма с пропуском ударения. Следовательно, первая строка двойственная, т. е. нельзя определить ее метрическую форму, исходя только из нее самой. В данном случае в пользу СТС говорят два внешних соображения: первое — если считать строку дольниковой, то это будет 6-иктный дольник, явление весьма редкое, а у Маяковского вовсе небывалое, второе — стих Маяковского преимущественно четырехударный, поэтому растягивать строчку в 5 ударений, и так достаточно редкую, до шести, интерпретируя ее как ритмическую форму, кажется насилием над материалом. Оба эти соображения представляются достаточно основательными, чтобы счесть рассматриваемую строку строго тонической и поступать в подобных случаях аналогично, специально не объясняя этого. Во второй строке два четырехударных интервала и односложная анакруса. Она трехударная и, казалось бы, можно считать ее формой дольника, таким способом растягивающегося до 4-иктного, но, как только что было отмечено, схема ударений 4/3 в смежных строках характерна для поэта, и рассматриваемое стихотворение написано примерно по этой схеме. К тому же, в строке 2 четырехсложных интервала, т. е. она стала бы не 4-, а 5-иктным дольником. Таким образом, придется и ее тоже считать строго тонической. Третья строка дольникова — ее схема .2.1.2.1, а четвертая снова строго тоническая (по тем же соображениям, что и вторая). Получается, что три из четырех строк в строфе строго тонические, это на 2/3 больше, чем достаточно, чтобы воспринимать ее как строгую тонику. Заметим, что междуударные интервалы в ней не превышают четырех слогов.

Перейдем к следующей тонической строфе. По счету она пятая. Строфа четырехударная (кроме третьей строки). В первой строке представлены три типа интервалов — 2, 3 и 4 (и анакруса в один слог). По соображениям, изложенным выше, считаем ее строго тонической. Вторая строка с интервальной точки зрения повторяет предыдущую: интервалы 2, 3 и 4, только в другом порядке. Разница в том, что анакруса нулевая, а клаузула односложная (в отличие от двусложной в предыдущей строке). Естественно, она тоже квалифицируется как строго тоническая. Следующая строка — тактовиковая, с двумя трехсложными интервалами, двумя двусложными и двусложной клаузулой (пять ударений, анакруса также нулевая). На клаузуле есть возможность поставить ударение — *mé (u mé)* (1.), оно будет сверхсхемным, но кажется более естественным следовать за рифмой (*téete*) и последний слог атонировать. Четвертая строка — дольникова: два двусложных интервала и один односложный (анакруса нулевая). Представленный в строфе набор интервалов — 1, 2, 3, 4.

Рассмотрим следующую строфу. Ее можно назвать тяготеющей к схеме 4/3. Первая и третья строки четырехударные, четвертая трехударная, а вторая одноударная, что несколько выбивается из общего ритма. В первой строчке интервалы 1, 2 и 4 с односложной анакрусой. В силу четырехударности ее можно отнести только к строгой тонике. Следующая строка одноударная, укладывается в схему хоря. В третьей строке интервалы 1, 3, 1 (анакруса нулевая). Это тактовик (из-за четырехударности ее нельзя счесть ритмической формой пятистопного хоря). Последняя строчка с интервалами 2 и 1 и односложной анакрусой — дольник (что очевидно). Таким образом, из четырех строк только одна тоническая. Это 25 %, т. е. ровно столько, сколько нужно, чтобы отнести строфу к той или иной метрической форме.

Перейдем к следующей строфе. Она написана точно по схеме 4/3. Первая строка четырехударная. Интервалы в ней 4, 1, 2 (анакруса двусложная). Следуя написанному выше, определяем ее как строго тоническую. Вторая и четвертая строки трехударные, с набором

интервалов 1 и 2 и анакрусами, соответственно, 2 и 0. По определению они могут быть только дольниками. Третья строка четырехударная с интервалами 1, 3, 1 и длиной трехсложной анакрусой. По схеме, учитывая количество ударений, она укладывается только в тактовик (счесть ее шестистопным ямбом было бы неестественным по тем же причинам, что и третью строку в предыдущей строфе). Вся строфа написана строгим тоническим стихом, т. к. одна строка (25 %) строго тоническая.

Остальные строфы укладываются в тактовик (1, 2, 3). Обратим внимание на 8-ю строфу. Нечетные строки в ней тактовиковые, последняя строка — дольник, но представляет интерес вторая строка. Второй интервал в ней — 4, что, казалось бы, должно делать ее строгой тоникой, однако, в этой строке всего два ударения, а в других строках четверостишия — 3 и 4, то же число преобладает и в остальном тексте. Числительное *два*, которое приходится на середину четырехсложного интервала, — двойственное слово и может тонироваться или атонироваться в зависимости от интервала³, но в данном случае оно попадает на икт, поэтому ритмическая схема может выглядеть и так: 1.2.1. В нашем разборе этот вариант указан в скобках. Следовательно, естественно считать эту строку не строгой тоникой, но дольником с четырехсложным интервалом. Таким образом, вся строфа — тактовиковая (две тактовиковых строки и две дольниковых), перед нами же пример пропуска метрического ударения в строгом тоническом стихе. В третьей строке следующей, 9-й строфы так же пропущено схемное ударение. Она тоже двухударная, но трехиктовая — 4-сложный интервал в ней не строго тонический, а дольниковый. В скобках указан поясняющий вариант схемы: 2.1.2. В строфе одна тактовиковая строка и три дольниковых, считая третью. Следовательно, вся она укладывается в тактовик.

Как видно из написанного выше, данное стихотворение содержит четыре типа интервалов — 1, 2, 3, 4. В нем нет ни интервалов больше четырех, ни нулевого, и его нельзя интерпретировать как дольник. Т. е. это типичный пример строгого тонического стиха.

Строгий тонический стих Маяковского

Для работы были взяты все стихотворения Маяковского, написанные тоническим стихом, и 5-я глава поэмы «Хорошо» (тексты брались по собранию [Маяковский 1958]). Было проанализировано 6249 строк. Из них строгим тоническим стихом типа (1, 2, 3, 4) написано 65 стихотворений (2831 строка) и строгим тоническим стихом типа (0, 1, 2, 3) — 8 стихотворений (397 строк). Все вместе — чуть больше половины акцентного стиха Маяковского. Полный перечень стихотворений, написанных строгим тоническим стихом (1, 2, 3, 4), приведен в таблице 21 в Приложении. В таблице указано число силлабо-тонических, дольниковых, тактовиковых, строго тонических строк, а также строк, написанных акцентным стихом с интервалами в ноль и 5 и более слогов для каждого стихотворения (будем называть это наполнением стиха)⁴.

³ По правилам тонирования / атонирования слов в зависимости от длины и грамматических характеристик, разработанных В. М. Жирмунским для силлаботоники, двойственное слово обычно тонировается в длинном интервале, которым считается интервал, превышающий 3 слога. Однако, для тонического стиха длина интервала, естественно, должна увеличиваться: при наличии регулярного метрического интервала в 4 слога длинным представляется разумным считать интервал, превышающий уже не 3, а 4 слога.

⁴ Цель данной работы — выделение строгого тонического стиха из общего объема акцентного стиха Маяковского. Поэтому многие особенности стиха Маяковского оказались за ее пределами. Но они описаны в работах ряда авторов, к которым и отсылаем читателя (поскольку работы М. Л. Гаспарова были упомянуты ранее, здесь мы на них не ссылаемся): [Якобсон 1923; Штокмар 1952; Никонов 1958; Колмогоров 1963; Жовтис 1971] и др.

В таблице 2, приведенной ниже, указано общее число строк и число строк каждого типа для исследуемых групп стиха, а также эти же данные в процентах для удобства сопоставления. Для большей наглядности таблица проиллюстрирована диаграммой — рис. 1.

Основные обозначения:

С-Т — силлабо-тонические строки;

Дк — дольниковые строки;

Тк — тактовиковые строки;

СТС — строки, написанные строгим тоническим стихом. Как отмечено выше, встречается строгий тонический стих двух типов: наиболее распространенный стих типа (1, 2, 3, 4) и достаточно редкий стих типа (0, 1, 2, 3);

Акц — строки, написанные акцентным стихом.

Таблица 2

Строгий тонический стих типа (1, 2, 3, 4)

Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц
2831	30	544	906	1002	349
%	1,06	19,22	32	35,39	12,33

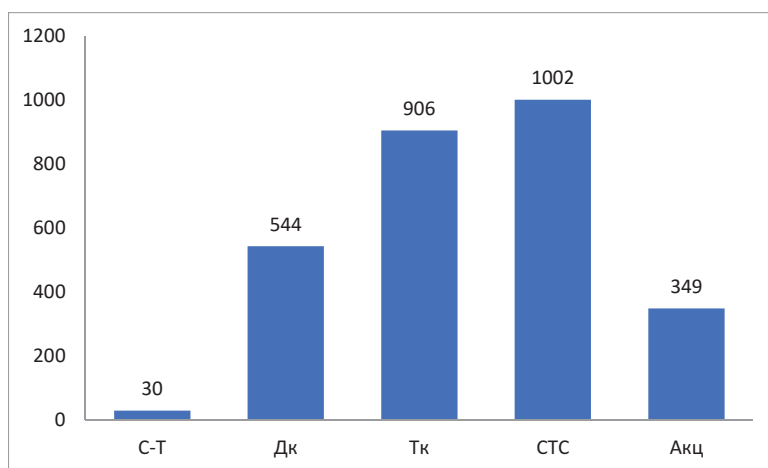

Рис. 1

Из таблицы и диаграммы видно, что в выбранном корпусе больше всего строк СТС — их число превышает треть (35,39 %), близко к ним количество тактовиковых строк — чуть меньше трети (32 %), дольниковых существенно меньше — около 20 % (19,22 %), акцентных немного больше 10 % (12,33 %) и совсем мало силлабо-тонических строк (1 %). Как будет видно ниже, в другой группе строгого тонического стиха Маяковского соотношение дольника и тактовика меняется.

Приведем также средние данные по общему числу строк в стихотворении и числу строк каждого из рассматриваемых типов — результат деления общего числа строк на количество стихотворений для каждого параметра.

Как видно из таблицы 3 (с. 116), средние данные в процентном выражении практически точно повторяют суммарные.

Рассмотрим теперь другую разновидность строгого тонического стиха. Это небольшая группа стиха типа (0, 1, 2, 3). Роль четырехударного тонического интервала в ней играет

Таблица 3

Средние данные по числу строк и наполнению стиха

Среднее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц
43,55	0,46	8,37	13,94	15,42	5,37
%	1,05	19,22	32	35,4	12,33

нулевой интервал. Заметим, что подобные группы есть и в дольнике (дольник (0, 2), упомянутый выше) и в тактовике (тактовик типа (0, 1, 2), который отмечен в [Гаспаров 1974: 305]). Результаты сведены в таблицу 4.

Таблица 4

Строгий тонический стих типа (0, 1, 2, 3)

№	Название стихотворения	Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц
1	Мысли в призыв	28	0	0	12	12	4
2	Скрипка и немножко нервно	24	0	4	14	6	0
3	Ко всему	72	0	4	28	28	12
4	100 %	60	0	32	12	12	4
5	«Жид»	87	0	32	27	16	12
6	Крым	48	0	12	8	20	8
7	Помощь Наркомпросу, Главискусству в кубе, по жгучему вопросу, по вопросу о клубе	40	0	8	8	16	8
8	Баллада о бюрократе и о раборе	38	0	22	0	16	
Итого:		397	0	114	109	126	48
%		100	0	29	27	32	12

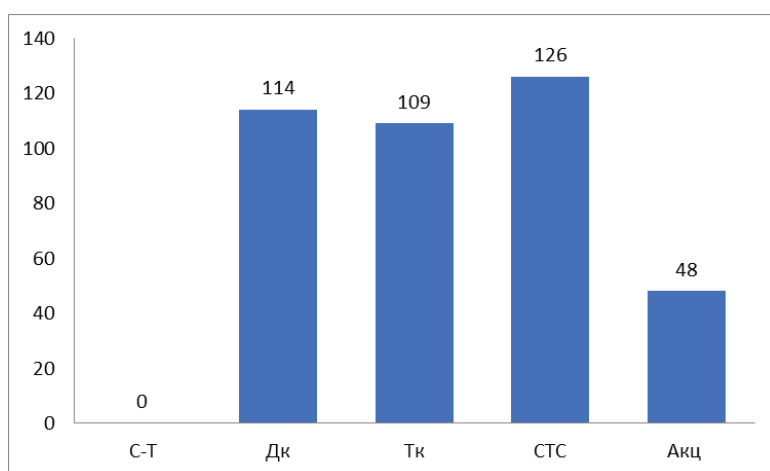

Рис. 2

По сравнению с основным корпусом Маяковского эта группа невелика, но она существует, поэтому нужно было привести пример такого типа стиха. В этой группе также больше всего строк строгого тонического стиха, но в отличие от стиха типа (1, 2, 3, 4) следом за ним идет дольник, а затем тактовик, хотя отличия не так велики — как видно на диаграмме, эти три группы вполне сопоставимы. Доля акцентных строк такая же, а силлаботоники вовсе нет.

Теперь, когда существование строгого тонического стиха можно считать доказанным, посмотрим, насколько он разнообразен.

Игорь Холин: разноиктный строгий тонический стих

Для обследования стиха И. Холина использовался корпус его акцентного стиха, представленный в [НКРЯ] (описание поэтического корпуса в рамках НКРЯ, структура, перспективы использования, принципы разметки текста и т. д. см. здесь [Гришина и др. 2009], о репрезентативности поэзии XX в. в поэтическом корпусе НКРЯ см. [Корчагин 2015]). Из 98 стихотворений было выбрано 26, написанных СТС. Все стихи написаны с 1959 по 1989 г. Стихи Холина короткие, самое большое — 13 строк, самое маленькое — 6. Для акцентного стиха это нехарактерно и контрастирует с длинными стихами Маяковского, у которого, как отмечено выше, средняя длина стихотворения, написанного СТС, 43 строки. Еще одна особенность Холина — разноиктный стих. Число иктов колеблется от одного до семи, причем такой разброс возможен и в одном стихотворении («Одесса / Южная окраина / России») в пределах 13 строк. Можно ли говорить о метрической регулярности в стихе такой разной длины?

Этот вопрос кажется неизбежным, поэтому следует сразу на него ответить. Стихи, написанные ямбом разной длины, мы назовем вольным ямбом — спора о метре здесь не возникнет. Можно возразить, что в случае ямба метр во всех строках одинаковый. Верно, но почему это меняет дело и почему вообще важно? Дело в том, что у метра есть не только горизонтальная, но и вертикальная составляющая. Когда мы говорим, что стихотворение написано таким-то размером, то имеем в виду одновременно и горизонтальное деление строки и то, что все строки этого стихотворения написаны тем же размером. Они вовсе не должны быть логаздичны, однако метр обычно является основным, инвариантным ритмом каждой строки стихотворения. Речь, разумеется, идет о силлаботонике. Таким образом, поскольку метр однороден, ритмическое ожидание, возникающее при чтении первых строк, в дальнейшем подтверждается, т. е. горизонтальная и вертикальная составляющие взаимно дополняют друг друга. И хотя чередование строк разной длины может влиять на осуществление ритмического ожидания, наличие метра не вызывает сомнений.

Любой не силлабо-тонический размер состоит из набора ритмически разных строк, укладываемых в данный размер, одного инвариантного метра нет. Нельзя сказать, что в этом случае ритмическое ожидание совсем исчезает, но оно огрубляется и становится куда сложнее, вариативнее, вертикальная составляющая перестает работать простым «эхом» размера. Большой разброс междударных интервалов от строки к строке воспринимается просто как еще одна, дополнительная вариация. На этом фоне возрастает роль стоп, долей, тактов, обобщенно — интервалов, т. е. горизонтальных метрических ограничений в каждой отдельной строке, поскольку они должны как бы компенсировать вертикальную расшатанность стиха. Т. е. метрическая урегулированность в соответствии с ИМ начинается осуществляться горизонтально и разноиктность ей никак не мешает.

Разберем одно из стихотворений.

<i>Книга / О вкусной и здоровой пище</i>	.2.3.1.1
<i>Книга / Человечество на пепелище</i>	.3.5.1 (3.2.2.1)
<i>Книга / Откровение Иоанна Богослова</i>	.3.4.3.1
<i>И книга / О реализме в искусстве</i>	1.4.2.1
<i>В которой ни одного живого слова</i>	1.4.1.1.1

В нем пять строк — строку считаем от рифмы до рифмы. Стихотворение короткое, что нехактерно для тонического стиха, зато характерно для творчества Игоря Холина. Рифмовка в первых двух строчках парная, в двух других перекрестная, одна строка между ними осталась без рифмы. Выделять блоки или строфы в таком маленьком стихотворении не имеет смысла, поэтому метрическую принадлежность, в отличие от Маяковского, будем считать просто по количеству соответствующих строк. Три строки 4-иктные, про количество иктов в двух других можно порассуждать. Клаузулы во всех строках женские, в один слог. Первая строка, безусловно, тактовиковая (.2.3.1.1), третья — СТС (.3.4.3.1), поскольку второй интервал четырехсложный, а предположить здесь пропуск метрического ударения при четырехударной структуре не представляется возможным, пятая строка — тоже СТС по тем же причинам, что и третья. Поговорим теперь о второй и четвертой строках. С одной стороны, кажется, что поскольку они обе трехударные с относительно длинными междударными интервалами, есть логически примерно равные возможности счесть их четырехиктными с пропуском ударения на втором икте или просто трехиктными. Однако во второй строке на предлог *на* в середине строки совершенно отчетливо падает иктовое ударение — на слух это вполне очевидно. Соответственно, меняется и ритмическая схема: от первого варианта — .3.5.1, где учитывались только ударения на значимых словах, к варианту в скобках: .3.2.2.1. Что касается четвертой строки, то там ситуация двойственная. Вполне можно считать, что, как и во второй строке, метрическое ударение на втором икте пропущено — тогда она становится дольниковой. Правда, строка находится между двух СТС-ных строк, т. е. ее непосредственный контекст строго тонический.

С другой стороны, можно счесть ее просто трехиктной — икт, который мог бы падать на предлог *о*, не настолько безусловен, как во второй строке, а в контексте многоиктности Холина (см. таблицу 7) сочетание трех- и четырехиктных строк вполне естественно.

На определение размера данного стихотворения метрическая принадлежность четвертой строки не повлияет. Оно в любом случае написано строгим тоническим стихом: в первом случае СТС-строки две (40 %) плюс одна дольниковая и две тактовиковых, во втором случае их три (60 %) плюс две тактовиковых. Из данного разбора видно, что однозначное метрическое решение не всегда существует, и пожалуй, к нему даже не обязательно стремиться.

Теперь рассмотрим метрику И. Холина. Она представлена в таблице 5 (с. 119).

В таблице указаны номер стихотворения, его название, число строк, а также метрическая принадлежность каждой строки. Силлабо-тонические размеры различаются на уровне двусложников и трехсложников, тонические включают дольники, тактовики, строгий тонический стих, в акцентном стихе отдельно учитываются строки с нулевыми интервалами и с интервалами в 5 и больше слогов. В отдельной колонке фиксируются односложные строки, которые трудно однозначно интерпретировать метрически — это особенность стиха Холина, которая больше ни у кого из рассмотренных поэтов не встречается. Видно, что практически в каждом стихотворении процент строгих тонических строк существенно превышает процент прочих. Он колеблется от 19 до 100 %, в среднем 41 %, а в следующей по частотности силлаботонике колеблется от 8 до 52 %, в среднем 18 %⁵.

Процент строк СТС у Холина чуть больше, чем в обеих группах строгого тонического стиха Маяковского, но они вполне сопоставимы: 38 % против 35 % стиха типа (1, 2, 3, 4)

⁵ Здесь речь идет об усредненном проценте СТС и силлабо-тонических строк по отдельным стихотворениям, который может отличаться от общего процента строк тех же типов.

Таблица 5

№	Название стихотворения	Число строк	Метрика		Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)	Одно- сложные строки
			Силлаботоника	Силлаботоника						
			2-к	3-к						
1	1958	13	—	2	3	4	3	—	—	1
2	Был плотником	6	—	—	2	—	3	—	1	—
3	Ваш век	8	3	—	—	3	2	—	—	—
4	Внимание	10	—	—	1	5	3	1	—	—
5	Вы думаете / Этот блестящий / Предмет	8	2	—	1	3	2	—	—	—
6	Господа / Заглянем вперед	13	3	2	3	—	3	2	—	—
7	Деятели искусства	10	1	3	—	—	5	1	—	—
8	Книга / О вкусной и здоровой пище	5	—	—	—	1	3		1	—
9	Кто Мы	6	—	1	1	1	2	—	1	—
10	Марсианки изумительны	12	1	5	1	—	4	—	1	—
11	Напился. Пел песню: / Широка моя страна...	4	—	1	1	1	1	—	—	—
12	Не кажется ли вам / Холин	2	—	—	—	—	2	—	—	—
13	Одесса / Южная окраина / России	13	1	—	—	5	6	—	1	—
14	От избытка / Материальных благ	8	1	—	1	—	5	1	—	—
15	Поехала на курорт	4	—	1	—	—	2	1	—	—
16	Произошла катастрофа	10	—	1	3	2	3	1	—	—
17	Профессии не имел	4	—	2	—	—	2	—	—	—
18	Работал бухгалтером	4	—	—	2	1	1	—	—	—
19	Работал машинистом портального крана	4	—	—	1	1	2	—	—	—
20	Работал слесарем на заводе МОСШТАМП	4	—	1	1	1	1	—	—	—
21	Работала медсестрой	6	—	—	2	1	2	1	—	—
22	Роботы-автоматы	16	3	2	2	1	5	1	—	2
23	Человек, Добывающий жемчуга	6	—	—	—	2	3	1	—	—
24	Человечество	11	1	3	3	1	2	1	—	—
25	Эволюция	10	—	1	1	—	7	1	—	—
26	Жил за городом	6	—	—	1	—	4	1	—	—
Итого:		203	16	25	30	33	78	13	5	3

и 32 % стиха типа (0, 1, 2, 3). Однако у Холина гораздо выше процент силлаботоники — 20 % по сравнению с 1 % в стихе (1, 2, 3, 4) и нулем в стихе (0, 1, 2, 3), зато ниже процент дольника и тактовика. У Маяковского дольника 19 % в СТС (1, 2, 3, 4) и 29 % в СТС

(0, 1, 2, 3), а у Холина 15 %, таковика у Маяковского 32 % и 27 % соответственно, у Холина 16 %. Что касается акцентного стиха, то их проценты снова сопоставимы: у Маяковского 12 % в первой и второй группах, у Холина же суммарно, включая строки с интервалами больше пяти слогов, строки с нулевыми интервалами и односложные строки (причислим их в данном случае к акцентным, потому что в этом контексте они работают на максимальное расшатывание стиха) 10,4 %. Для удобства рассмотрения данные стиха Холина в абсолютном и процентном выражении суммированы в следующей таблице и диаграмме за ней (таблица 6 и рис. 3 соответственно).

Дополнительные обозначения:

Акц(0) — акцентный стих с нулевыми интервалами;

Акц(5+) — акцентный стих с интервалами в 5 слогов и длиннее;

Строка-слог — сокращение для односложных строк на диаграмме.

Таблица 6

Суммарные данные СТС Холина

Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)	Односложные строки
203	41	30	33	78	13	5	3
%	20,2	14,8	16,2	38,4	6,4	2,5	1,5

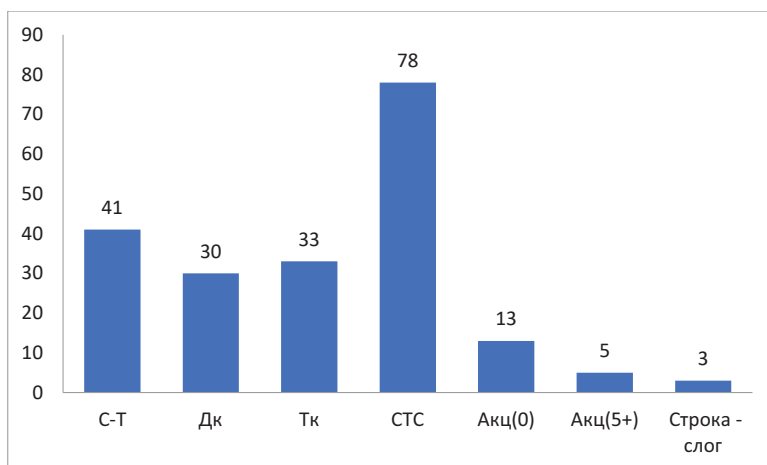

Рис. 3

Из таблицы и диаграммы видно, что в стихе Холина число строк с нулевыми интервалами существенно (6,4 % против 2,5 %) превышает число строк с интервалами в 5 и более слогов. Для Маяковского это нехарактерно, так же как и для Бродского, чей стих мы будем рассматривать ниже.

Перейдем к подсчету иктов — отличительной черте холинского стиха. Из таблицы 7 (с. 121) и следующей за ней диаграммы (рис. 4) видно, насколько он разноиктный, и это свойство многократно усиливается, поскольку стихи короткие. Двух-, четырех- и трехиктные строки преобладают (31 %, 26 % и 23 % соответственно), хотя их число везде меньше трети, к ним приближаются одноиктовые и 5-иктные строки (8 %), 6- и 7-иктных меньше (3 % и 1 %). Эти данные приведены в таблице 8. Вся структура в целом очень «размазана», ритмически удерживает ее только четырехинтервальность, а на уровне соотношения строк — достаточно регулярная рифма.

Таблица 7

Икты

№	Название стихотворения	Число строк	1 икт	2 икта	3 икта	4 икта	5 иктов	6 иктов	7 иктов
1	1958	13	3	2	4	3	1	—	—
2	Был плотником	6	—	1	2	2	1	—	—
3	Ваш век	8	—	3	2	2	1	—	—
4	Внимание	10	—	4	2	2	1	1	—
5	Вы думаете / Этот блестящий / Предмет	8	1	3	2	2	—	—	—
6	Господа / Заглянем вперед	13	1	4	6	2	—	—	—
7	Деятели искусства	10	—	4	2	4	—	—	—
8	Книга / О вкусной и здоровой пище	5	—	—	2	3	—	—	—
9	Кто Мы	6	—	2	—	2	1	—	1
10	Марсианки изумительны	12	4	4	2	2	—	—	—
11	Напился. Пел песню: / Широка моя страна...	4	—	1	1	2	—	—	—
12	Не кажется ли вам / Холин	2	—	—	—	2	—	—	—
13	Одесса / Южная окраина / России	13	1	1	4	1	2	3	1
14	От избытка / Материальных благ	8	1	1	1	2	1	2	—
15	Поехала на курорт	4	—	—	3	1	—	—	—
16	Произошла катастрофа	10	1	4	2	2	1	—	—
17	Профессии не имел	4	—	2	1	1	—	—	—
18	Работал бухгалтером	4	—	—	1	3	—	—	—
19	Работал машинистом портального крана	4	—	—	1	1	2	—	—
20	Работал слесарем на заводе МОСШТАМП	4	—	1	—	2	1	—	—
21	Работала медсестрой	6	—	3	—	2	1	—	—
22	Роботы-автоматы	16	4	6	4	2	—	—	—
23	Человек, Добывающий жемчуга	6	—	1	3	2	—	—	—
24	Человечество	11	—	6	—	3	2	—	—
25	Эволюция	10	1	9	—	—	—	—	—
26	Жил за городом	6	—	1	2	2	1	—	—
Итого:		203	17	63	47	52	16	6	2

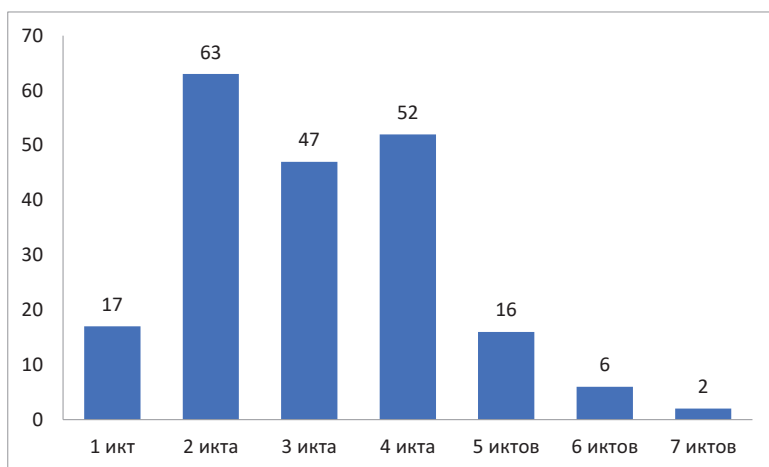

Рис. 4

Таблица 8

Суммарные данные по иктам

Икты	Число строк	% строк
1	17	8
2	63	31
3	47	23
4	52	26
5	16	8
6	6	3
7	2	1

Таким образом, можно сказать, что строгий тонический стих Холина отличается рядом особенностей: это короткие тексты с очень большим разбросом числа иктов в разных строчках одного стихотворения и некоторым количеством односложных строк, преобладанием строк типа СТС и следующей сразу за ними силлаботоникой. Среди акцентных строк строки с нулевыми интервалами доминируют над строками с интервалами в 5 слогов и более длинными.

Строгий тонический стих Бродского

По данным поэтического корпуса НКРЯ, акцентным стихом написано 33 стихотворения Бродского. Из них на долю строгого тонического стиха приходится 12. Одиннадцать стихотворений написано СТС (1, 2, 3, 4) и одно стихотворение СТС (0, 1, 2, 3). Годы создания с 1959 по 1983, т. е. они не принадлежат к какому-то периоду, а как бы охватывают все творчество поэта. Впрочем, ровно так же и у Маяковского, Холина, Рейна и других рассмотренных авторов. Длина текстов от 12 до 54 строк, но преобладают стихотворения в 25–30 строк. Общая длина получившегося небольшого корпуса — 321 строка. В таблицах 9 и 11

собрана метрическая информация по этим 12-ти стихотворениям: в таблице 9 по СТС (1, 2, 3, 4) и в таблице 11 по СТС (0, 1, 2, 3). Структура таблиц почти такая же, как в случае Холина: номер стихотворения, название, число строк, число силлабо-тонических строк, число строк дольника, тактовика, строгого тонического стиха, акцентного стиха с нулевыми интервалами и акцентного стиха с интервалами в 5 и более слогов. В отличие от Холина, для каждого стихотворения добавлен год написания, а колонки односложных строк нет, поскольку их нет ни у Бродского, ни у других рассматриваемых поэтов.

Таблица 9

Метрика

№	Название стихотворения	Год	Число строк	Силлабо-тоника	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
1	Глаголы	1960	24	1 (3-к)	7	10	6	—	—
2	Книга	1960	28	—	3	7	14	1	3
3	V. Три рыцаря	1976	24	1 (3-к)	4	5	11	—	3
4	IV. Ист Финчли	1976	54	—	11	7	26	2	8
5	III. Сохо	1976	26	—	12	—	11	—	3
6	II. Северный Кенсингтон	1976	20	—	3	4	10	2	1
7	В Англии	1976	22	—	4	3	13	—	2
8	Письма династии Минь	1977	32	—	6	2	19	—	5
9	Шорох акации	1977	30	—	8	3	16	1	2
10	Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобой	1980	12	—	2	4	6	—	—
11	Стрельна	1983	24	1 (3-к)	4	3	12	1	3
Итого:			296	3	64	48	144	7	30

Из таблицы 9, описывающей строгий тонический стих с интервальной структурой (1, 2, 3, 4), видно, что силлабо-тонические строки встречаются только в трех стихотворениях, по одному трехсложнику в каждом. Строки с нулевыми интервалами встречаются чуть реже, чем в половине стихов, но тоже одна-две строки. Строк с пятью и более интервалами несколько больше, хотя все равно их число совершенно незначительно по сравнению с основным наполнением стиха: строками СТС, дольника и тактовика.

Результаты в абсолютных цифрах и в процентах приведены в таблице 10.

Таблица 10

Суммарные данные СТС Бродского (1,2,3,4)

Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
296	3	64	48	144	7	30
%	1	22	16	49	2	10

Из таблицы видно, что больше всего, причем с большим отрывом, строк типа СТС — их 144 и 49 %, для сравнения: силлабо-тонических строк, как было отмечено выше, всего 3, что составляет 1 % от общего числа, как у Маяковского. В отличие от Холина, акцентного

стиха с нулевыми интервалами в четыре с половиной раза меньше, чем стиха с интервалами в 5 и более слогов — у Холина, напомним, стиха с нулевыми интервалами больше, чем стиха 5+, в 2,6 раза. Дольника немного больше, чем тактовика (22 и 16 % соответственно), но в два с лишним раза меньше, чем строгого акцентного стиха. Все это хорошо видно на диаграмме (рис. 5).

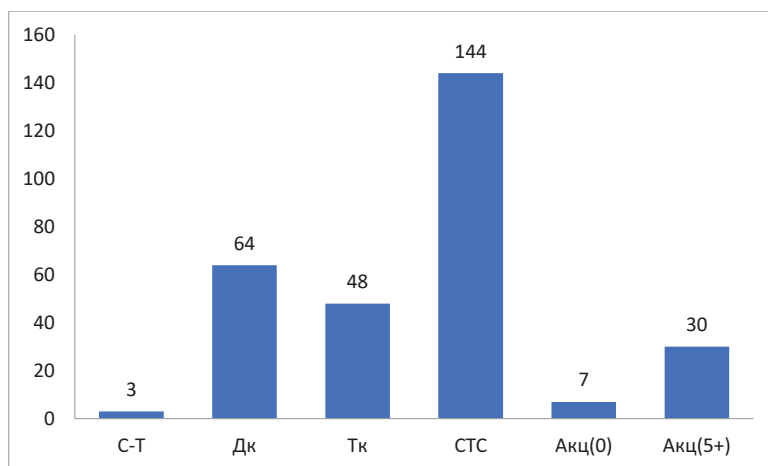

Рис. 5

«Стихи об испанце Мигуэле Сервете, еретике, сожженном кальвинистами» (СТС (0, 1, 2, 3)) интереснее с точки зрения соотношения строк разных типов. Как видно из таблицы 11, здесь одинаковое число строк регулярного СТС и строк с нулевыми интервалами, обозначенными Акц(0).

Таблица 11

Метрика: СТС (0, 1, 2, 3)

Название стихотворения	Год	Число строк	Силлаботоника		Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
			2-к	3-к					
Стихи об испанце Мигуэле Сервете...	1959	26	—	1	1	9	6	6	3

Но стихотворение написано строфами и расположение строк этих двух типов различно (см. таблицу 12). Помимо названия стихотворения, в таблице указано число строк в строфе и количество строф данного объема, написанных стихом каждого типа. Обычным СТС

Таблица 12

Строфика

Название стихотворения	Число строк в строфе	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
Стихи об испанце Мигуэле Сервете...	3	—	—	—	—	—	1
	4	—	—	—	1	1	—
	5	—	—	—	—	3	—

написана всего одна четырехстрочная строфа, а стихом с нулевыми интервалами четыре — одна четырехстрочная и три пятистрочных. Поэтому, несмотря на арифметическое равенство строк с двумя конкурирующими в данном случае типами интервалов, это стихотворение написано СТС (0, 1, 2, 3).

Сверхсхемные ударения в строгом тоническом стихе распространены так же, как в любом другом размере, но у них есть интересная особенность. В отличие от силлаботоники или дольника, где в силу размера междуиктового интервала (1 или 2 слога), сверхсхемное ударение всегда граничит со схемным и, соответственно, ослабляется, в СТС оно может падать на средний слог. Приведем пример:

Каждое утро он́и идут на работу, .2.4.2.1 (.2.2.1.2.1)
раствор мешают и камни таскают... 1.1.2.2.1
 («Глаголы»)

Сверхсхемное ударение в данном примере пришлось на интервал между вторым и третьим иктами, на третий слог четырехударного интервала (см. тот вариант схемы первой строки, что в скобках). Стихотворение преимущественно четырехиктное, поэтому ударение в слове *он́и* посреди интервала отчетливо слышно не столько как слабое, сколько как лишнее, нарушающее ритм.

Перейдем к анализу иктов. В нашем небольшом корпусе встречаются строки от 3 до 7 иктов длиной. Больше всего 4-иктных (124 и 42 %), почти столько же 5-иктных (121 и 41 %), а всех остальных меньше минимум в 4, а максимум в 30 с лишним раз. Точнее, 7-иктных 4 и 1 %, 6-иктных 32 и 11 %, а 3-иктных 15 и 5 %. Т. е. строгий тонический стих Бродского можно считать практически равномерно 4-/5-иктным. Это видно из таблицы 13 и диаграммы (рис. 6). Для сравнения, как выше уже было упомянуто, стих Маяковского — 3-/4-иктный с преобладанием 4-иктности [Гаспаров 1974: 467]. Разница со стихом Холина разительна.

Таблица 13

Икты

№	Название стихотворения	Число строк	3 икта	4 икта	5 иктов	6 иктов	7 иктов
1	Глаголы	24		22	2		
2	Книга	28		14	12	2	
3	V. Три рыцаря	24	1	9	12	2	
4	IV. Ист Финчли	54	7	23	21	3	
5	III. Сохо	26	1	10	11	2	2
6	II. Северный Кенсингтон	20		11	6	3	
7	В Англии	22		4	13	4	1
8	Письма династии Минь	32	1	8	18	4	1
9	Шорох акации	30	2	11	12	5	
10	Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобю	12	2	5	3	2	
11	Стрельна	24	1	7	11	5	
Итого:		296	15	124	121	32	4
%		100	5	42	41	11	1

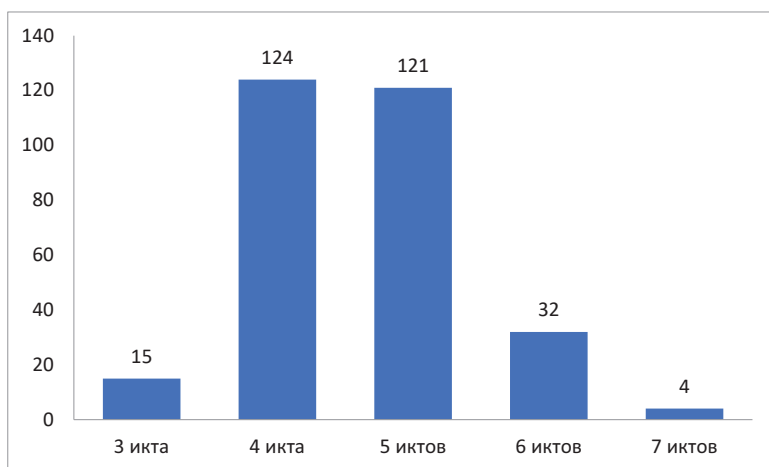

Рис.6

Строгий тонический стих Рейна

В НКРЯ приведено 7 стихотворений Рейна, написанных акцентным стихом. Все они относятся к строгому тоническому стиху. Они написаны в период с 1955 по 1998 г., т. е. с самого начала творчества поэта. Всего 149 строк. В самом коротком стихотворении 8 строк (правда, это отрывок), в самом длинном — 33. Остальные колеблются вокруг 20 — немного больше или немного меньше. В таблице 14 приведено число строк всех типов: силлабо-тонических, дольниковых, тактовиковых, строго тонических, акцентных с нулевыми интервалами и акцентных с интервалами 5+ для каждого стихотворения. Больше всего строк СТС (46 и 31 %), следом с небольшим отрывом идет тактовик (41 и 28 %), чуть позади дольник (26 и 18 %), несколько меньше, но совсем не так мало силлабо-тонических строк (15 и 10 %), акцентных строк с нулевыми интервалами, как и у Холина, меньше, чем строк с интервалами 5+. Строк Акц(0) чуть меньше, чем силлабо-тонических (13 и 9 %), строк Акц(5+) в два раза меньше, чем Акц(0) (6 и 4 %), но вместе они окажутся между силлабо-тоникой и дольником. Данные результаты в абсолютных числах и процентах приведены в таблице 15 и также хорошо видны на диаграмме (рис. 7). В целом распределение строк очень плавное, нарушает плавность только существенно меньшее число акцентных строк, и то, если рассматривать каждую акцентную группу по отдельности.

Таблица 14

Метрика

№	Название стихотворения	Год	Число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
1	ПЕРЕД СОЛНЦЕВОРОТОМ	1955	20	1 трехсложник (анapest)	3	3	10	1	2 (5+6)
2	Воронцовский дворец (фрагмент)	1955	8	—	3	1	3	1	—
3	ЗООМАГАЗИН	1990	23	1 трехсложник (анapest)	5	8	5	3	1

Продолжение Таблицы 14 на с. 127

Продолжение Таблицы 14 со с. 126

№	Название стихотворения	Год	Число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
4	Майя	1990	33	1 двусложник (ямб), + 1трехсложник (дактиль)	5	11	8	4	3 (5 -2, 6 -1)
5	ДРЕВЕСНАЯ ЛЯГУШКА	1990	20	1двусложник (хорей) + 2 трехсложника (дактиль и амфибрахий)	3	7	4	3	—
6	ОТЕЛЬ «ДРИНА»	1998	17	1 двусложник (ямб) + 2 трехсложника (анапесты)	2	3	7	1	1
7	В Летнем саду над Карпиевым прудом в холодном мае	1998	28	5 трехсложников (анапесты)	5	8	9	—	1
Итого:			149	15	26	41	46	13	6
%			100	10	18	28	31	9	4

Таблица 15

Суммарные данные СТС Рейна

Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
149	15	26	41	46	13	6
%	10	18	28	31	9	4

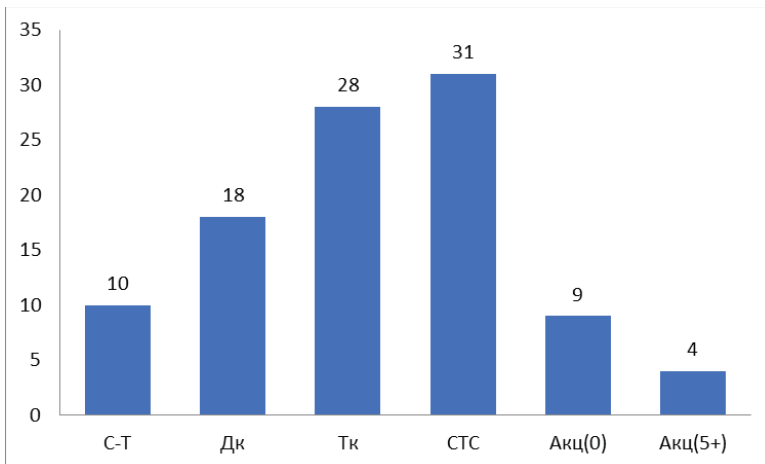

Рис. 7

Перейдем к анализу иктов (таблица 16 и рис. 8). У Рейна, как и у Бродского, преобладают 4-иктные строки (65 и 43,6%), следом за ними идут 5-иктные, хотя их уже в два раза меньше (34 и 22,8%), еще немного меньше трехиктных (22 и 14,8%), остальных совсем мало:

одноиктных 2 и 1,3 %, двухиктных 10 и 6,7 %, шестииктных 9 и 6 %, семииктных 7 и 4,8 %. Стих Рейна можно считать преимущественно 4-иктным с добавлением 3- и 5-иктных строк. Однако, ввиду недостаточности выборки, будем пока считать это только предположением.

Таблица 16

Икты

№	Название стихотворения	Число строк	1 икт	2 икта	3 икта	4 икта	5 иктов	6 иктов	7 иктов
1	ПЕРЕД СОЛНЦЕВОРОТОМ	20			5	11	4		
2	Воронцовский дворец (фрагмент)	8			1	4	3		
3	ЗООМАГАЗИН	23		2	1	8	8	2	2
4	Мая	33		3	6	14	9	1	
5	ДРЕВЕСНАЯ ЛЯГУШКА	20	1	2	2	6	4	3	2
6	ОТЕЛЬ «ДРИНА»	17	1	3	1	5	3	1	3
7	В Летнем саду над Карпиевым прудом в холодном мае	28			6	17	3	2	
Итого:		149	2	10	22	65	34	9	7
		%	1.3	6.7	14.8	43.6	22.8	6	4.8

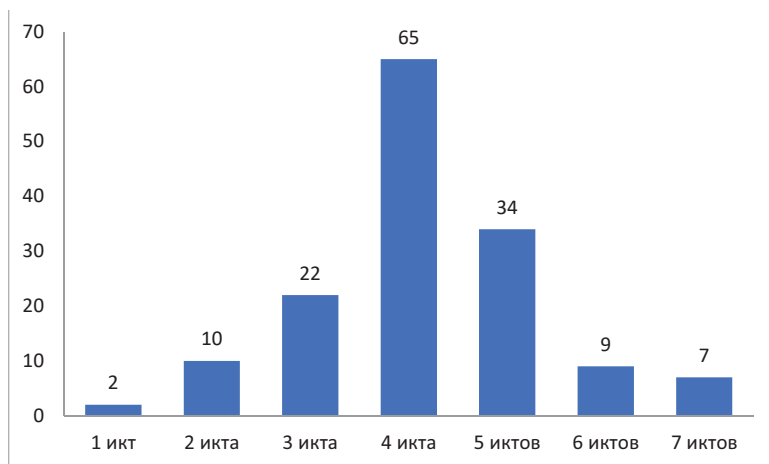

Рис. 8

Распространенность строгого тонического стиха: выборка из десяти поэтов

Эта выборка была сделана не с целью индивидуального анализа строгого тонического стиха каждого из включенных в нее поэтов, а только с целью показать повсеместную распространенность этого стиха с конца XIX до конца XX в. В нее вошли поэты самые разные с любой точки зрения, в том числе и с точки зрения их метрического репертуара.

Начнем с подборки из четырех стихотворений Л. Мартынова. Они написаны в течение всей его литературной жизни. Первое в 1921 — год поэтического дебюта, последнее в 1980 — год ухода. Два других в 1960 и 1978 гг. Строгого тонического стиха во всех стихотворениях, кроме первого, больше, чем других групп, следом идут силлаботоника и дольник, правда, силлаботоники много только в «Тоху-во-боху» и мало в остальных стихах, а дольник распределен равномерно. Акцентного стиха обеих групп немного, так же немного и тактовика. Все это отражено в таблице 17.

Таблица 17

Метрика

Название стихотворения	Год	Число строк	Силлаботоника		Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
			2-к	3-к					
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬВАР	1921	16	1	3	6	3	3	—	—
ТОХУ-ВО-БОХУ	1960	34	—	10	7	1	10	2	4
А, собственно говоря	1978	8	1	1	1	—	3	1	1
О, литература Осьмнадцатого столетия...	1980	8	—	1	2	1	3	—	1
Итого:		66	2	15	16	5	19	3	6

Во всех стихах преобладают 4-иктные строки, ближайших — 3-иктных — меньше в два раза, остальных еще меньше. Сокращается, по сравнению с любым из рассмотренных до сих пор поэтов, и число иктов: нет ни одноиктных, ни семииктных строк. Это видно из таблицы 18 и рис. 9 (с. 130).

Таблица 18

Икты

Название стихотворения	Число строк	2 икта	3 икта	4 икта	5 иктов	6 иктов
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬВАР	16	2	5	9	—	—
ТОХУ-ВО-БОХУ	34	4	6	13	7	4
А, собственно говоря	8	—	1	4	3	—
О, литература Осьмнадцатого столетия...	8	—	3	4	1	—
Итого:	66	6	15	30	11	4

В следующей таблице (табл. 19) представлено два стихотворения В. Брюсова и по одному стихотворению восьми поэтов: Н. Заболоцкого, П. Васильева, И. Елагина, С. Кирсанова, И. Северянина, В. Набокова, Е. Евтушенко, А. Парщикова. Стихи отсортированы по времени написания — с 1899 по 1984 г. Они были выбраны, с одной стороны, практически случайно (все по НКРЯ), а с другой — так, чтобы покрыть по возможности весь XX в. и представить поэтов разных школ, направлений, метрических и прочих пристрастий. С художественной точки зрения их, действительно, кажется, практически невозможно представить себе вместе почти нигде, кроме этой таблицы (включая и Мартынова). Но все они, как можно видеть, писали строгим тоническим стихом. Он достаточно разный: у Брюсова, Заболоцкого, Кирсанова строго тонических строк ровно четверть, у Васильева и Парщикова половина (правда, стихотворения небольшие), у остальных порядка

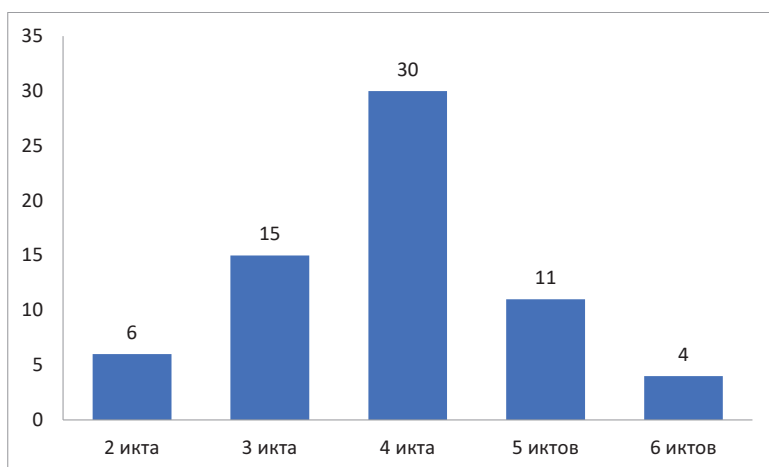

Рис. 9

трети, силлаботоники у Кирсанова, Северянина, Парщикова нет вообще, у Заболоцкого больше всего (порядка трети), у остальных четверть или меньше, дольника у Евтушенко меньше четверти, но у других еще меньше, тактовика у Северянина и Кирсанова половина, у Брюсова и Елагина порядка трети, у Васильева нет совсем, у остальных четверть или меньше. Такое разнообразие говорит о большом ритмическом потенциале размера.

Таблица 19

Десять поэтов: метрика

Поэт	Год	Название стихотворения	Число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
Брюсов	1899	Зодчество церквей старинных	8	2 (3-сложник)	1	3	2	—	—
Брюсов	1923	УЛЬТИМАТУМ ВЕСНЫ	20	1 (3-сложник)	3	8	5	3	—
Заболоцкий	1930	Дом, деревянная постройка...	8	3 (3-сложник)	—	2	2	—	1
Васильев	1929–1930	Далеко отец твой...	8	2 (2-сложник)	1	—	4	—	1
Елагин	1976	В окна ошарашивает ветер сквозной...	34	6 (3-сложник)	6	11	10	—	1
Кирсанов	1926	Александр III	24	—	1	12	6	5	—
Северянин	1927	Возникновение поэта	8	—	—	4	3	—	1
Набоков	1924	Неземной рассвет блеском облил...	12	1 (2-сложник)	2	3	4	2	—
Евтушенко	1982	Сто тридцать два яйца, / проколотых личной иголкой дуче...	50	3 (3-сложник)	12	7	18	2	8
Парщиков	1984	Я, снегурочка и петух на цепочке — такая бригада...	14	—	3	2	7	—	2
Итого:			158						

Количество иктов в этой группе от двух до восьми. Кроме одного из стихов Брюсова, текстов Евтушенко и Парщикова в основном стихотворения трех-четырёхиктные. Хотя в то же время нет ни одного строго трех- или четырёхиктного. Максимально приближаются к трехиктности стихотворение Брюсова 1899 г. и стихотворение Заболоцкого. Все это показано в табл. 20.

Таблица 20

Десять поэтов. Икты

Поэт	Год	Название стихотворения	Число строк	2 икта	3 икта	4 икта	5 иктов	6 иктов	7 иктов	8 иктов
Брюсов	1899	Зодчество церквей старинных	8	—	7	1	—	—	—	—
Брюсов	1923	УЛЬТИМАТУМ ВЕСНЫ	20	—	—	12	6	2	—	—
Набоков	1924	Неземной рассвет блеском облил...	12	—	7	5	—	—	—	—
Кирсанов	1926	Александр III	24	—	7	14	3	—	—	—
Васильев	1929–1930	Далеко отец твой...	8	2	6	—	—	—	—	—
Северянин	1927	Возникновение поэта	8	—	2	6	—	—	—	—
Заболоцкий	1930	Дом, деревянная постройка...	8	1	7	—	—	—	—	—
Елагин	1976–1982	В окна ошарашивает ветер сквозной...	34	—	4	30	—	—	—	—
Евтушенко	1982	Сто тридцать два яйца, / проколотых личной иголкой дуче...	50	—	2	7	13	21	5	2
Парщиков	1984	Я, снегурочка и петух на цепочке — такая бригада...	14	—	1	—	1	5	4	3

Заключение

Проведенное исследование показало продуктивность использования интервального подхода для разграничения существующих и обнаружения новых стихотворных размеров. Одним из открытых с его помощью размеров является строгий тонический стих (СТС).

Ввиду неоднородности и расшатанности акцентного стиха выявить метрическую природу СТС оказалось возможным только благодаря интервальному подходу. При этом привычное силлабо-тоническое определение размера стало как бы частным случаем более широкого интервального.

В результате обследования всего акцентного стиха Маяковского, корпусов акцентного стиха Холина, Бродского и Рейна, а также подборки стихов 10 поэтов было обнаружено два типа СТС.

С точки зрения наполнения стиха СТС у всех рассмотренных авторов достаточно разный. К числу немногих общих свойств относится процент строго тонических строк: их у каждого порядка трети (30–40 %), больше только у Бродского (44 %). Также у Маяковского и Бродского очень мало силлаботоники: Маяковский СТС (0, 1, 2, 3) — 0,

Маяковский СТС (1, 2, 3, 4) — 1 %, Бродский — 2 %. У Рейна несколько больше — 10 %, у Холина — 20 %. В последнем случае сильная разноиктность, видимо, требует для компенсации какого-то количества метрически однородных строк.

Количество и соотношение дольниковых и тактовиковых строк меняется примерно от 15 до 30 %.

Что касается иктости, то в основном это трех-четырёх или четырех-пятииктный стих. Строгое соблюдение числа иктов в стихотворении случается довольно редко. С другой стороны, стих с большим разбросом иктов пока обнаружен только у Холина.

На основании проведенного исследования можно с уверенностью сказать, что есть все основания добавить строгий тонический стих к списку русских стихотворных размеров. Количество рассмотренных авторов и некоторая случайность их выборки в Национальном корпусе говорит о распространенности строгого тонического стиха и его популярности в русской поэзии XX в. Однако происхождение и особенности ритмического строения СТС требуют более подробного изучения.

Приложение

Таблица 21

Строгий тонический стих Маяковского

№	Название стихотворения	Год написания	Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
1	В авто	1913	12	—	—	4	8	—	—
2	Адище города	1913	16	—	—	8	8	—	—
3	А все-таки	1913	20	—	—	8	8	—	4
4	Я и Наполеон	1913	64	—	28	8	16	—	12
5	Гимн критику	1914	40	—	—	4	28	—	8
6	Гимн обеду	1914	36	—	12	12	12	—	—
7	Теплое слово кое-каким порокам	1915	40	—	—	24	16	—	—
8	Вот так я сделался собакой	1915	28	—	8	8	12	—	—
9	Внимательное отношение к взяточникам	1915	44	—	—	16	20	—	8
10	Чудовищные похороны	1915	44	—	8	12	16		8
11	Мое к этому отношение	1915	32	—	4	20	4	4	—
12	Последняя петербургская сказка	1916	28	—	—	16	8	—	4
13	Мрак	1916	37	—	4	17	12	—	4
14	Братья писатели	1917	28	—	—	12	12	—	4
15	Сказка о красной шапочке	1917	16	—	—	12	4	—	—
16	О дряни	1921	38	—	—	7	24	—	7
17	Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе	1921	47	—	12	8	18	—	9

Продолжение Таблицы 21 на с. 133

Продолжение Таблицы 21 со с. 132

№	Название стихотворения	Год написания	Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
18	Моя речь на генуэзской конференции	1922	58	—	8	18	24	—	8
19	На земле мир, во человецех благоволение	1923	37	—	8	16	—	13	—
20	Универсальный ответ (С-Т — 8 хореев)	1923	40	8	18	4	10	—	—
	Уже	1923	24	—	—	4	16	—	4
21	Дипломатическое (из 4-х С-Т строк 2 ямба и 2 хорей)	1924	50	4	4	8	24	—	10
22	Гулом восстаний, на эхо помноженным... (6 С-Т строк — 4 амф, 2 — Д)	1924	126	6	54	22	28	12	4
23	Прочь руки от Китая	1924	32	—	16	—	12	—	4
24	Посмеемся	1924	28	—	4	4	16	—	4
25	Строго воспрещается	1926	20	—	4	8	8	—	
26	Марксизм — оружие, огнестрельный метод	1926	68	—	4	32	24	—	8
27	Разговор с фининспектором о поэзии	1926	120	—	16	60	32	—	12
28	Передовая передового	1926	44	—	8	24	12	—	—
29	Мечта поэта	1926	58	—	8	18	26	—	6
30	Искусственные люди	1926	40	—	—	16	24	—	—
31	Стабилизация быта	1927	66	—	18	18	22	8	—
32	Фабриканты оптимистов (С-Т — 2 ямба)	1927	43	2	14	6	13	8	—
33	Корона и кепка	1927	59	—	4	28	17	8	2
34	Весна (2 С-Т строчки — амф)	1927	53	2	8	20	13	—	10
35	Сердитый дядя	1927	48	—	8	20	18	—	2
36	Господин «народный артист»	1927	40	—	12	14	8	—	6
37	Призыв	1927	24	—	—	4	16	—	4
38	Общее руководство для начинающих подхалим (2 С-Т строки — амф)	1927	54	2	6	24	14	—	8
39	Сплошная неделя	1927	31	—	8	8	11	—	4
40	Иван Иванович Гонорарчиков	1927	44	—	12	4	24	—	4
41	Рапорт профсоюзов	1927	24	—	—	12	12	—	—
42	Массам непонятно	1927	52	—	8	20	14	—	10
43	Хорошо (гл. 5)	1927	78	—	6	28	32	8	4

Продолжение Таблицы 21 на с. 134

Продолжение Таблицы 21 со с. 133

№	Название стихотворения	Год написания	Общее число строк	С-Т	Дк	Тк	СТС	Акц(0)	Акц(5+)
44	Без руля и без ветрил	1928	44	—	4	4	28	—	8
45	«Телевоксы»? Что такое? (С-Т — 2 строки ямба и 2 хоря)	1928	78	4	32	14	12	—	16
46	Писатели мы	1928	45	—	12	13	12	—	8
47	Соберитесь и поговорите-ка (С-Т — 2 ямба)	1928	63	2	20	17	16	—	8
48	Стих не про дрянй, а про дрянцо. Дрянцо хлещите рифм концом	1928	38	—	14	12	12	—	—
49	Это те же	1928	24	—	4	4	12	—	4
50	Счастье искусств	1928	28	—	20	—	8	—	—
51	Вопль кустаря	1928	38	—	6	16	12	4	—
52	Враги хлеба	1928	36	—	8	12	16	—	—
53	Головотяпам	1928	22	—	6	—	12	—	4
54	Столп	1928	38	—	18	8	8	—	4
55	Почему?	1928	41	—	2	17	16	6	—
56	Технике внимание видать ли	1928	16	—	—	12	4	—	—
57	Перекопский энтузиазм	1929	28	—	4	12	8	—	4
58	Разговор с товарищем Лениным	1929	40	—	8	16	12	—	4
59	На Западе все спокойно	1929	45	—	17	12	12	—	4
60	Парижанка	1929	40	—	—	8	24	—	8
61	Американцы удивляются	1929	24	—	4	12	8	—	—
62	Первый из пяти	1929	25	—	—	17	8	—	—
63	Я счастлив	1929	40	—	—	12	20	—	8
64	Отречемся	1929	40	—	12	14	6	—	8
65	Особое мнение	1929	33	—	9	4	16	—	4
66	Дашь материальную базу!	1929	34	—	4	14	12	4	—
67	Тревога	1930	40	—	8	20	12	—	—
Итого:			2831	30	544	906	1002	75	274

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Мандельштам 1990 — Мандельштам О. Э. *Сочинения*. В 2 т. Т. 1: *Стихотворения*. М.: Художественная литература, 1990.
- Маяковский 1958 — Маяковский В. В. *Полное собрание сочинений в 13 т.* М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Рождественский 1985 — Рождественский Р. И. *Собрание сочинений в 3 т.* М.: Художественная литература, 1985.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бейли 2004 — Бейли Дж. *Избранные статьи по русскому литературному стиху*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Bailey J. *Selected articles the Russian literary verse*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Брейдо 1996а — Брейдо Е. М. Интервальная модель русской метрики. *Вопросы языкознания*, 1996, 4: 85–94. [Breydo E. M. The interval model of Russian metrics. *Voprosy Jazykoznanija*, 1996, 4: 85–94.]
- Брейдо 1996б — Брейдо Е. М. Акцентный стих Маяковского. *Русский стих: метрика, ритмика, рифма, строфика. В честь 60-летия М. Л. Гаспарова*. М.: РГГУ, 1996, 51–60. [Breydo E. M. Mayakovsky's accentual verse. *Russkii stikh: metrika, ritmika, rifma, strofika. V chest' 60-letiya M. L. Gasparova*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1996, 51–60.]
- Гаспаров 1963 — Гаспаров М. Л. Статистическое обследование русского трехударного дольника. *Теория вероятностей и ее применения*. 1963, 8(1): 102–108. [Gasparov M. L. Statistical investigation of Russian dolnik trimeter. *Theory of Probability and its Applications*, 1963, 8(1): 96–102.]
- Гаспаров 1967 — Гаспаров М. Л. Акцентный стих раннего Маяковского. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та*, 1967, 198: 324–360. [Gasparov M. L. Early Mayakovsky's accentual verse. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1967, 198: 324–360.]
- Гаспаров 1968а — Гаспаров М. Л. Русский трехударный дольник XX века. *Теория стиха*. Л.: Наука, 1968, 59–106. [Gasparov M. L. Russian dolnik trimeter of the 20th century. *Teoriya stikha*. Leningrad: Nauka, 1968, 59–106.] <https://doi.org/10.1137/1108009>.
- Гаспаров 1968б — Гаспаров М. Л. Тактовик в русском стихосложении XX века. *Вопросы языкознания*, 1968, 5: 79–90. [Gasparov M. L. Tact verse in Russian versification of the 20th century. *Voprosy Jazykoznanija*, 1968, 5: 79–90.]
- Гаспаров 1974 — Гаспаров М. Л. *Современный русский стих. Метрика и ритмика*. М.: Наука, 1974. [Gasparov M. L. *Sovremennyi russkii stikh. Metrika i ritmika* [Modern Russian verse. Metrics and rhythemics]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Гришина и др. 2009 — Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования. *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. Плунгян В. А. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2009, 71–113. [Grishina E. A., Korchagin K. M., Plungian V. A., Sitchinava D. V. Poetical corpus within the Russian National Corpus: General structure and potential applications. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009, 71–113.]
- Жирмунский 1925 — Жирмунский В. М. *Введение в метрику: Теория стиха*. Л.: Academia, 1925. [Zhirmunskii V. M. *Vvedenie v metriku. Teoriya stikha* [Introduction to metrics. Theory of verse]. Leningrad: Academia, 1925.]
- Жовтис 1971 — Жовтис А. Л. Освобожденный стих Маяковского: предлагаемые принципы классификации. *Русская литература*, 1971, 2: 53–75. [Zhovtis A. L. Mayakovsky's liberated verse: Proposal of classification principles. *Russkaya literatura*, 1971, 2: 53–75.]
- Колмогоров 1963 — Колмогоров А. Н. К изучению ритмики Маяковского. *Вопросы языкознания*, 1963, 4: 64–72. [Kolmogorov A. N. On the study of Mayakovsky's rhythemics. *Voprosy Jazykoznanija*, 1963, 4: 64–72.]
- Корчагин 2015 — Корчагин К. М. Поэзия XX века в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка: проблема репрезентативности. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2015, 6: 235–256. [Korchagin K. M. Poetry of the 20th century in the poetical subcorpus of the Russian National Corpus: The problem of representativeness. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2015, 6: 235–256.]
- Никонов 1958 — Никонов В. А. Ритмика Маяковского. *Вопросы литературы*, 1958, 7: 89–108. [Nikonov V. A. Mayakovsky's rhythemics. *Voprosy Literatury*, 1958, 7: 89–108.]
- Пильщикова 2017 — Пильщикова И. А. «По ту сторону дольника»: Безударные икты и сверхсхемные ударения в русском акцентном стихе. Доклад на *Гаспаровских чтениях — 2017* (Москва, 2017). [Pilshchikova I. A. Beyond the dolnik: Unstressed ictus and extra stresses in Russian accentual verse. Talk at *Gasparovskie chteniya — 2017* (Moscow, 2017).]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Об одном «незамеченном» типе русского стиха: логоэтический пенический дольник. *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой*. Бондарко А. В., Кустова Г. И., Розина Р. И. (ред.). М.: Языки славянских

- культур, 2008, 646–663. [Plungian V. A. On one “unnoticed” type of Russian verse: Logaedic peonic dolnik. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest’ E. V. Paduchevoi*. Bondarko A. V., Kustova G. I., Rozina R. I. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul’tur, 2008, 646–663.]
- Штокмар 1952 — Штокмар М. П. О стиховой системе Маяковского. *Творчество Маяковского*. Тимофеев Л. И., Поляк Л. М. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1952, 258–312. [Shtokmar M. P. On Mayakovsky’s versification system. *Tvorchestvo Mayakovskogo*. Timofeev L. I., Polyak L. M. (eds.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1952, 258–312.]
- Якобсон 1923 — Якобсон Р. О. *О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским*. [Берлин]: Гос. изд-во РСФСР, 1923. [Jakobson R. O. *O cheshskom stikhe, preimushchestvenno v sopostavlenii s russkim* [On the Czech verse, chiefly in comparison to Russian]. [Berlin]: RSFSR State Press, 1923.]
- Bailey 1973 — Bailey J. The accentual verse of Majakovskij’s “Razgovor s fininspektorom o poezii”. *Slavic poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsky*. Jakobson R. (ed.). The Hague: Mouton, 1973, 24–31.
- Bailey 1975 — Bailey J. The development of strict accentual verse in Russian literary poetry. *Russian Literature*, 1975, 9: 87–110.

Получено / received 17.01.2021

Принято / accepted 18.05.2021

[Рец. на: / Review of:] **H. Diessel. *The grammar network. How linguistic structure is shaped by language use.*** Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 289 p. ISBN 9781108671040.

Tore Nessel

University of Tromsø — The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway; tore.nessel@uit.no

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.137-141

Торе Нессет

Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Тромсё, Норвегия;

tore.nessel@uit.no

Holger Diessel has been a central figure in cognitive linguistics for many years with a number of influential publications, including two monographs [Diessel 1999; 2004]. The book under review, Diessel's most recent monograph, which was published in 2019 by Cambridge University Press, addresses two questions of fundamental importance in linguistic theory: (i) what is the nature of linguistic representations? and (ii) what is the relationship between language use and linguistic structure?

With regard to both questions, Diessel situates himself in mainstream cognitive linguistics, insofar as he advocates networks as a way to represent linguistic structure and argues that the networks are shaped by language use. These ideas, which Diessel discusses in the first two chapters of the book, have a long history in cognitive linguistics, as Diessel himself points out (p. 9). The network metaphor, i.e., the idea that linguistic structures can be represented as nodes with relationships connecting them, is central to Langacker's foundational works on Cognitive Grammar [1987; 1991a], where the nodes in his networks are connected by "instantiation relations" holding between fully compatible structures of different degrees of generality and "extension relations" connecting structures that are partly compatible with each other. Another early example of the network metaphor in cognitive linguistics is the radial category, i.e., a network organized around a prototypical subcategory with relations to less central members of the category [Lakoff 1987]. The concept of a linguistic network is furthermore essential to Construction Grammar [Goldberg 1995; 2006], where language is described as a "construction" — a network of interrelated constructions. In recent years, a number of researchers have started building extensive constructions for a number of languages, including Russian [Janda et al. 2018; Janda, Endresen 2020].

The idea that linguistic structure is shaped by language use, i.e., that linguistic structure is in some sense secondary to language usage, has been part and parcel of cognitive linguistics since its inception. Langacker [1991b; 1999] and Bybee [2001] use the term "usage-based model" for this approach, where grammatical "rules" emerge through the domain-general psychological processes of "entrenchment" (strengthening through repetition) and "abstraction" (filtering out non-recurring information, [Langacker 1999: 93]).

Since Diessel bases his approach on well-known ideas, the question arises as to what is new in Diessel's contribution to cognitive linguistics and linguistic theory in general. Rather than introducing novel concepts, Diessel himself states that the purpose of his book is to "integrate the various strands of research into a more unified framework and to elaborate some central principles of the usage-based approach" (p. 2). Diessel adds that in his view "the network view of grammar [...] has not yet been developed into an explicit theory or model" (p. 9). Although what counts as an "explicit theory or model" is up to interpretation, I anticipate that many proponents of cognitive linguistics would disagree with this assessment.

Diessel's network theory boils down to six relations (p. 12). "Symbolic relations" connect form and meaning. Such relations are explicitly discussed by Langacker [1987; 1991a], and as pointed out by Diessel (p. 12), draw on the Saussurean concept of the sign as a form-meaning

pairing, which is central to Construction Grammar and to other varieties of cognitive linguistics. The second and third types of relation are “sequential relations”, which accommodate syntagmatic relations between linguistic signs, and “taxonomic relations”, which “connect linguistic patterns at different levels of abstraction” (p. 12). The taxonomic relations seem to be equivalent to Langacker’s [1987; 1991a] “instantiation relations”.

The three relations mentioned above “define the basic units of speech”, such as morphemes, words, phrases and constructions, while three more relations connect the basic units “at a higher level of cognitive organization” (p. 13). “Lexical relations” connect lexemes with similar or contrastive forms and meanings, such as *sky*, *cloud*, *sun*, *ski* and *skin* (p. 18). Traditionally in cognitive linguistics, such relations would be accommodated in radial categories. “Constructional relations” are associations among constructions. By way of illustration, Diessel mentions that an inflectional paradigm may be analyzed as a network of such relations, where each inflected form represents a node in the network (see [Nesset, Janda 2010; Janda et al. 2010; Janda, Tyers 2018] for more elaborate analyses in cognitive linguistics). Finally, Diessel proposes that “filler-slot relations” capture the associations between individual lexemes and open slots in constructions. Such relationships have played a major role in cognitive linguistics, for instance in so-called collocation analysis, which is a method for measuring the degree of attraction or repulsion between a word and a construction [Stefanowitsch, Gries 2003; 2005].

Armed with the six relations described above, Diessel takes the reader through a number of case studies, which occupy the lion’s share of the book. Chapter 4 addresses taxonomic relations. Although the idea about the importance of taxonomic networks is anything but new, Diessel delivers good arguments and illustrations from language acquisition and historical linguistics. Citing a number of works, Diessel takes issue with the Chomskyan “poverty of stimulus” argument and shows how “linguistic context provides a rich source of information for the acquisition of word class schemas” (p. 51). At the same time, Diessel points out that “statistical learning mechanisms are not sufficient to explain the acquisition of grammar” (p. 51). Taking the semantic and communicative aspects of language into account, Diessel shows how children first develop “pivot schemas” centered around relational expressions, and then acquire full-fledged schematic constructions. As for the emergence of schemas through language change, Diessel shows how the mechanisms of structural reanalysis, lexical diffusion, and grammaticalization work (p. 56). His examples are from the history of English and concern the gradual development of radial categories for secondary modal verbs (*gonna*, *wanna*, etc.) and determiners (pp. 60–61).

In Chapter 5 on sequential relations, Diessel emphasizes the importance of chunking, i.e., the domain-general “cognitive process whereby individual pieces of information are grouped together into one item or chunk that is stored and processed as a single cognitive unit” (p. 64). He goes on to argue that even words and morphemes, which are traditionally regarded as the most basic units of language, emerge from language use through domain-general processes (pp. 67, 89). In addition to general principles of conceptualization, the emergence of words and morphemes is motivated by automatization and predictability. Through automatization, frequently co-occurring elements become units, which tend to be phonetically reduced. However, reduction is less likely to take place if the content is unpredictable from the context. Diessel points out that automatization and predictability “are general processing mechanisms of language use”, but he argues that “these mechanisms have long-term effects on the development of linguistic structure” (p. 89).

Chapter 6 addresses symbolic relations, which in Diessel’s words “connect representations of linguistic form with conventionalized paths of semantic interpretation” (p. 90). Thus, words are not seen as “encoding” particular semantic features but are rather analyzed as “prompts” or “cues” that provide access to networks of conceptually related nodes (p. 94). The symbolic links are based on encyclopedic knowledge, insofar as they are created by the “domain-general processes of conceptualization and social cognition (or pragmatic inference)” (p. 111).

While Diessel’s analysis of symbolic relations in lexical items is hardly controversial in cognitive linguistics, his account of constructions goes against mainstream cognitive linguistics.

While cognitive linguistics has emphasized the similarity between constructions and lexical items, Diessel claims that “the meanings of lexemes and constructions reside in different cognitive processes”. Unlike lexemes, in Diessel’s view, constructions “do not directly tap into encyclopedic knowledge but represent generalizations over semantic interpretations that are invoked by strings of lexical expressions” (p. 112). It is a pity that Diessel does not flesh out this part of his argument in more detail, since it is likely to arouse controversy in the cognitive linguistics community.

The next three chapters explore filler-slot relations. In Chapter 7, Diessel discusses familiar argument-structure constructions, such as the English *way*-construction and double object construction. Once again, the relations are argued to emerge from domain-general processes in language use, where decisive factors are “(i) the semantic fit between verbs and schemas (which is ultimately a matter of categorization), and (ii) language users’ experience with particular co-occurrence patterns (which reflects the effect of automatization and conventionalization)” (p. 140). This approach facilitates an insightful account of productivity in terms of the interaction of semantic, pragmatic and statistical aspects of language use.

Chapter 8 discusses how filler-slot relations are relevant for the analysis of parts of speech. Diessel’s account is closely related to analyses proposed by Croft [1991] and Langacker [1991b], but Diessel more strongly emphasizes the dynamic nature of word-class systems that are shaped by language use (p. 142). Diessel’s idea is that parts of speech are not defined exclusively in semantic or distributional terms but are shaped by “associative links between lexemes and particular word class schemas” (p. 171). Diessel argues that his approach accommodates the fundamental distinction between nouns and verbs, but also provides a straightforward account for adjectives and function words, as well as subclasses of the major parts of speech.

In Chapter 9, Diessel uses filler-slot relations to articulate a usage-based theory of phrase structure involving domain-general cognitive processes. A long list of such processes is invoked: conceptualization, grammaticalization, analogy and categorization, automatization and the “short-before-long preference” (i.e., the general tendency for short constituents to precede long and heavy ones, p. 186). An attractive aspect of the proposed analysis is the fact that the same set of domain-general processes are held responsible both for the structure of syntactic constituents and for word-order patterns (p. 195).

If one accepts that languages can be described as large networks of constructions, it becomes clear that an adequate analysis requires more than taxonomic relations between units of different degrees of generality. We also need “horizontal” or “lateral” relations characterizing the similarities and contrasts among constructions. Chapters 10 and 11 are devoted to such relations, which, as Diessel points out, have received less attention than taxonomic relations in scholarly literature on linguistic constructions (p. 199). In Chapter 10, Diessel provides strong arguments for “horizontal” relations from psycholinguistics and language change. An example of the former are the priming effects observed between similar constructions, e.g., active sentences with locative *by*-phrases (*The 747 landed by the airport’s tower*) and passive sentences with agentive *by*-phrases (*The 747 was alerted by the airport’s tower*, p. 203). Arguments from language change come from the development of subject-auxiliary inversion in Early Modern English, where families of related constructions played a crucial role. Diessel’s arguments are convincing and discussed in great detail, but he does not go very far in suggesting exactly how the relevant relations should be represented, or how a larger fragment of a “construction” should be analyzed.

While Chapter 10 focuses on similar constructions, Chapter 11 addresses contrasts between constructions. Diessel discusses “paradigmatic alternatives” of constructions that represent different values of grammatical categories such as number and voice. He points out that the relationship between such paradigmatic alternatives is often asymmetric whereby one member of a pair is overtly marked by a morpheme, while the other member does not involve an overt morpheme. Diessel presents detailed arguments in favor of the hypothesis that “the asymmetries in the encoding of grammatical categories are crucially influenced by frequency of language use” (p. 248). A case in point is differential object marking, where only a subset of objects is

marked as accusative. Diessel argues that such systems arise through an “intricate interplay between other-oriented processes of social cognition and self-oriented processes of memory, analogy and activation spreading” (p. 248).

Throughout the book, Diessel provides a wide variety of thorough case studies with detailed and accessible overviews of relevant scholarly literature. While a wide range of phenomena from many languages are discussed, in general his approach stands out as somewhat anglocentric, since the majority of the case studies are from English. One may wonder whether Diessel’s analyses would have been different, if he had paid more attention to languages with more complex grammars than English. Russian and other Slavic languages are almost completely absent from the discussion, apart from a few mentions in passing of numerals (where the Russian word for ‘one’ is spelled *a’deen*, p. 70) and some outdated frequency data from Greenberg [1966].

Will Diessel’s nomenclature of six relations become standard terms in cognitive linguistics? Many linguists would probably not see the need to adjust established terminologies that have stood the test of time. However, this may not be the right question to ask. Diessel’s relations should not be seen as conceptual primitives, since they emerge from domain-general cognitive processes relating to social cognition (speaker-hearer interaction), conceptualization, and memory (p. 250). Diessel’s most valuable contribution is his consistent emphasis on domain-general processes, which brings cognitive linguistics closer to related disciplines in cognitive science. Indeed, this is where cognitive linguistics belongs.

In the concluding twelfth chapter of the book, Diessel comes back to his complaint that the network view of grammar has not been made explicit in earlier work in cognitive linguistics (p. 249). After having read the book, a critically minded reader might object that Diessel’s own model is not very high on the explicitness scale either. While, as we have seen, he offers detailed empirical arguments in favor of language networks and a usage-based approach, the model itself is not worked out in much detail beyond the six relations described above. It would be interesting to see a more elaborate analysis of a larger fragment of a language; such an analysis would illustrate exactly how his model works and how the six relations interact.

Despite some critical remarks, I think Diessel’s book is well worth reading. A trained cognitive linguist might perhaps not find so much new in the proposed analyses, but the book is nevertheless an impressive synthesis of earlier scholarship in cognitive linguistics and related disciplines that is likely to prove valuable in the future. Linguists outside the cognitive linguistics community could benefit from reading Diessel’s book as an up-to-date introduction to cognitive linguistics, demonstrating how language can be represented as networks that emerge from language use.

REFERENCES

- Bybee 2001 — Bybee J. *Phonology and language use*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Croft 1991 — Croft W. *Syntactic categories and grammatical relations*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Diessel 1999 — Diessel H. *Demonstratives: Form, function, and grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Diessel 2004 — Diessel H. *The acquisition of complex sentences*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. E. *Constructions*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. E. *Constructions at work*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Greenberg 1966 — Greenberg J. *Language universals*. The Hague: Mouton, 1966.
- Janda, Endresen 2020 — Janda L. A., Endresen A. Taking Construction Grammar one step further: Families, clusters, and networks of evaluative constructions in Russian. *Defining construction: Insights into the emergence and generation of linguistic representations*. Putnam M., Carlson M., Fábregas A., Wittenberg E. (eds.). = *Frontiers in Psychology*, 2020, 11 (Special issue): 1–22.
- Janda et al. 2018 — Janda L. A., Lyashevskaya O. N., Nessel T., Rakhilina E. V., Tyers F. M. A constructicon for Russian: Filling in the gaps. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Timponi Torrent T. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 165–181.

- Janda et al. 2010 — Janda L. A., Nessel T., Baayen R. H. Capturing correlational structure in Russian paradigms: A case study in logistic mixed-effects modeling. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 2010, 6: 29–48.
- Janda, Tyers 2018 — Janda L. A., Tyers F. M. Less is more: Why all paradigms are defective, and why that is a good thing. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 2018, 14(2): 1–33.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Langacker 1987 — Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987.
- Langacker 1991a — Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 2. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991.
- Langacker 1991b — Langacker R. W. *Concept, image, and symbol*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Langacker 1999 — Langacker R. W. *Grammar and conceptualization*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Nessel, Janda 2010 — Nessel T., Janda L. A. Paradigm structure: Evidence from Russian suffix shift. *Cognitive Linguistics*, 2010, 21(4): 699–725.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — Stefanowitsch A., Gries S. T. Collostructions: Investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2003, 8(2): 209–243.
- Stefanowitsch, Gries 2005 — Stefanowitsch A., Gries S. T. Co-varying collexemes. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 2005, 1(1): 1–43.

Получено / received 22.12.2020

Принято / accepted 26.01.2021

[Рец. на: / Review of:] **T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. xiv + 632 p. ISBN: 9781107136243.**

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
timur.maisak@gmail.com

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia; timur.maisak@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.142-149

В конце 2019 г. было опубликовано второе, существенно дополненное издание «Всемирного лексикона грамматикализации», подготовленного коллективом авторов из шести человек. Основная часть словаря представляет собой перечень упорядоченных по алфавиту путей грамматикализации, наиболее распространенных в языках мира, в формате «источник > результат». Для каждого пути приводятся языки, в которых данное развитие засвидетельствовано, примеры, ссылки на функционально близкие переходы и литературу — в том числе работы, где соответствующие переходы рассмотрены более подробно. Так, путь грамматикализации *say > purpose* (глагол ‘говорить’ > целевое значение) подтверждается данными языков эве, гокано, бака, коранко, лингала, табасаранского, купсабинь, креолов сранан и негерхолландс (с. 382–384). Помимо приведения собственно грамматического показателя цели, восходящего к глаголу речи, для семи языков дается пример предложения, иллюстрирующий употребление показателя, а для одного языка (бака) — также пример употребления лексического источника, т. е. глагола ‘говорить’. В конце этого словарного входа упоминается работа, в которой можно найти другие примеры реализации данного пути грамматикализации в пиджинах и креольских языках, а также дана отсылка к близкому переходу *say > subordinator* (глагол ‘говорить’ > показатель подчиненной обстоятельственной клаузы).

Авторами первого издания «Всемирного лексикона грамматикализации», вышедшего в 2002 г. [Heine, Kuteva 2002], были известные специалисты по теории грамматикализации Бернд Хайне и Тания Кутева, у которых имеется и ряд других совместных работ — в том числе по языковым контактам, ареальному взаимодействию языков Европы и проблеме происхождения человеческого языка [Heine, Kuteva 2005; 2006; 2007]. Первое издание «Лексикона» содержало сведения более чем о 400 процессах грамматикализации с примерами почти из 500 языков мира (см. подробнее рецензию [Майсак 2003]).

Что же представляет собой новое издание «Лексикона грамматикализации», появившееся почти что «двадцать лет спустя»? При том, что общая структура справочника осталась прежней, изменения и обновления затронули разные аспекты работы: так, один только объем книги вырос с 400 до почти 650 страниц. Во втором издании расширен коллектив авторов: помимо Б. Хайне (Кёльн) и Т. Кутевой (Дюссельдорф / Лондон), в работе над книгой приняли участие еще четыре человека. Все они являются специалистами по языкам Восточной Азии: это китаисты Бо Хун (Пекин) и Хайпин Лун (Гуанчжоу), японист Хейко Наррог (Сендай) и кореевед Сонха Ли (Сеул). Ранее Х. Наррог выступал соредактором Б. Хайне по двум сборникам, посвященным типологии грамматикализации [Narrog, Heine 2011; 2018], а Бо Хун и Хайпин Лун с соавторами выпустили китайскую версию «Лексикона» [Long et al. 2012]. Как отмечается во введении к изданию 2019 г., доступные для китайского, корейского и японского языков исторические свидетельства в ряде случаев

являются даже более древними, чем для языков Европы, что делает именно эти языки «идеальной лабораторией» для изучения процессов грамматикализации (с. 3).

Кроме шести авторов, на титульном листе перечислены и 12 «консультантов», роль которых не оговаривается — по всей видимости, это те коллеги, которые своими советами и замечаниями внесли наибольший вклад на этапе подготовки второго издания (в их число вошли такие известные современные лингвисты, как А. Ю. Айхенвальд, Дж. Байби, Э. Даль, Т. Гивон, П. Хоппер и др.).

В новом «Лексиконе» значительно расширен круг привлекаемых к рассмотрению языков — теперь их более 1000 (в это число входят не только отдельные языки, но в ряде случаев и их диалектные разновидности). Как и ранее, выбор языков был во многом продиктован желанием представить языковое разнообразие, но возможности избегая неравномерности выборки: в результате в книге присутствует лишь чуть более 5 % путей грамматикализации, представленных только в языках Европы (с. 2). Увеличилось и число входов «Лексикона», то есть собственно путей грамматикализации: их стало 544 (с. 1).

Композиция книги не претерпела изменений: как и прежде, не считая разделов с благодарностями и списком сокращений в начале, а также приложений и библиографии в конце, в ней три основные — но неравномерные — части. Во Введении (с. 1–22) авторы говорят о своем понимании грамматикализации, которая в их представлении включает четыре механизма: **расширение** (использование в новых контекстах), **десемантизацию** (утрату значения), **декатегоризацию** (утрату морфосинтаксических свойств, характерных для полнозначных единиц) и **эрозию** (утрату фонетической субстанции); они также кратко останавливаются на критике теории грамматикализации и принципе односторонности (необратимости) грамматикализации. Специальный раздел посвящен аспектам грамматикализации, проблематичным для составления «Лексикона» с его жестким форматом «от источника к результату». Авторы осознают условность такого представления, учитывая тот факт, что грамматикализации чаще всего подвергаются не лексические единицы как таковые, а целые конструкции (так, источником английского проспективного будущего *is going to* является не просто глагол движения *go*, но вспомогательный глагол в определенной форме и смысловой глагол в определенной форме — в алфавитной части словаря этот случай включен в переход *go to > future*). Пути грамматикализации, в которые не вовлечен определенный лексический или грамматический элемент, но лишь позиционное отношение (например, выражение сравнения ‘ты больше’ путем соположения клауз типа ‘ты большой, я маленький’), в «Лексиконе» не могли быть и не были учтены; то же касается использования морфологических процессов типа редупликации. Среди других кратко обсуждаемых тем — как определить направление развития, как выбрать наиболее подходящий ярлык, учитывать ли и каким образом контактно-обусловленную грамматикализацию и данные пиджинов и креольских языков; также освещается проблема неполноты источников данных и (частичная) зависимость составителей от интерпретаций авторов описаний. Авторы указывают, что включали в справочник лишь те пути, примеры которых засвидетельствованы более чем в одной языковой семье (хотя этот принцип и имеет исключения) и не включали некоторые предлагаемые в литературе пути или примеры грамматикализации в случае, если для них были предоставлены недостаточно убедительные эмпирические свидетельства. Также они признают, что все включенные в книгу данные являются лишь небольшой частью того множества случаев грамматикализации, которые отмечаются в языках мира.

Еще один раздел Введения посвящен тем аспектам в исследовании грамматикализации, которые появились либо наиболее активно развивались после выхода первого издания: это соотношение грамматикализации и Грамматики конструкций, проблема развития дискурсивных единиц (насколько «прагматикализация» отлична от собственно грамматикализации?), грамматикализация в условиях языкового контакта и грамматикализация в жестовых языках. Относительно последнего пункта стоит сказать, что некоторые примеры развития грамматических показателей в языках жестов вошли в «Лексикон», ср. такие входы, как

FINISH > COMPLETIVE, FINISH > IAMITIVE, FINISH > PAST, GO TO > FUTURE, PERSON (HUMAN BEING) > INDEFINITE PRONOUN, THING > INDEFINITE PRONOUN, TOUCH > EXPERIENTIAL, TRUE > INTENSIVE и др.

Вторая часть книги содержит обсуждение грамматических понятий, используемых в книге при формулировании переходов, т. е. собственно источника и результата грамматикализации (с. 23–33). Основную часть раздела занимает таблица со списком грамматических ярлыков и их толкованиями; всего их, по нашим подсчетам, около 190. Ряд ярлыков по сравнению с первым изданием был добавлен, а некоторые изменены. Так, к числу новых относятся AGAIN ('опять'), ANTIPASSIVE ('антипассив'), APPLICATIVE ('аппликатив'), AUGMENTATIVE ('аугментатив'), DISCOURSE MARKER ('дискурсивный маркер'), EXPERIENTIAL ('экспериентив'), FILLER ('филлер, заполнитель паузы хезитации'), GLOTTONYM ('глоттоним'), IAMITIVE ('ямитив'), INTERJECTION ('междометие'), NEW-EVENT ('новое событие', обращение внимания адресата на нечто, релевантное для коммуникации), NOMINALIZER ('номинализатор'), OSTENSIVE PREDICATOR ('остенсивный предикатор', предикативный элемент типа *вот, вон*), PERLATIVE ('перлатив', показатель движения через или сквозь), TOPIC ('топик') и др. Вместо прежнего DATIVE ('датив') стал использоваться ярлык RESCIPIENT ('реципиент'), а бывший CONTINUOUS разделился на DURATIVE (дуратив в значении 'продолжать делать') и PROGRESSIVE (собственно прогрессив, показатель актуальной длительности). Наибольшим преобразованиям подверглись зоны эвиденциальности и модальности. В рамках первой противопоставляются прямой (EVIDENTIAL, DIRECT), инференциальный (EVIDENTIAL, INFERRED), репортативный (EVIDENTIAL, REPORTED) и квотативный (EVIDENTIAL, QUOTATIVE) подтипы; при этом как отдельный ярлык существует и собственно QUOTATIVE (показатель, вводящий чужую речь). В рамках модальности возможности и необходимости выделено семь функций, названных единообразно: это намерение (B-NECESSITY), долженствование (D-NECESSITY), вероятность (E-NECESSITY), «корневая» возможность (C-POSSIBILITY), разрешение (D-POSSIBILITY), эпистемическая возможность (E-POSSIBILITY) и способность (PI-POSSIBILITY). При том, что расширение инвентаря принимаемых к рассмотрению значений нельзя не приветствовать, сам принцип именования модальных значений вряд ли стоит признать очень удачным: однобуквенные «префиксы» непросто запомнить, и в большинстве случаев модальные ярлыки в тексте справочника все равно сопровождаются пояснением в скобках, типа «B-NECESSITY (Intention)», что вызывает сомнение в необходимости краткого ярлыка в принципе. В списке грамматических ярлыков бросается в глаза отсутствие такого распространенного в языках мира значения, как каритив (приватив), которое недавно привлекло к себе повышенное внимание исследователей [Оскольская и др. 2020].

Самая объемная третья часть книги приходится на собственно каталог, или «лексикон», путей грамматикализации (Source–Target Lexicon), занимающий более 400 страниц (с. 34–462). Учитывая, что всего путей грамматикализации, включенных во второе издание, 544, по сравнению с первым изданием было добавлено более 100 новых переходов. Среди них много таких, в которых участвуют новые грамматические концепты, например, ACCOMPANY > COMITATIVE, ADVERSATIVE > MIRATIVE, ALREADY > IAMITIVE, ANDATIVE > EVIDENTIAL (DIRECT), MOTHER > AUGMENTATIVE, OSTENSIVE PREDICATOR > COPULA, SIMILATIVE > GLOTTONYM, а также целый ряд путей, результатом которых являются дискурсивные единицы (DEMONSTRATIVE > FILLER, GOD > INTERJECTION, WELL > DISCOURSE MARKER, LOOK > DISCOURSE MARKER, LISTEN > DISCOURSE MARKER и пр.). Имеются и новые пути для тех источников и результатов, которые фигурировали в первом издании, ср. AVLATIVE > INSTRUMENT, COME > PASSIVE, COMITATIVE > CAUSATIVE, ERGATIVE > CAUSE, GIVE > IMPERATIVE, GIVE > PASSIVE, GIVE > PERMISSION, QUOTATIVE > COMPLEMENTIZER и мн. др.

За основной частью следуют два приложения — перечисление путей от источника к результату и от результата к источнику. Они дают возможность понять, какие из источников и, соответственно, результатов грамматикализации являются наиболее частотными исходя из собранных в справочнике данных. Если ограничиться теми источниками, которые задействованы в пяти и более путях, то к наиболее частотным относятся 30: возглавляет список LOCATIVE (16 путей), за ним следуют COMITATIVE и SAY (по 11), GET и GIVE (по 10), ALLATIVE,

DEMONSTRATIVE, GO, ONE и TAKE (по 9), ABLATIVE (8), FINISH и SIMILATIVE (по 7), BACK, COPULA, HEAD, LEAVE и RECIPIENT (по 6) и, наконец, COME, COME TO, COPULA, LOCATIVE, D-NECESSITY (Obligation), DO, FOLLOW, MAN, PASS, REFLEXIVE, SEE, TEMPORAL, THING (по 5). Напомним, что одна лексическая единица может потенциально входить в разные исходные конструкции — так, наряду с GO отдельно выделяется исходный концепт GO TO, противопоставляются COME и COME TO, просто COPULA и COPULA, LOCATIVE и т. п. Заметим, что в приложении встречаются ошибки: так, например, для источника-аллатива приводится девять путей, но один из них (ALLATIVE > SEE) в «Лексиконе» не описывается (имеется обратный путь SEE > ALLATIVE); всего путей с аллативом восемь, хотя в основном тексте последний также носит девятый номер из-за того, что пропущен номер 4 (с. 55).

Результатов грамматикализации, к которым могут приводить пять и более путей, 41. Здесь чемпионом является PASSIVE (для него в справочнике отмечается 14 возможных источников), затем идут PROGRESSIVE (13), CAUSE, FUTURE и LOCATIVE (по 12), PURPOSE (11), AGENT, COMPLEMENTIZER, DISCOURSE MARKER и D-NECESSITY (по 10), HABITUAL (9), CLASSIFIER, COMPARATIVE, COPULA, N-POSSESSIVE и TEMPORAL (по 8), DURATIVE, A-POSSESSIVE и D-POSSIBILITY (по 7), AFTER, BEHIND, DOWN, EXPERIENTIAL, FRONT, IN (SPATIAL), INSTRUMENT, PROXIMATIVE, REFLEXIVE и UP (по 6), NP-AND, AVERTIVE, CAUSATIVE, CHANGE-OF-STATE, COMITATIVE, COMPLETIVE, EXIST, INDEFINITE PRONOUN, PAST, PLURAL, PI-POSSIBILITY и RELATIVE (по 5).

В третьем приложении перечисляется список упоминаемых в работе языков с их генетической аффилиацией. Как упоминалось выше, всего языков (и их вариантов) привлечено более 1000, включая некоторые пиджины и креолы, ряд мертвых языков, а также жестовые языки. Далее в работе имеется и указатель языков с перечислением страниц, на которых они упоминаются. Из него следует, что с наибольшим отрывом от остальных в работе представлены данные из английского, французского, немецкого, китайского, корейского и суахили; среди других часто упоминаемых языков (порядка 30 и более раз) — арабский, бака, бамбара, болгарский, испанский, латынь, лингала, минь, нидерландский, португальский, тамильский, турецкий, тайский, эве, японский и койсанский язык кххунг (жу).

К «Всемирному лексикону грамматикализации» трудно предъявить какие-либо серьезные претензии общего характера. Хотя формат представления данных неидеален и зачастую упрощает картину, его условность подробно оговаривается самими авторами, а предложить какую-либо разумную альтернативу не так просто. В плане отбора путей грамматикализации и выбора ярлыков для грамматических понятий многие решения неизбежно субъективны и отражают предпочтения авторов, что в основном опять же оговаривается во Введении. Любой специалист по конкретному языку или языковой семье легко сможет назвать как новые примеры к уже включенным в «Лексикон» путям грамматикализации, так и новые, не зафиксированные там пути развития. Однако в первом случае трудно объять необъятное, особенно в книжном издании: составители неизбежно оперировали ограниченным набором источников данных. Что касается новых путей, то нередко они могут оказаться не столь распространенными в языках мира (ср. принятый в справочнике принцип воспроизводимости как минимум в двух языковых семьях) и, будучи интересными сами по себе, не обязательно будут претендовать на место во «всемирном» каталоге. Радикальное пополнение «Лексикона» возможно, как нам кажется, лишь в случае перехода к принципиально иному (открытому, онлайн-овому) представлению данных, о чем будет сказано далее.

Можно указать на ряд неверных или неудачных интерпретаций языковых данных в частных случаях (заметим, что некоторые из таких интерпретаций сохраняются в книге еще с первого издания). Ниже мы главным образом ограничимся материалом нахско-дагестанских языков, а также русского. Так, например, вызывает недоумение тот факт, что использование датива на -z в лезгинском языке для кодирования экспериенцера приводится как пример перехода ALLATIVE > ПАЦИЕНТ (с. 50): хотя лезгинский датив имеет направительное значение, экспериенцер при глаголах типа 'видеть' никак нельзя считать пациенсом (скорее, напротив, субъектом). Лезгинский инэссив упоминается при входе IN (SPATIAL) > DURATIVE как «показатель длительности» (marker of duration) со ссылкой на грамматику [Haspelmath

1993: 103] (с. 237). Однако в терминологии авторов дуратив — это глагольный показатель продолжения действия ('keep doing'), тогда как на соответствующей странице лезгинской грамматики речь идет об использовании инэссива с существительными темпоральной семантики (ср. *gzafjisara* 'много лет, на протяжении многих лет'); данное развитие должно фигурировать в другом входе, IN (SPATIAL) > TEMPORAL. На с. 304 лезгинское слово *seferd-a* отгlossировано как 'time-?' — действительно, в источнике [Ibid.: 254] глосса для суффикса в этом примере досадным образом пропущена, однако само по себе это слово употребляется в грамматике много раз, так что не составило бы труда найти его в других примерах с правильной глоссой (тем более что суффикс *-a* является как раз упоминавшимся выше показателем инэссива). При том, что примеры из лезгинского языка приводятся в «Лексиконе» около 30 раз, кажется неожиданным отсутствие упоминания лезгинских данных при переходе REMAIN > DURATIVE — лезгинские континуативные формы с глаголом *ama* 'оставаться' традиционно относят к ядру видо-временной парадигмы [Ibid.: 145]; то же касается использования падежных форм существительных *pad* и *q̄wal* 'сторона' в значении 'рядом, возле' [Ibid.: 207, 220], т. е. иллюстрирующих развитие SIDE > BESIDE, SIDE > NEAR. Это заставляет задуматься о том, каков в точности был алгоритм поиска примеров авторами — в частности, была ли систематически «расписана» определенная выборка грамматических очерков или же работа шла по какому-то другому сценарию.

Кажется не вполне логичным отнесение прогрессивной конструкции с гинухским вспомогательным глаголом *-iči-*, переводимым как 'be, stand, sit', к переходу SIT > PROGRESSIVE (с. 406), а не, например, к EXIST > PROGRESSIVE или STAND > PROGRESSIVE — по крайней мере, подтверждения тому, что основным значением вспомогательного глагола является именно 'сидеть', не приводится. На с. 108 второй переход с комитативом (COMITATIVE > NP-AND) ошибочно пронумерован третьим. На с. 157 цахурский язык назван «северовосточнокавказским языком, на котором говорят в Азербайджане, Россия (spoken in Azerbaijan, Russia)» — очевидно, имелось в виду «в Дагестане, Россия», тем более что приводимый (по статье А. Ю. Айхенвальд) пример взят из грамматики говора с. Мишлеш Рутульского района Республики Дагестан.

Примеры из русского языка могли бы быть добавлены к переходу PASSIVE > POTENTIAL, в котором пока вообще отсутствуют славянские данные (мы имеем в виду «модально-пассивное» значение русских *ся*-глаголов, ср. *Этот почерк не читается* или *Такие бокалы легко бьются*). Аналогично, русские данные могли бы иллюстрировать путь UP > ADDITIVE, на который пока дано только два примера из коно и румынского, показывающие образование числительных (ср. сюда же русск. *три-на-дцать*). К сожалению, из первого издания воспроизведена ошибочная трактовка русского *было* как авертива (COPULA > AVERTIVE): конструкции типа *машина поехала было...* не означают 'ситуация чуть было не осуществилась' — в отличие от двух других упоминаемых конструкций со связкой прошедшего времени (в румынском и финском), для которых удачным образом приведен уже прототипический авертивный пример 'я чуть было не упал'. Любопытно, что целый ряд русских примеров в «Лексиконе» представлен со ссылкой на устное сообщение М. Хаспельмата, что говорит о том, что русские данные не были учтены сколько-нибудь систематически (тут же отметим и отсутствие каких-либо русскоязычных работ в библиографии).

Для перехода SAY > EVIDENTIAL, QUOTATIVE остается неясным отличие не только от перехода SAY > EVIDENTIAL, REPORTED (что отмечают сами авторы на с. 381), но прежде всего от SAY > QUOTATIVE. К сожалению, в рамках входа SAY > EVIDENTIAL, QUOTATIVE нет синтаксических примеров, а по приводимым формулировкам типа «квотативная частица *din* в татарском происходит из деепричастия *ди-п* глагола с лексическим значением 'говорить'» (с. 381) не удастся понять, почему соответствующий показатель отнесен именно к эвиденциальному, а не чисто квотативному типу¹.

¹ В списке используемых грамматических ярлыков EVIDENTIAL, QUOTATIVE толкуется как «показатель, предоставляющий информацию о свидетельстве, на котором базируется сообщение, с указанием

В плане оформления примеров обращает на себя внимание неодинаковость представления морфемного членения: в части примеров морфемы просто разделены дефисами, в части — еще и отделены пробелами с выравниванием первой и второй строк (т. е. разделены так же, как и отдельные слова). Этот второй способ оформления, в котором морфемы как будто бы разделены знаками табуляции, кажется менее удобным для восприятия. Кроме того, в примерах, состоящих из двух строк, некоторые морфемы съезжают на вторую строку, так что слово оказывается разбитым (причем это не связано с тем, что слову не хватает места в строке): ср. разрыв лезгинских словоформ на с. 54, 55, 133, 302 и др. или разрыв французского *j'* и *ai* на с. 170.

Некоторые формулировки на протяжении книги воспроизводятся по несколько раз при разных переходах: так, четырежды повторяется достаточно большая сноска о возможных источниках показателя общего вопроса *s-question* (с. 59, 293, 306, 321), также четыре раза воспроизведена сноска о том, что квалификация результата грамматикализации как комплетива является условной и, возможно, более подходящим ярлыком был бы ямитив (с. 174, 252, 352, 418). Порядка десяти раз в переходах, иллюстрирующих развитие дискурсивных показателей, повторяется большой абзац про то, что соответствующий тип развития выходит за рамки собственно грамматикализации, поскольку демонстрирует не увеличение семантической и морфосинтаксической интеграции, а обратный процесс. Такие повторы более органично смотрелись бы в онлайн-базе данных, где каждый вход воспринимается независимо от других, однако в рамках книжного издания более оправданным кажется единственное упоминание с последующими отсылками к соответствующей странице или переходу. Кстати, на нежелательность идентичных повторов обращалось внимание еще в рецензиях на первое издание, см. [Anderson 2003: 428; Simango 2004: 98].

В приложении, содержащем список языков, можно отметить некоторую непоследовательность классификации: в ряде случаев после названия языка приводится сразу название языковой семьи, в других случаях — еще и промежуточной ветви (группы) или нескольких промежуточных уровней; при этом названия таксонов верхних уровней могут не совпадать для родственных языков. Так, аварский характеризуется просто как «North, Caucasian», цезский — как «Tsezic, Northeast, Caucasian», другой язык цезской группы, хваршинский, — как «Dido, Northeast Caucasian» (без запятой); шорский, киргизский и татарский — просто «Turkic», тогда как, например, тувинский и хакасский — как «Northeastern, Turkic» и т. п. Заметим, что и это обстоятельство отмечалось в рецензии на первое издание [Anderson 2003: 428–429] (там же содержался ряд замечаний по опечаткам в записи турецких и вьетнамских примеров), и досадно, что они не были учтены, как и многочисленные дополнения по ряду путей грамматикализации с диахроническими данными германских языков из рецензии [Fischer 2003: 141–142].

В последние годы, как кажется, стало уже нормой при обсуждении какого-либо пути грамматикализации указывать на то, отмечен ли он во «Всемирном лексиконе» 2002 г.² Безусловно, новое расширенное издание будет также широко востребовано, поскольку является незаменимым источником для того, чтобы узнать, какие переходы уже занесены в «канонический» список и в каких именно языках они засвидетельствованы. Интерес к справочнику со стороны исследователей конкретных языков понятен: если какой-либо путь развития в издании отсутствует, есть основания полагать, что он является редким в языках мира или даже ограничен лишь определенной языковой семьей, а то и одним языком (следовательно, его изучению и описанию желательно уделить особое внимание). С другой стороны, наличие пути в «Лексиконе» может подкрепить догадку исследователя в сомнительных случаях, когда свидетельства в конкретном языке не полностью надежны.

авторства цитируемого источника» (с. 28), тогда как просто QUOTATIVE толкуется как «показатель, вводящий прямую речь» (с. 32).

² По данным Google Scholar (на 24.04.2021), первое издание «Лексикона» было процитировано 3361 раз.

Как отмечают авторы рецензируемой книги, ее результаты «могут пригодиться в диахронической реконструкции, в особенности в тех областях, где другие доступные историческому лингвисту инструменты, такие как сравнительно-исторический метод, сравнительная типология или внутренняя реконструкция, не дают приемлемого результата» (с. 1). Тем не менее остается открытым вопрос о том, как может — или как мог бы — пополняться «Лексикон» за счет примеров известных путей грамматикализации из других языков, а также новых, еще не зафиксированных в нем на сегодня путей. Количество новой литературы по типологии грамматикализации в последние годы не уменьшается — ср., например, публикации, посвященные определенным семантическим группам источников [Devos, van der Wal 2014] и обзорам по конкретным языковым семьям и ареалам [Narrog, Heine 2018], в том числе два фундаментальных издания в чрезвычайно популярном в последние годы жанре «хэндбука» (как правило, это тысячестраничные тома увеличенного формата, содержащие несколько десятков обзорных тематических статей на определенную тему) от издательств Оксфордского университета [Narrog, Heine 2011] и «Mouton de Gruyter» [Bisang, Malchukov 2020]. Некоторые из этих работ учтены во втором издании «Лексикона», однако вряд ли поток публикаций иссякнет в обозримом будущем, тем более что источником для поиска путей грамматикализации в значительной степени являются не такие специализированные работы, а конкретно-языковые грамматики и словари.

В новом издании не обсуждается вопрос об альтернативном представлении собранных данных, помимо собственно книжного. Между тем за годы, прошедшие после выхода первого издания «Лексикона», в лингвистической типологии произошел настоящий прорыв в области создания онлайн-баз данных открытого доступа, ср. такие известные проекты, существующие уже не один год, как WALS — «Всемирный атлас языковых структур» (<https://wals.info>), WOLD — «Всемирная база лексических заимствований» (<https://wold.clld.org>), CLICS — «Типологическая база данных лексификаций» (<https://clics.clld.org>) и ряд других. Параллельно с изданием двухтомника [Bisang, Malchukov 2020] группой «Mainz Grammaticalization Project» (MAGRAM) подготовлена собственная база данных, которая включает около 1000 путей грамматикализации в языках, описанных авторами книги, и готовится к размещению онлайн к концу 2021 г. (<https://en.magram.fb05.uni-mainz.de>). Особенностью базы данных MAGRAM будет то, что помимо данных о языке и примерах грамматикализации каждый путь развития будет содержать количественную оценку по ряду параметров грамматикализации.

На этом фоне имеющий только книжный вид «Всемирный лексикон грамматикализации» начинает казаться слишком «старомодным», а почти 20-летний цикл переиздания — слишком долгим. Если в 2002 г. призыв преобразовать книгу в онлайн-базу данных [Maisak 2002] мог казаться слишком радикальным, то в настоящее время это решение представляется скорее «дефолтным», тем более что в ряде подобных проектов (например, WALS) разработчики предусмотрели возможность «обратной связи» посредством комментирования на сайте. Хочется надеяться, что следующая встреча читателей с обновленным «Всемирным лексиконом» произойдет уже скоро и во «Всемирной паутине».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Майсак 2003 — Майсак Т. А. [Рец. на:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Вопросы языкознания*, 2003, 4: 134–139. [Maisak T. A. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 4: 134–139.]
- Оскольская и др. 2020 — Оскольская С. А., Заика Н. М., Клименко С. Б., Федотов М. Л. Определение каритива как сравнительного понятия. *Вопросы языкознания*, 2020, 3: 7–25. [Oskolskaya S. A., Zaika N. M., Klimenko S. B., Fedotov M. L. Defining caritive as a comparative concept. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3: 7–25.]

- Anderson 2003 — Anderson G. D. S. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Journal of Linguistics*, 39: 427–429.
- Bisang, Malchukov 2020 — Bisang W., Malchukov A. (eds.). *Grammaticalization scenarios: Cross-linguistic variation and universal tendencies*. In 2 vols. Berlin: De Gruyter, 2020.
- Devos, van der Wal 2014 — Devos M., van der Wal J. (eds.). *COME and GO off the beaten grammaticalization path*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Fischer 2003 — Fischer O. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Functions of Language*, 2003, 10(1): 136–143.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. 1st edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Heine, Kuteva 2005 — Heine B., Kuteva T. *Language contact and grammatical change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Heine, Kuteva 2006 — Heine B., Kuteva T. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Heine, Kuteva 2007 — Heine B., Kuteva T. *The genesis of grammar: A reconstruction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
- Long et al. 2012 — Long Haiping, Gu Feng, Xiao Xiaoping (trans.), Hong Bo, Gu Feng (annotating). *Translations of World Lexicon of Grammaticalization*. Beijing: Beijing World Publishing Corporation, 2012.
- Maisak 2002 — Maisak T. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *LINGUIST List*, 13.2166, Aug 24, 2002. <https://linguistlist.org/issues/13/13-2166/>.
- Narrog, Heine 2011 — Narrog H., Heine B. (eds.). *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Narrog, Heine 2018 — Narrog H., Heine B. (eds.). *Grammaticalization from a typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018.
- Simango 2004 — Simango S. R. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*, 2004, 22(1/2): 97–98.

Получено / received 17.12.2020

Принято / accepted 26.01.2021

[Рец. на: / Review of:] **K. Schmidtke-Bode, N. Levshina, S. M. Michaelis, I. A. Seržant (eds.). *Explanation in typology: Diachronic sources, functional motivations and the nature of evidence***. Berlin: Language Science Press, 2019. xii + 258 p. (Conceptual Foundations of Language Science, 3.) ISBN 9978-3-96110-147-4 (Digital); 978-3-96110-148-1 (Hardcover).

Дмитрий Валентинович Герасимов

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
dm.gerasimov@gmail.com

Dmitry V. Gerasimov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia;
dm.gerasimov@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.150-160

В лингвистической типологии наблюдаемые межъязыковые закономерности, например классические гринберговские универсалии, принято объяснять с отсылкой к различным функциональным принципам или мотивациям, таким как простота порождения / восприятия / усвоения, иконичность и т. п. Подобные объяснения могут формулироваться в терминах как синхронии (в языках мира преобладают более «выигрышные» в коммуникативном или когнитивном отношении конфигурации), так и диахронии (изменения, которые приводят к таким конфигурациям, более вероятны). Однако в последнее десятилетие все больший вес приобретает точка зрения, восходящая к идеям [Greenberg 1969; Givón 1984; Aristar 1991], согласно которой синхронная дистрибуция языковых явлений складывается в результате действия множества локальных диахронических процессов и не зависит ни от каких общих принципов — только от набора исходных состояний и типовых путей развития. (Самое недавнее сжатое изложение этого подхода, помимо рецензируемого сборника, содержится в [Cristofaro 2019]; см. также [Bybee 2008; Grossman, Polis 2019].) Так, если в известной теории Дж. Хокинза сильная корреляция между относительными порядками глагола и прямого дополнения с одной стороны и адлога и имени с другой объясняется тем, что при «гармоничных» порядках (последовательным правом или левом ветвлении) для успешного распознавания границ составляющих достаточно более короткого отрезка высказывания [Hawkins 1994: 96 *inter alia*], то объяснение, ориентированное на источник, сводится к тому, что адлоги типично грамматикализуются из глаголов или реляционных имен и порядок адлога относительно существительного естественным образом «наследует» порядок глагола относительно дополнения или реляционного имени относительно посессора.

Таким образом, даже в рамках функционально-типологического языкознания, делающего акцент на диахронических соображениях, сегодня существуют диаметрально противоположные подходы к объяснению языковых универсалий. Кроме того, хотя и объяснения, ориентированные на результат, и объяснения, ориентированные на источник, основаны на понятных базовых положениях, многие важные детали обоих подходов, особенно касающиеся методов интерпретации языковых свидетельств, нуждаются в уточнении. Вопрос о том, каким образом исторические соображения должны привлекаться для объяснения типологических распределений и насколько последние сводимы к диахроническим источникам соответствующих единиц, относится к числу наиболее фундаментальных в современной лингвистике. Его обсуждению и посвящен рецензируемый сборник¹.

¹ Выражаю благодарность Д. А. Алфимовой, Е. А. Забелиной, М. Ю. Князеву, Э. Койле, Н. Н. Логвиновой, С. А. Оскольской, Д. А. Тискину, М. А. Холодиловой, М. Л. Федотову и другим

Содержательная часть открывается программной статьей **М. Хаспельмата** «Можно ли объяснить межъязыковые закономерности ограничениями на возможные изменения?».

Автор уделяет много места прояснению терминологических вопросов, перечисляя различные виды аргументации, которые могут скрываться за расплывчатым ярлыком «диахроническое объяснение», а также противопоставляя подлежащие объяснению закономерности (regularities), которые могут быть внутри- и межъязыковыми, и привлекаемые для их объяснения каузальные факторы. Для последних в статье из ряда более или менее синонимичных обозначений (constraint, restriction, preference, tendency, bias, motivation, pressure, force) выбирается термин «ограничение» (constraint). Далее предлагается классификация ограничений, ответственных за наблюдаемые межъязыковые закономерности (дистрибуции, импликации): (а) функционально-адаптивные (продиктованные нуждами коммуникации); (б) репрезентационные (продиктованные когнитивным представлением языка; примером могут служить принципы универсальной грамматики); (в) мутационные (законы языковых изменений) и (г) связанные с усвоением (в генеративизме по умолчанию отождествляются с репрезентационными). Диахронически-ориентированные объяснения синхронных распределений могут опираться на ограничения либо первого, либо третьего типа. Последние следует отличать от просто повторяющихся (recurrent) сценариев развития, которые не обладают универсальным характером и не могут иметь объяснительной силы. Также мутационные ограничения могут быть двух типов: ограничения на источник изменений (к таковым обращается в своей аргументации С. Кристофаро) и на направление изменений (например, односторонненность грамматикализации).

Главный содержательный тезис М. Хаспельмата заключается в том, что хотя «мутационные» объяснения нельзя сбрасывать со счетов, по крайней мере часть межъязыковых закономерностей неизбежно должна объясняться функционально-адаптивными ограничениями. На это указывают явления множественной конвергенции, когда в разных языках в результате действия различных диахронических процессов возникают схожие конфигурации, одинаковым образом облегчающие коммуникацию. При этом функционально-адаптивные объяснения не полагаются на понимание сценариев развития: если наблюдается некоторая универсальная тенденция и для нее есть убедительное функциональное объяснение, детали соответствующих диахронических переходов не могут служить аргументами против последнего. Все то же верно для адаптивных объяснений в эволюционной биологии: для того, чтобы утверждать, что крылья являются адаптацией для полета, не нужно рассматривать детали их генезиса у насекомых, птиц и рукокрылых. Для случаев, когда для одной и той же закономерности оказываются возможны объяснения разных типов, автор предлагает шкалу затратности ограничений: мутационные > функционально-адаптивные > репрезентационные. Чем левее на шкале располагается ограничение, тем более непосредственно можно наблюдать его действие и тем меньше дополнительных допущений требует соответствующее объяснение, которое, таким образом, оказывается тем более предпочтительным.

Апология подхода, ориентированного на источник, представлена в статье **С. Кристофаро** «Принимая диахронические свидетельства всерьез: объяснения типологических универсалий, ориентированные на результат и на источник». Автор практически отвергает валидность функционально-адаптивных объяснений, опираясь на два типа свидетельств: явления множественной конвергенции (которые привлекаются М. Хаспельматом как аргумент в пользу противоположной точки зрения) и наличие в языках мира «неоптимальных» конфигураций, нарушающих те или иные функциональные ограничения. Для иллюстрации привлекаются две межъязыковые тенденции: дифференциальное маркирование

участникам заседаний Научного общества студентов в Санкт-Петербурге за интересное и плодотворное обсуждение некоторых положений сборника. Любые ошибки, неточности и спорные интерпретации остаются на совести рецензента.

аргументов (тяготение к эргативности для левого конца иерархии Сильверстайна, к аккумулятивности для правого) и выражение числа (тенденция к маркированности множественного). В обоих случаях к ожидаемому результату могут приводить различные процессы (фонетическая эрозия, переосмысление исходно нефинитных конструкций, грамматикализация из различных источников), которые не выглядят связанными. В обоих случаях находятся примеры развития, которые нарушают ожидаемые закономерности: утрата падежных различий у личных местоимений (но не у существительных) в нганасанском, нулевое маркирование мн. ч. (при эксплицитном показателе ед. ч.) в нчанти (в одной паре именных классов), сингальском и имонда². Само наличие таких исключений рассматривается как опровержение принципа (никаких количественных данных в статье нет). Кажется, что название статьи вводит читателя в заблуждение: «объяснение типологической универсалии, ориентированное на источник» по С. Кристофаро сводится к тому, что никакой универсалии, требующей объяснения, перед нами нет, а есть просто механически сложившееся на данном историческом срезе количественное преобладание некоторой конфигурации. Объяснения в терминах синхронных свойств конфигурации избыточны, так как наблюдаемые распределения целиком определяются различиями в частотности исходных конструкций и механизмов перехода. Не очень понятно, чем объясняются первые и как измерить вторые, но здесь автор видит перспективу новой исследовательской программы для типологии.

С. Кристофаро приводит свои возражения на два аргумента М. Хаспельмата в пользу функционально-адаптивных объяснений: редкость «нарушающих» конфигураций и явление множественной конвергенции. В первом доводе она видит логическую ошибку, но ее собственная аргументация в этом месте невнятна. Согласно ей, если какой-то принцип «запрещает» некоторую конфигурацию, из этого не следует, что он потворствует другим конфигурациям, из чего далее делается вывод, что преобладание таковых должно быть мотивировано другими принципами. По поводу конвергенции просто повторяется тезис о том, что причины диахронических изменений различны, следовательно, нет оснований говорить о действии универсального принципа³.

Более взвешенную (в нескольких смыслах этого слова) версию подхода, ориентированного на источник, отстаивает **Дж. Коллинз** в краткой статье «Некоторые языковые универсалии суть исторические случайности». Он фокусируется на корреляциях порядка слов, развивая линию [Givón 1971; Aristar 1991]. Единообразие порядков внутри глагольной, адложной и посессивной именной группы легко может быть объяснено диахроническими связями между различными типами составляющих, в пользу же того, чтобы соответствующие переходы (грамматикализация адлогов из вспомогательных глаголов и обладаемых имен, а также переосмысление различных неглагольных предикаций) направлялись какими-либо синхронными принципами, нет надежных свидетельств. Скорее можно говорить о естественности грамматикализации для человеческого языка и исторической инерции, сохраняющей порядок элементов, свойственный исходной конструкции. В то же время автор не отвергает функционально-адаптивных объяснений для тех закономерностей, которые не предсказываются очевидным образом свойствами источников,

² Приводимые примеры, за единичными исключениями, уже знакомы по [Cristofaro 2013; 2014]; некоторые будут также повторены в [Cristofaro 2019]. Их обсуждение в этих публикациях тоже в общих чертах совпадает.

³ Таким образом, С. Кристофаро эксплицитно отвергает такую встречающуюся иногда (см., например, [Козлов 2017: 125]) трактовку ее взглядов, что универсальные коммуникативные и когнитивные принципы «запускают» диахронические процессы, ответственные за синхронное распределение. С ее точки зрения, функционально-адаптивным факторам можно найти место в рамках подхода, ориентированного на источник, если предположить, что они могут способствовать как раз распространению и закреплению, но не появлению инноваций. Однако такое предположение кажется ей малоубедительным по ряду соображений.

например, для тенденции к постпозитивному расположению относительных клауз в ВО-языках. Здесь, как кажется, он вполне следует «шкале затратности», сформулированной выше М. Хаспельматом.

Действительно новым в рассуждениях Дж. Коллинза является положение о том, что если некоторые модели диахронического развития достаточно частотны, чтобы оказывать влияние на синхронное распределение, то они сами по себе являются возмущающим фактором, который в типологическом исследовании должен изолироваться, подобно тому, как это стандартно делается в отношении генетического родства или контактного влияния. Для этого необходимы обширные базы данных засвидетельствованных путей диахронических изменений. Таким образом, *contra* Haspelmath, для обоснования функционально-адаптивного объяснения нужно понимать различные сценарии грамматикализации, ведь сама подлежащая объяснению закономерность может быть установлена только после того, как устранено влияние «инерции источника». М. Хаспельмат в своей статье возражает, что эти методологические предложения не очень практичны, так как в нашем распоряжении совсем немного твердо установленных примеров грамматикализации, в основном из хорошо документированных на длительных временных отрезках языков Евразии; большинство же обсуждаемых в литературе случаев представляют собой гипотезы на основе косвенных данных, которые плохо поддаются статистическому анализу.

Статьи М. Хаспельмата, С. Кристофаро и Дж. Коллинза образуют концептуальное ядро сборника, задавая рамки дискуссии, свою позицию в которой так или иначе обозначают последующие авторы. Неслучайно треть всех внутренних ссылок в книге приходится на статью М. Хаспельмата и еще примерно столько же — на следующие две. Дальнейшие статьи представляют более частные эмпирические исследования.

М. Драйер («Объяснения корреляций порядка слов через грамматикализацию») обращается к той же проблематике, что и Дж. Коллинз, и приходит к тем же (в общих чертах) выводам: корреляции между порядком элементов в адложной группе и других типах составляющих наиболее естественно объясняются историей грамматикализации адлогов из глаголов и обладаемых имен, однако существует целый ряд корреляций порядка слов, для которых убедительного объяснения такого рода предложить не удастся⁴. Таким образом, лингвистическая типология нуждается как в ориентированных на источник, так и в функционально-адаптивных объяснениях. В отличие от Дж. Коллинза, автор опирается на обширную языковую выборку с балансировкой по генетическим объединениям (*genera*) и разбиением на макро-ареалы. Однако следует иметь в виду, что приводимые в статье количественные данные призваны скорее доказать само наличие корреляции (которое совсем не является новостью), чем приоритет какого-либо из объяснений для нее. Грамматикализационный подход предсказывает, что в тех языках, где порядки внутри глагольной и посессивной именной группы не совпадают, возможно сосуществование предлогов и послелогов — в зависимости от того, каков источник соответствующей адложной конструкции. М. Драйер демонстрирует, что это предсказание выполняется, приводя данные десятка подобных языков (преимущественно из Африки и Юго-Восточной Азии). При этом, по его утверждению, граница между предлогами и послелогом в каждом случае проходит неслучайно: значения, для которых типологически характерна грамматикализация из глагольного источника (главные ролевые, аллативное, обобщенное локативное и т. д.), ожидаемо оказываются по одну сторону, а те, для которых свойственно развитие из именного (различные частные пространственные значения), — по другую. Хотя представленная картина выглядит убедительно, не очень

⁴ В частности, М. Драйер отмечает случай корреляции между порядком объекта относительно глагола и порядком генитива относительно вершинного имени: предлагаемое Дж. Коллинзом объяснение через переосмысление исходных конструкций с номинализацией ему представляется умозрительным и плохо согласующимся с данными.

понятно, на какие данные опирается М. Драйер в своих утверждениях о типичных источниках грамматикализации для тех или иных адложных значений: он не приводит каких-либо ссылок, а существующие работы по этому вопросу, такие как [Svovou 1994: 70–117], не основаны на репрезентативных количественных данных. Кроме того, иные источники грамматикализации адлогов хорошо известны даже для индоевропейских языков, ср. [Seržant, Rafienko 2020 и цит. лит.] о греческом. Вопрос о том, насколько представительны приводимые свидетельства языков со смешанным порядком в адложных группах, также вряд ли может быть решен без дополнительного обширного типологического исследования.

Схожим образом построена статья **Х. Дисселя** «Препозитивные обстоятельственные клаузы: функциональная адаптация и диахроническое наследование», в которой вопрос о соотношении мутационных и функционально-адаптивных ограничений рассматривается применительно к позиции зависимых клауз и показателей подчинения в биклаузных конструкциях. В центре внимания находятся препозитивные обстоятельственные клаузы, в случае которых традиционное возведение подчинения к партаксису выглядит не слишком убедительно. На материале выборки из 100 языков автор рассматривает обстоятельственные конструкции четырех семантических типов (всего 530 конструкций) с точки зрения таких параметров, как позиция зависимой клаузы, позиция субординатора и диахронический источник конструкции. Это новые данные, которые интересны сами по себе и способны дополнить существующие типологические исследования, такие как [Martowicz 2011; Hetterle 2015]. На основании полученной дистрибуции автор делает вывод о том, что позиция зависимой клаузы скорее определяется функциональными факторами, среди которых требования организации дискурса, иконичность и аналогическое выравнивание. С другой стороны, позиция субординатора внутри клаузы (рассматриваются только свободные союзы) зависит от источника грамматикализации; функционально-адаптивное объяснение в духе Дж. Хокинза наталкивается на слишком большой процент конструкций с «негармоничными» порядками, а также не позволяет убедительно реконструировать диахроническое развитие предсказываемых порядков. В этой связи Х. Диссель критикует тезис М. Хаспельмата о том, что функционально-адаптивные объяснения не обязаны учитывать конкретно-языковые диахронические данные.

Статья **К. Шмидтке-Бодэ** «Состояния-аттракторы и диахронические изменения в “Processing Typology”» Дж. Хокинза распадается на две части. Первая часть содержит критический обзор исследовательской программы Дж. Хокинза [Hawkins 1994; 2004; 2014], которой неоднократно ставилось в упрек (в том числе и в предшествующих статьях сборника) недостаточное внимание к диахроническим источникам объясняемых закономерностей. Автор утверждает, что лежащие в основе функционально-адаптивной теории Дж. Хокинза требования эффективного кодирования могут направлять языковые изменения на этапе распространения (diffusion) инновации в языковой системе, но не на этапе собственно ее возникновения (возможность, бегло упоминаемая выше С. Кристофаро). Вторая часть статьи посвящена статистической проверке конкретного предсказания теории Дж. Хокинза — о том, что грамматикализация артиклей более продуктивна в VO-языках по сравнению с OV-языками [Hawkins 2014: 113–114, 124–126]⁵. К. Шмидтке-Бодэ опирается на обширную выборку WALS [Dryer 2013], с поправками на возмущающий фактор языкового родства; используемые методы и все этапы анализа подробно описаны в онлайн-приложениях к статье. Предсказание Дж. Хокинза в целом выполняется, однако влияние порядка слов представляется относительно

⁵ В оригинале предсказание сформулировано более узко: рассматриваются только морфологически свободные определенные артикли. Однако, как справедливо замечает К. Шмидтке-Бодэ, рассуждение Дж. Хокинза одинаково применимо к любым элементам, способным служить маркерами границы именной группы.

слабым⁶ и легко уступает другим факторам (см. следующую статью); кроме того, автор не уверен в том, что корреляция в данном случае означает причинную связь.

В статье «Слабые универсальные силы: различительная функция падежа в системах дифференциального маркирования объекта» **И. А. Сержант** вводит понятие «слабой универсальной силы» (*weak universal force*): так предлагается называть фактор, влияющий на диахронические изменения в языках мира, воздействие которого, однако, частично нейтрализуется конкурирующими факторами (в частности, аналогией или инерцией семантики исходной конструкции) и может не прослеживаться на уровне синхронии. Такие слабые функционально-адаптивные факторы легко могут ускользать от внимания исследователя при стандартном типологическом анализе. Примером может служить тенденция к порядку слов SVO [Hammarström 2015]: хотя переход от SOV к SVO фиксируется чаще, чем в обратном направлении, последний порядок не является преобладающим в языках мира из-за большого количества семей, сохраняющих унаследованный от праязыка порядок SOV. В статье подробно обсуждается другая предположительная слабая универсалия: использование дифференциального маркирования объекта для различения А- и Р-участников. Это интересный кейс, поскольку в литературе высказывались противоположные точки зрения на то, действительно ли системы именного маркирования в языках мира мотивированы необходимостью различения ядерных актантов. Автор приводит данные ряда генетически и ареально несвязанных языков, в которых дифференциальное маркирование объекта в целом жестко определяется положением соответствующего участника на тех или иных шкалах (одушевленности, определенности, топикальности), однако может применяться и для снятия неоднозначности в специфических контекстах, когда существует риск неправильного отождествления ролей участников. При этом специальное оформление получает участник, по своим характеристикам находящийся на верхней границе «немаркированной» части шкалы. Таким образом, различительная функция присутствует в системе и влияет на направление языковых изменений (способствуя распространению маркирования на более низкие участки шкалы, например от определенности к специфичности), однако занимает подчиненное положение по отношению к другим мотивирующим факторам, проявляется маргинально и остается незаметной в синхронном типологическом распределении. Также автор подробно рассматривает (преимущественно с опорой на [Крысько 1994; 1997]) историю развития категории одушевленности в русском языке. Некоторые этапы этого процесса направлялись необходимостью различения участников, однако в своем современном состоянии дифференциальное маркирование объекта в русском языке не выполняет такой функции. Показательно, что обсуждаемые в статье факторы избегания неоднозначности действуют независимо от того, каков диахронический источник конкретного показателя.

С. М. Михэлис в статье «Свидетельства креольских языков в пользу функциональной адаптации в грамматике: зависимые и независимые притяжательные местоимения» доказывает, что наблюдаемая универсалия, согласно которой референтные формы притяжательных местоимений (англ. *mine*, *yours*) всегда длиннее или, по крайней мере, не короче атрибутивных (англ. *my*, *your*)⁷, связана с более высокой частотностью последних. Для этого она привлекает материал креольских языков, которые, благодаря своей краткой и исключительно интенсивной истории дают уникальные возможности для наблюдения грамматикализационных процессов. Во всех 59 креолах из базы данных APiCS вышеуказанная универсалия выполняется так же, как и в неконтактных языках, при этом релевантные диахронические процессы разнообразны и включают в себя как сокращение

⁶ В качестве одного из аргументов К. Шмидтке-Бодэ приводит тот факт, что во всех крупных языковых семьях мира с порядком слов OV распределение артиклевых и безартиклевых языков не отличается от случайного. Однако именно такой результат кажется наиболее ожидаемым в рамках теории Дж. Хокинза.

⁷ См. в этой связи [Ye 2020].

атрибутивной формы, так и привлечение дополнительного материала для образования независимой. В специальном разделе кратко рассматриваются и отвергаются альтернативные объяснения: разнообразие диахронических источников делает несостоятельным объяснение в духе С. Кристофаро, а тезис о том, что независимые формы обладают более сложной семантикой, представляется автору необоснованным. Возможно и синтаксическое объяснение: если зависимое притяжательное местоимение входит в состав NP/DP, то независимое само по себе образует соответствующую группу со всей ее функциональной структурой. С. Михаэлис не видит здесь противоречия, утверждая, что само наличие функциональных маркеров типа артиклей или номинализаторов есть следствие кодифицированного в синтаксисе предпочтения говорящих маркировать менее ожидаемую информацию. Однако на наш взгляд, автор здесь неправомерно снимает с себя бремя доказательства.

Н. Г. Левшина в статье «Лингвистический Франкенштейн, или как тестировать универсальные ограничения без реальных языков»⁸ также привлекает к дискуссии новый тип данных, на этот раз — результаты эксперимента по изучению искусственного языка. Эта набирающая популярность методология позволяет симулировать языковые изменения на микроуровне и тем самым разрешить некоторые трудности, связанные с проверкой функционально-диахронических объяснений. После краткого обсуждения методологии (см. также более подробный обзор в [Tamariz 2017]) и основных полученных с ее помощью результатов (к числу которых относится вывод о тенденции испытуемых изменять изучаемый язык из соображений экономии и коммуникативной эффективности [Fedzechkina et al. 2012]) автор описывает собственный эксперимент, призванный проверить известную гипотезу [Haspelmath 2008] о том, что межъязыковая тенденция кодировать более прямую каузацию структурно более простыми выражениями объясняется соображениями экономии и частотности, а не иконичности. Испытуемые с помощью коротких мультфильмов изучали искусственный язык, в котором различные по длине варианты каузативных префиксов находились в свободной дистрибуции. При порождении собственных высказываний испытуемые статистически значимо чаще использовали более короткий алломорф для маркирования той каузирующей ситуации, которая чаще фигурировала в стимульном материале. Характер каузируемой ситуации не оказывал значимого влияния. Поскольку представленные каузирующие ситуации занимают одинаковое место на шкале опосредованности (что исключает фактор иконичности), а объяснение «от источника» очевидно неприменимо, эксперимент позволяет изолировать фактор частотности/экономии. В заключении Н. Г. Левшина кратко отмечает некоторые недостатки и ограничения использованного подхода, а также задается вопросом о том, какое место занимает стремление говорящих к экономии в типологии ограничений, предложенной выше М. Хаспельматом. В качестве рабочей гипотезы она соглашается с традиционным отнесением его к функционально-адаптивному типу, хотя не исключает и того, что данное ограничение может быть скорее связано с усвоением языка.

В своеобразном кратком эпилоге («Диахронические источники, функциональные мотивации и природа свидетельств: синтез») **К. Шмидтке-Бод** и **Э. Гроссман** суммируют основные положения статей сборника и пытаются подвести некоторые итоги, указывая проблемные точки и направления дальнейших исследований. Они справедливо отмечают, что объяснения, апеллирующие к источнику, оказываются одновременно более и менее элегантными по сравнению с функционально-адаптивными: с одной стороны, они предполагают меньше исходных теоретических допущений, с другой — опираются на конкретно-языковые сценарии диахронических изменений, чаще всего реконструируемые по косвенным свидетельствам. Неслучайно данные, которыми оперируют приверженцы первого подхода, демонстрируют перекося в сторону хорошо документированных семей

⁸ В целом статья повторяет, с более развернутым обсуждением, 5-ю главу диссертации [Levshina 2018: 126–138].

и содержат многочисленные лакуны. Недостаток наших знаний о языковой диахронии не позволяет предложить убедительное решение в споре М. Хаспельмата и С. Кристофаро, которые привлекают одни и те же данные (явление множественной конвергенции) в подтверждение диаметрально противоположных точек зрения. В этом контексте закономерны попытки сторонников функционально-адаптивного подхода дополнить типологические данные свидетельствами из других источников (ср. статьи И. А. Сержанта и особенно Н. Г. Левшиной).

В конечном итоге К. Шмидтке-Боден и Э. Гроссман приходят к выводу о перспективности многофакторной объяснительной модели, в которой инерция исходных конструкций выступает как одна из сил, оказывающих влияние на формирование синхронного распределения. Полный набор факторов, который должен учитываться при объяснении типологических универсалий, еще предстоит установить: помимо ограничений, обсуждаемых в сборнике, он может включать в себя социокультурные, экологические и иные параметры, такие как численность языкового сообщества или высота места его проживания над уровнем моря; кроме того, авторы отмечают проблематичность разграничения факторов, связанных с репрезентацией и усвоением, и возможность мотивации мутационных ограничений более элементарными факторами других типов. Еще более сложный вопрос заключается в том, как следует учитывать относительный вес того или иного фактора. Здесь авторы отчасти связывают свои надежды с дальнейшим развитием динамического подхода [Nichols 2003; Bickel 2013], предполагающего моделирование вероятности того или иного синхронного распределения в зависимости от ранжирования выявленных факторов.

Как можно видеть по статьям сборника, дискуссия о диахронических мотивациях типологических универсалий далека от завершения. Среди функциональных типологов нет консенсуса даже по поводу объяснения гринберговских корреляций порядка слов — относительно простого набора закономерностей, которые надежно засвидетельствованы на исключительно большой языковой выборке и для которых альтернативные варианты анализа подробно артикулированы в литературе. Кажется возможным выделить две основные линии противостояния.

Во-первых, это явление множественной конвергенции, когда схожие паттерны независимо возникают в разных языках в результате различных по характеру диахронических процессов. С точки зрения С. Кристофаро, разнородность переходов, приводящих к синхронному распределению, уже говорит о том, что такое распределение «случайно» и не мотивировано никакими адаптивными соображениями. Напротив, для М. Хаспельмата (и большинства других авторов) тот факт, что разные диахронические дороги ведут в один и тот же синхронный Рим, сам по себе свидетельствует о действии факторов, накладывающих ограничения на возможный результат.

Это подводит нас ко второму камню преткновения: необходимо ли понимать детали диахронических переходов, как утверждает Дж. Коллинз, или без этого можно обойтись, как считает М. Хаспельмат? Последний прав в том, что функционально-адаптивные объяснения не опираются на такое понимание. Однако без знания диахронии невозможно оценить конкурирующее объяснение с опорой на мутационные ограничения, а значит, сделать выбор между этими альтернативами. Таким образом, принимая функционально-адаптивное объяснение только на основании множественной конвергенции, М. Хаспельмат противоречит предложенной им же шкале: он останавливается на более «затратном» объяснении, не удостоверившись в невозможности менее «затратного». Можно согласиться с ним в том, что использование языковых выборок, сбалансированных по частотным сценариям развития, на сегодняшний день выглядит излишне амбициозной программой, однако жаль, что он никак более не комментирует лежащую в основе этого предложения идею Дж. Коллинза о повторяющихся диахронических переходах как о специфическом случае внешних зависимостей. Представляется все же, что для дальнейшей дискуссии, в частности для спора о множественной конвергенции, будут иметь большое значение детальные экскурсы в диахронию конкретных языков, такие как [Seržant, Rafienko 2020], где показывается, как

в греческом языке после классического периода происходит «гармонизация» порядка слов, не поддерживаемая свойствами конструкций-источников.

Несмотря на все разногласия между авторами, дискуссию, разворачивающуюся на страницах сборника, можно считать продуктивной. Книга делает большой шаг в сторону конструктивного переформулирования вопроса: от того, адаптивными или мутационными факторами объясняются наблюдаемые типологические закономерности, к тому, как именно адаптивные и мутационные факторы должны сочетаться в объяснении. Полезной для дальнейшей дискуссии в этом направлении представляется и попытка прояснить терминологию, предпринятая М. Хаспельматом⁹.

Стоит перечислить несколько важных для дискуссии о типологических объяснениях моментов, которым в сборнике уделено относительно мало (или вообще не уделено) места. Во-первых, в фокусе внимания находится конкуренция объяснений в терминах мутационных и функционально-адаптивных ограничений, если пользоваться классификацией М. Хаспельмат; возможная роль репрезентационных ограничений остается за кадром (см., однако, несколько полемически заостренное обсуждение в вышедшей позднее статье [Haspelmath 2020]). Для сборника, авторы которого происходят из функционально-типологического лагеря, такой пробел ожидаем. Во-вторых, мутационные ограничения и вообще механизмы диахронических изменений, такие как грамматикализация и реанализ, в основном рассматриваются как независимый фактор, хотя авторы признают, что эти механизмы сами по себе могут быть мотивированы факторами иного порядка (Э. Гроссман и К. Шмидтке-Бодэ упоминают ряд недавних работ, в которых поднимается эта проблематика). В-третьих, возможность того, что разные этапы языкового изменения (возникновение инноваций, ее конвенционализация и распространение в языковом сообществе) могут быть мотивированы разными факторами, упоминается сразу в нескольких статьях, но не удостоивается развернутого обсуждения. Между тем С. Кристофаро приводит (и тут же отвергает) любопытную биологическую аналогию: адаптивную природу имеет распространение и закрепление мутаций в популяции, но не их возникновение. Наконец, заслуживает внимания вопрос о том, каковы, собственно, известные нам на сегодняшний день закономерности языкового развития, достаточно универсальные для того, чтобы за ними можно было признать статус мутационных ограничений на источник. М. Хаспельмат не приводит новых примеров сверх нескольких «диахронических законов», предельно предложенных в [Plank 2007], и даже о развитии адлогов из глаголов и реляционных имен как о возможном мутационном ограничении авторы сборника говорят (и справедливо) с большой осторожностью. Хочется верить, что перечисленные вопросы еще дождутся более тщательного рассмотрения.

Сейчас же перед нами книга, затрагивающая фундаментальные проблемы современного типологического языкознания, и при этом весьма эмпирически насыщенная. Мимо нее не стоит проходить тем, чьи научные интересы связаны с объяснительной типологией. Лингвистам же, занимающимся историческими изменениями в морфосинтаксисе (причем на любых временных отрезках, от микродиахронии до праязыковой реконструкции), знакомство со сборником может помочь поместить свои исследования в более широкий теоретический и типологический контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Козлов 2017 — Козлов А. А. [Рец. на:] T. Nessel. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of Russian language. Bloomington (IN), 2015. *Вопросы языкознания*, 2017, 3: 125–132.

⁹ Тут можно вспомнить недавнюю работу [Sansò 2020], автор которой ссылается на статьи сборника, но формулирует противопоставление подходов к объяснению довольно неудачным образом [Ibid.: 407].

- [Kozlov A. A. [Review of:] T. Nessel. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of Russian language. Bloomington (IN), 2015. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 3: 125–132.]
- Крысько 1994 — Крысько В. Б. *Развитие категории одушевленности в истории русского языка*. М.: Lyceum, 1994. [Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevennosti v istorii russkogo yazyka* [The evolution of animacy in the history of Russian]. Moscow: Lyceum, 1994.]
- Крысько 1997 — Крысько В. Б. *Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность*. М.: Индрик, 1997. [Krys'ko V. B. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka: Ob'ekt i perekhodnost'* [Historical syntax of Russian: Object and transitivity]. Moscow: Indrik, 1997.]
- Aristar 1991 — Aristar A. R. On diachronic sources and synchronic pattern: An investigation into the origin of linguistic universals. *Language*, 1991, 67(1): 1–33.
- Bickel 2013 — Bickel B. Distributional biases in language families. *Language typology and historical contingency*. Bickel B., Grenoble L. A., Peterson D. A., Timberlake A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013, 415–444.
- Bybee 2008 — Bybee J. L. Formal universals as emergent phenomena: The origins of structure preservation. *Linguistic universals and language change*. Good J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008, 108–121.
- Cristofaro 2013 — Cristofaro S. The referential hierarchy: Reviewing the evidence in diachronic perspective. *Languages across boundaries. Studies in memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2013, 69–93.
- Cristofaro 2014 — Cristofaro S. Competing motivation models and diachrony: What evidence for what motivation? *Competing motivations in grammar and usage*. MacWhinney B., Malchukov A., Moravcsik E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014, 282–297.
- Cristofaro 2019 — Cristofaro S. From synchronically-oriented typology to source-oriented typology: Typological universals in diachronic perspective. *Circolo linguistico dell'Università di Bologna. Working papers in linguistics*, 2019, 3: 52–68.
- Dryer 2013 — Dryer M. S. Definite articles. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/37>.
- Fedzechkina et al. 2012 — Fedzechkina M., Jaeger T. F., Newport E. L. Language learners restructure their input to facilitate efficient communication. *PNAS*, 2012, 109(44): 17897–17902.
- Givón 1971 — Givón T. Historical syntax and synchronic morphology: An archaeologist's field trip. *Chicago Linguistic Society*, 1971, 7: 394–415.
- Givón 1984 — Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. I. Amsterdam: John Benjamins, 1984.
- Greenberg 1969 — Greenberg J. H. Some methods of dynamic comparison in linguistics. *Substance and structure of language*. Puhvel J. (ed.). Berkeley: Univ. of California Press, 1969, 147–203.
- Grossman, Polis 2019 — Grossman E., Polis S. Swimming against the typological tide or paddling along with language change? Dispreferred structures and diachronic biases in affix ordering. *Journal of Historical Linguistics*, 2019, 8(3): 388–443.
- Hammarström 2015 — Hammarström H. The basic word order typology: An exhaustive study. Paper presented at the closing conference of the Department of Linguistics at the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, 24 November 2015.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*, 2008, 19(1): 1–33.
- Haspelmath 2020 — Haspelmath M. Human linguisticity and the building blocks of languages. *Frontiers in Psychology*, 2020. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.03056>.
- Hawkins 1994 — Hawkins J. A. *A performance theory of order and constituency*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Hawkins 2004 — Hawkins J. A. *Efficiency and complexity in grammars*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Hawkins 2014 — Hawkins J. A. *Cross-linguistic variations and efficiency*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Hetterle 2015 — Hetterle K. *Adverbial clauses in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
- Levshina 2018 — Levshina N. *Towards a theory of communicative efficiency in human languages*. Habilitation thesis. Leipzig: Univ. Leipzig, 2018.
- Martowicz 2011 — Martowicz A. *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss. Edinburgh: Univ. of Edinburgh, 2011.

- Nichols 2003 — Nichols J. Diversity and stability in language. *Handbook of historical linguistics*. Joseph B. D., Janda R. D. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003, 283–310.
- Plank 2007 — Plank F. Extent and limits of linguistic diversity as the remit of typology — but through constraints on what is diversity limited? *Linguistic Typology*, 2007, 11(1): 43–68.
- Sansò 2020 — Sansò A. Routes towards the irrealis. *Transactions of the Philological Society*, 2020, 118(3): 401–446.
- Seržant, Rafienko 2020 — Seržant I. A., Rafienko D. Diachronic evidence against source-oriented explanation in typology: Evolution of prepositional phrases in Ancient Greek. *Language Dynamics and Change*, 2020, 11(2): 167–200.
- Svorou 1994 — Svorou S. *The grammar of space*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Tamariz 2017 — Tamariz M. Experimental studies on the cultural evolution of language. *Annual Review of Linguistics*, 2017, 3: 389–407.
- Ye 2020 — Ye J. Independent and dependent possessive person forms. Three universals. *Studies in Language*, 2020, 44(2): 363–406.

Получено / received 30.11.2020

Принято / accepted 26.01.2021

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 30.09.2021 Формат 70×100^{1/16} Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 310 экз. Зак. 4/5а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ
История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА
Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА
Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

